ИСТОРІЯ
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ХРУЩОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и литографія В. В. Комарова, Невскій, 138—140.
1889.

ИСТОРІЯ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ХРУЩОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и литографія В. В. Комарова, Невскій, 138—140.
1889.

ИСТОРІЯ

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

I.

(Августъ 1854 г. Войска въ Крыму и севастопольскія укрѣпленія.—Сентябрь. Высадка у Евпаторіи 2-го сентября.—Распоряженія кн. Меньшикова для встрѣчи непріятеля.—Рекогносцировка непріятеля 7-го сентября).

Въ концѣ августа 1854 г. въ Крыму находились слѣдующія войска: 1) резервная бригада 13-ой пѣхотной дивизіи (8 батальоновъ, командиръ ген.-маіоръ Аслановичъ) была расположена на южной сторонѣ Севастополя; 2) 14-ой пѣхотной дивизіи полки: Волынскій (4 батал., подъ командой полк. Хрущова) и Минскій (4 батал., командиръ пол. Проходкинъ) были расположены на бухтахъ Стрѣлецкой, Камышевой и Казачьей, на южной сторонѣ Севастополя. Послѣдніе два полка находились подъ общимъ начальствомъ ген.-маіора Моллера и были перевезены на корабляхъ изъ Одессы осенью 1853 года, вмѣсто 13-ой дивизіи, отправленной на Кавказъ. При Волынскомъ полку находились двѣ батареи 14-ой артиллерійской бригады; 3) 17-ой пѣхотной дивизіи (подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Киріакова) полки: Московскій, (4 батал., командиръ ген.-маіоръ Куртьяновъ) и Бутырскій (4 батал., командиръ полк. Өедоровъ) были въ Өеодосіи и Керчи, въ распоряженіи ген.-адъютанда Хомутова. Бородинскій (4 батал.,

командиръ полка, Шелюта - Веревкинъ) и Тарутинскій (4 бат., командиръ ген.-маіоръ Волковъ) были расположены на сѣверной сторонѣ Севастополя. 17 пѣхотная дивизія въ составѣ этихъ 4-хъ полковъ прибыла изъ Москвы весною 1854 года; 4) 16-ой пѣхотной дивизіи (подъ командой генералъ-лейтенанта Квицинскаго) полки: Владимірскій (4 бат., командиръ полка Ковалевъ), Суздальскій (4 бат., ген.-маіоръ Тавянскій), Углицкій (4 батал.) и Казанскій (4 бат., полков. Селезневъ) были расположены на рѣчкѣ Альмѣ и прибыли изъ Бессарабіи форсированнымъ маршемъ въ августѣ, оставя на пути много больныхъ. При 16-ой и 17-ой дивизіяхъ состояли: артиллерійскія бригады и 6-ой стрѣлковый батальонъ; 5) гусарская бригада 6-ой легкой кавалерійской дивизіи состояла подъ командой генералъ-маіора Величко. Полки: Лейхтембергскій (командиръ ген.-маіоръ Халецкій) и Веймарскій (ген.-маіоръ Бутовичъ) были расположены въ окрестностяхъ Севастополя, и сверхъ того, нѣсколько казачьихъ полковъ. Флотъ на Севастопольскомъ рейдѣ состоялъ изъ 14-ти линейныхъ кораблей, 7-ми фрегатовъ, 1-го карвета, 2-хъ бриговъ и 11-ти пароходовъ. Флотскими дивизіями командовали: вице-адмиралъ Нахимовъ и Новосильскій. Командиромъ порта и исполяющимъ должность военнаго губернатора былъ вице-адмиралъ Станюковичъ. Командующій сухопутными и морскими силами въ Крыму, адмиралъ кн. Меньшиковъ, находился въ Севастополѣ, какъ равно и начальникъ штаба черноморскаго флота, адмиралъ Корниловъ. Комендантами крѣпости были: первымъ—ген.-лейтенантъ Кизмеръ и вторымъ — вице-адмиралъ Рогуля. Строителемъ Севастопольскихъ укрѣпленій былъ ген.-лейтенантъ Павловскій.

Укрѣпленія Севастополя съ моря состояли изъ батарей: Константиновской—97 орудій. Карташевской—5 орудій, Волоховой башни—10 орудій, Михайловской—77 орудій, № 4-й—46 оруд., Павловской—34 оруд., Николаев-

ской—105 оруд., № 8-й—62 оруд., Александровской—56 оруд. и № 10-й—60 оруд. Изъ нихъ первыя пять на сѣверномъ берегу Большой бухты, а остальныя на южномъ. Кромѣ того, близь Голландіи и Киленъ-бухты построены моряками, въ 1854 году, временныя батареи: 12-ти Апостольская, Парижская и Святославская (по именамъ кораблей). На нихъ было поставлено до 60 орудій. Эти батареи упразднили послѣ Альминскаго сраженія.

Всего для обороны рейда было до 600 орудій.

Для сухопутной обороны были слѣдующія укрѣпленія: на сѣверной сторонѣ слабое сѣверное укрѣпленіе съ 37 орудіями, и сверхъ того, съ Волоховой башни 10 орудій могли обстрѣливать съ тыла въ Константиновскую батарею.

На южной сторонѣ: бастіонъ № 7-ой—14 орудій, бастіонъ № 6, насыпанный въ теченіи лѣта—18 оруд., оборонительная казарма, гдѣ въ послѣдствіи возведенъ бастіонъ № 5-й—11 орудій. Эти три укрѣпленія соединены были каменною стѣнкою, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ находились 14 орудій. Далѣе слабый редутъ, извѣстный въ послѣдствіи подъ названіемъ редута Шварца—8 орудій, потомъ ничтожная земляная насыпь, послужившая основаніемъ 4-му бастіону—30 орудій; брустверъ на пересыпи—14 орудій; батарея, гдѣ въ послѣдствіи построенъ 3-й бастіонъ—18 орудій; Малахова башня—5 орудій, и влѣво отъ нея, въ разныхъ мѣстахъ—18 орудій. Всего на оборонительной линіи было до 200 орудій. И такъ, можно сказать, что съ сухаго пути Севастополь не имѣлъ солидныхъ укрѣпленій. Князь Меньшиковъ сдѣлалъ возможное къ укрѣпленію его въ теченіи лѣта, и наибольшее вниманіе обратилъ на батарею № 10; но всѣ эти укрѣпленія, исполненныя, такъ сказать, домашними средствами, безъ опредѣленнаго плана и людьми мало понимающими инженерное искусство (какъ напр. штабъ-офицеръ Старченко), не могли остановить аттакующаго непріятеля.

Въ этомъ положеніи засталъ насъ непріятель: огромный флотъ съ дессантнымъ войскомъ явился 1-го сентября у береговъ Евпаторіи: онъ состоялъ изъ 150 военныхъ судовъ, изъ которыхъ 80 паровыхъ, и 600 транспортовъ.

На другой день, 2 сентября, союзники высадили свои войска у стараго форта, близь дер. Контуганъ, занявъ въ тоже время Евтаторію, въ которой не было гарнизона.

Французскія войска состояли изъ 4-хъ дивизій, которыми командовали: Канроберъ, Боске, принцъ Наполеонъ и Форе, всего 38 батальоновъ и 4 саперныя роты, при 72 орудіяхъ, въ числѣ до 32 тысячъ. Главнокомандующимъ былъ маршалъ Сентъ-Арно, извѣстный блистательною храбростью и большою энергіею, хотя многіе не признавали въ немъ военныхъ достоинствъ, необходимыхъ для главнокомандующаго.

Англійскія войска состояли изъ 10 эскадроновъ кавалеріи Кардигана и пяти дивизій пѣхоты, подъ командою Броуна, герцога Кембриджскаго, Леси-Эвенса, Энгленда и Каткарта, всего 32 батальона и 10 эскадроновъ, при 24 орудіяхъ, въ числѣ 26 тысячъ человѣкъ; англійскимъ командовалъ дряхлый старикъ лордъ Рагланъ.

Турецкихъ войскъ, до 7 тысячъ. И того было 65 тысячъ человѣкъ.

Появленіе непріятельской армады и извѣстіе, что флотъ становится на якорь у Евпаторіи, не испугали насъ; напротивъ, мы радовались открытію военныхъ дѣйствій и были почти увѣрены въ побѣдѣ. Повидимому, и главнокомандующій раздѣлялъ эту самоувѣренность; по крайней мѣрѣ, кн. Меньшиковъ это показывалъ. Между тѣмъ, вотъ что князь писалъ, между прочимъ, къ государю, 29 іюля 1854 года: «... мы положимъ животы наши на защиту Святой Руси и праваго ея дѣла, каждый изъ насъ исполнитъ долгъ вѣрнаго слуги своего Государя и честнаго

сына отечества, но битва эта будетъ одного противъ двухъ, чего, конечно, желательно избѣгнуть».

При извѣстіи о высадкѣ союзниковъ, князь тотчасъ же двинулъ войска изъ Севастополя къ рѣкѣ Качѣ, а потомъ далѣе къ рѣкѣ Альмѣ.

Находясь у Камышевой бухты, поздно вечеромъ 1-го сентября, я получилъ приказаніе послать одну батарею къ Минскому полку, который въ ту же ночь выступилъ; а на другой день послѣ полудня и Волынскому, съ другой батареей, приказано оставить позицію у бухтъ. Мы были переправлены ночью на сѣверную сторону и слѣдовали далѣе на присоединеніе къ другимъ войскамъ. Всю ночь шелъ проливной дождь и мы промокли до костей. Утромъ 3-го числа погода разгулялась. Кн. Меньшиковъ обогналъ насъ у Мамашая, на рѣкѣ Качѣ; онъ весело ѣхалъ въ коляскѣ, окруженный своимъ штабомъ, и проѣзжая, выразилъ полку свою увѣренность, что волынцы постоятъ за себя, при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Хотя въ Альминскомъ дѣлѣ этому полку не довелось принять полнаго участія въ бою, но въ послѣдствіи онъ доказалъ свою стойкость и храбрость; къ чести этого полка надо прибавить, что въ продолженіи всей компаніи ни одинъ солдатъ не отлучился отъ своихъ знаменъ.

Старшимъ лицомъ въ Севастополѣ остался начальникъ 14-ой пѣхотной дивизіи, ген.-маіоръ Моллеръ, но вся власть была въ рукахъ адмирала Корнилова, который весьма справедливо пользовался полною довѣренностью князя. Корниловъ принялъ самыя энергичныя мѣры къ окончанію укрѣпленій и вооруженію оныхъ; работы производились подъ руководствомъ недавно прибывшаго изъ дунайской арміи полковника Тотлебена [1]), которому оборона Севасто-

[1]) Къ строителю Севастопольскихъ укрѣпленій князь не имѣлъ довѣренности и не поручалъ ему ничего.

поля доставила европейскую извѣстность и который обратилъ сначала особенное вниманіе на вооруженіе укрѣпленій сѣверной стороны.

Скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ генералахъ и лицахъ, составлявшихъ штабъ главнокомандующаго.

Весь штабъ князя, какъ командующаго войсками, въ Крыму расположенными, заключался въ полковникѣ Вуншѣ, годномъ только для исполненія обязанностей дежурнаго штабъ-офицера; ни генералъ-квартимейстера, ни дежурнаго генерала, ни интенданта, ни директора госпиталей — не было; слѣдовательно, не могло быть и должнаго порядка въ арміи. Генеральный штабъ состоялъ изъ двухъ неопытныхъ подполковниковъ — Саблера и Залѣскаго, и штабъ-ротмистра Жолобова, смертельно раненаго 8-го сентября.

Кромѣ адъютантовъ, при князѣ состояли: флигель адъютантъ полков. Исаковъ и дипломатическій чиновникъ, д. ст. сов. Комовскій.

Въ распоряженіе кн. Меньшикова былъ присланъ бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, князь Петръ Дмитр. Горчаковъ. Нерѣшительность и нераспорядительность этого генерала давно были извѣстны. Начальники дивизій: Моллеръ, Квицинскій и Кирьяковъ безъ всякихъ военныхъ способностей. Горчаковъ и Квицинскій, командуя въ Альминскомъ дѣлѣ войсками праваго фланга, сами водили батальоны въ аттаку, и послѣдній былъ тяжело раненъ. Моллера, какъ старшаго изъ генераловъ, главнокодующій оставилъ начальникомъ войскъ въ Севастополѣ, но дѣйствительнымъ распорядителемъ тамъ былъ помощникъ его, генералъ-адъют. Корниловъ. Г. Кирьяковъ, хвастунъ, пьяница, оказался вовсе не распорядительнымъ въ дѣлѣ, хотя былъ рекомандованъ князю изъ Петербурга, какъ brave soldat et bon général.

Онъ командовалъ въ Альминскомъ дѣлѣ войсками лѣваго фланга.

Бригадные генералы: Величко, Аслановичъ, Щелкановъ, Любимовъ и Гогиновъ и полковые командиры въ генеральскихъ чинахъ: Куртьяновъ (Московскаго), Волковъ (Тарутинскаго), Тавянскій (Суздальскаго), Халецкій (Лейхтемб. гусар.) и Бутовичъ (Веймарскаго гусар.) не имѣли ни малѣйшихъ качествъ для командованія войсками въ военное время. Артиллеріею командовалъ ген.-маіоръ Кишинскій, храбрый и знающій свое дѣло офицеръ. Начальникъ инженерныхъ работъ въ Севастополѣ, ген.-лейтен. Павловскій, былъ отстраненъ отъ своихъ обязанностей, и инжинерную часть князь поручилъ вполнѣ, только что прибывшему изъ дунайской арміи, полковнику Тотлебену, Достоинства и заслуги этого человѣка извѣстны всей Россіи.

Вотъ кѣмъ окруженъ былъ князь Меньшиковъ въ ту минуту, когда ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ сильнымъ, имѣющимъ въ рядахъ своихъ генераловъ и офицеровъ съ хорошимъ военнымъ образованіемъ и опытностью, пріобрѣтенною въ Африкѣ.

Князь Меньшиковъ избралъ крѣпкую позицію на рѣкѣ Альмѣ, у села Бурлюка, но занялъ оную не довольно хорошо; къ тому же она была слишкомъ растянута относительно числа нашихъ войскъ, и мы не озаботились привести эту позицію въ оборонительное положеніе искусственными средствами, къ чему способствовала мѣстность; даже оставили безъ вниманія лѣвый ея флангъ, полагая, что непріятель не можетъ взойти на высоты, примыкавшія къ морю. Между тѣмъ, было извѣстно, что татары ѣздили на орбахъ по дорогѣ, идущей отъ устья рѣки на хребетъ горъ. Стоило только перерыть эту дорогу и поставить на высотахъ нѣсколько орудій большаго калибра съ двумя или тремя батальонами, и тогда эта часть позиціи

была бы дѣйствительно недоступна. Конечно, огонь съ флота могъ нанести большой вредъ нашему отряду, но отрядъ можно было отвести до начала аттаки въ болѣе безопасное мѣсто.

Подробности диспозиціи и самаго боя извѣстны изъ разныхъ сочиненій, а потому я ограничусь только краткимъ изложеніемъ дѣла и описаніемъ участія въ немъ Волынскаго пѣхотнаго полка. Мой полкъ былъ поставленъ въ резервѣ за центромъ позиціи, правѣе Евпаторійской дороги. Всего находилось у насъ въ строю 42 батальона, 16 эскадроновъ, 11 сотенъ казаковъ и 10 батарей, въ числѣ около 33 тысячъ, съ 100 оруд.

7-го сентября, непріятель дѣлалъ рекогносцировку. Противъ кавалеріи Кардигана была выслана наша гусарская бригада и казаки съ двумя батареями, а въ резервъ къ намъ егерская бригада 17-ой дивизіи, подъ командою Кирьякова. Дѣло ограничилось небольшою кавалерійскою схваткою, причемъ взятъ въ плѣнъ французскаго генеральнаго штаба подполковникъ графъ де-ла-Гонди, находившійся при штабѣ Раглана.

II.

(Альминское сраженіе 8-го сентября и слѣдствія онаго).

8-го сентября, по случаю праздника, во всѣхъ полкахъ служили молебны. День былъ превосходный. Утромъ союзныя войска выступили съ Булганака; мы остались на мѣстахъ въ ожиданіи битвы. Атака началась около 11 часовъ.

Нашъ главнокомандующій могъ видѣть движеніе непріятельскихъ войскъ, кромѣ дивизіи Боске, которая тянулась по морскому берегу, прикрываясь холмами, и оттуда взбиралась по тропинкамъ на высоты. Минскаго полка подполковникъ Раковичъ, находясь съ батальономъ у сел.

Аклесъ, донесъ Кирьякову о движеніи Боске, но Кирьяковъ не обратилъ никакого вниманія на это донесеніе и даже выразился: «Пусть идутъ, мы забросаемъ ихъ шапками».

Узнавъ объ обходѣ нашего лѣваго фланга, главнокомандующій велѣлъ двинуть влѣво Московскій полкъ и двѣ батареи 17-ой бригады, которыя вмѣстѣ съ батальономъ Раковича заняли позицію у сел. Орта-Кисекъ, насупротивъ войскъ Боске. По нераспорядительности ген. Куртьянова, въ нашихъ войскахъ былъ большой безпорядокъ.

Вскорѣ туда прибыли еще три Минскіе батальона, но было уже поздно. Боске успѣлъ сосредоточить на высотахъ всю свою дивизію и былъ сильнѣе насъ. Главнокомандующій самъ прибылъ къ войскамъ лѣваго фланга, но не принялъ рѣшительныхъ мѣръ къ удержанію непріятеля, хотя самъ былъ подъ сильнымъ огнемъ.

Изъ его свиты тяжело раненъ флиг.-адъютантъ полковникъ Сколковъ, и смертельно—Жолобовъ. Возвращаясь отъ лѣваго фланга и проѣзжая мимо Волынскаго полка, князь сказалъ мнѣ: «Дѣло на лѣвомъ флангѣ поправилось, непріятель отодвинутъ назадъ; Московскій полкъ гнется». На вопросъ, что прикажете Волынскому полку, князь отвѣтилъ: «Никуда безъ моего приказанія, вы одни остаетесь въ резервѣ». Послѣ того онъ поѣхалъ къ своему фургону, который находился правѣе Волынскаго полка, въ разстояніи около 1/2 версты. Надобно замѣтить, что съ позиціи Волынскаго полка не было видно дѣла, происходившаго на лѣвомъ флангѣ, и что эта позиція отстояла отъ сел. Орта-Кисекъ, гдѣ князь оставилъ Московскій и Минскій полки, не менѣе 4-хъ верстъ.

Не прошло 20 минутъ послѣ разговора съ княземъ, какъ я увидѣлъ, что войска лѣваго фланга въ полномъ отступленіи подались своимъ правымъ флангомъ назадъ, т.-е. параллельно морскому берегу, и двѣ наши батареи

отступали, отстрѣливаясь, вдоль высотъ, по направленію къ моему полку; при нихъ не было прикрытія. Въ то же время выстрѣлы непріятельскихъ батарей стали вырывать ряды изъ батальоновъ моего полка и вскорѣ отступавшія батареи прошли назадъ лѣвѣе полка.

Зная, что главнокомандующему ничего неизвѣсто объ отступленіи войскъ лѣваго крыла, я тотчасъ же послалъ къ нему съ словеснымъ донесеніемъ объ этомъ полков. адъютанта Андреева.

Князь не хотѣлъ вѣрить словамъ Андреева, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько минутъ пріѣзжалъ офицеръ съ докладомъ, что, по приказанію главнокомандующаго, гусары дѣлали атаку и отбросили батареи. На вопросъ моего адъютанта, что дѣлать полку, князь сказалъ: «Тамъ камандуетъ Кирьяковъ, отъ него должны послѣдовать приказанія». Андреевъ отвѣтилъ, что отъ этого генерала во все время не было никакихъ приказаній, хотя при немъ есть офицеръ отъ Волынскаго полка.

«— Ну, надобно отступать, если лѣвый флангъ ретируется».

Послѣ того главнокомандующій сѣлъ на лошадь и, съ замѣчателонымъ смущеніемъ, поѣхалъ къ правому флангу, на который англичане повели уже рѣшительную аттаку.

Трудно объяснить причину столь быстрой перемѣны хода дѣла на лѣвомъ флангѣ. Вѣроятно, въ то время, когда началась сильная перестрѣлка между непріятельскими и нашими стрѣлками, расположенными лѣвѣе моста, батальоны резервной бригады и Тарутинскій полкъ, а вслѣдъ за ними, хотя гораздо позже, и Бородинскій отступили на высоты, и не останавливаясь на гребнѣ оныхъ, продолжали отступленіе. Говорятъ, что бородинцы бросили батарею 16-ой бригады, дѣйствовавшую на мостѣ, и она понесла большую потерю въ лошадяхъ и едва могла увезти орудія.

Оставленіе высотъ 2-ю бригадою 17-ой дивизіи и резерв-

ными батальонами доказываетъ то обстоятельство, что дивизіи Канробера и принца Наполеона почти не встрѣтили препятствій ко входу на высоты. Когда же онѣ вступили въ связь съ Боске, то Минскій и Московскій полки не могли также держаться у Орта-Кисекъ и отступили къ Аджи-булатъ.

Все это показываетъ отсутствіе всякаго распоряженія со стороны Кирьякова. Онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ безсознательно.

Между тѣмъ, въ послѣдствіи онъ печатно заявлялъ, что ввѣренныя ему войска начали отступленіе тогда только, когда нашъ правый флангъ былъ выбитъ изъ позиціи и находился въ полномъ отступленіи.

Это наглая ложь. 16-я дивизія еще держалась, когда три французскія батареи стали дѣйствовать во флангъ полкамъ этой дивизіи; слѣдовательно, мѣстность, занимаемая войсками Кирьякова была уже оставлена.

Кирьяковъ печатно обвинялъ главнокомандующаго, что онъ не далъ ему никакихъ инструкцій.

Можетъ быть это и справедливо, но въ этомъ случаѣ генералъ, которому ввѣрено начальство надъ цѣлымъ крыломъ арміи, долженъ самъ распорядиться сообразно обстоятельствамъ. Упущенія главнокомандующаго не оправдываютъ Кирьякова.

Извѣстно, что главнокомандующій встрѣтилъ Кирьякова одного, пѣшкомъ, вдали отъ войскъ, и на вопросъ князя: «Гдѣ его позиція»?—Кирьяковъ отвѣчалъ только: «Подо мной убита лошадь»!! Любопытно опредѣлить съ точностью время и мѣсто этой встрѣчи, что разъяснило бы многое. Если допустить, что это происходило при проѣздѣ князя отъ сел. Орта-Кисекъ къ своему фургону, то надобно удивляться, какимъ образомъ главнокомандующій, видя начальника половины арміи безъ войскъ и въ отсутствіи всякаго смысла, не принялъ энергическихъ мѣръ

найти эти войска и дать имъ надлежащее направленіе?!

Если же встрѣча произошла въ другой моментъ, то она могла быть только тогда, когда всѣ пункты нашей позиціи были оставлены, ибо князь, получа отъ меня свѣдѣніе объ отступленіи лѣваго фланга, поѣхалъ не къ войскамъ Кирьякова, а къ правому флангу, и при немъ ретировались полки 16-й дивизіи. Но, конечно, въ это время Кирьяковъ могъ уже найти себѣ лошадь. Слѣдовательно, первое предположеніе правдоподобнѣе втораго.

Войска праваго фланга были атакованы англичанами, и всю тяжесть боя выносили на себѣ только Казанскій и Владимірскій полки. Батальоны послѣдняго водили въ аттаку князь Горчаковъ и Квицинскій. Суздальскій и Углицкій полки принимали мало участія въ дѣлѣ и понесли небольшую потерю.

Квицинскій держался нѣкоторое время за эполементомъ съ остатками Владимірскаго полка; но видя приближеніе свѣжихъ непріятельскихъ силъ, и будучи поражаемъ съ французской батареи, нашелся вынужденнымъ дать приказаніе объ отступленіи. Въ эту минуту онъ былъ раненъ тремя пулями.

Непріятель не преслѣдовалъ наши войска, отступавшія на главныя высоты въ большомъ безпорядкѣ.

При общемъ отступленіи и Волынскій полкъ сталъ отодвигаться къ Улукуловской долинѣ, гдѣ пропустивъ мимо себя 16-ю дивизію, взялъ съ собою двѣ батареи 14-ой бригады, и по указанію флиг.-ад. Исакова, занялъ съ нимъ позицію, избранную генераломъ Кишинскимъ, на высотахъ за Улукуловской долиной.

Такимъ образомъ, безпорядочное отступленіе приняло видъ порядка, и всѣ раздробленныя части праваго фланга могли собраться за новой линіей, образованной моимъ полкомъ и 2 батареями.

Союзники назвали наше отступленіе belle retraite, но

они, обрадованные успѣхомъ и понеся сами значительную потерю, не видали всю безпорядочность нашей ретирады съ первоначальныхъ позицій. Солдаты, оставившіе ряды по причинѣ полученныхъ ранъ и безъ всякихъ причинъ, тянулись по всѣмъ направленіямъ, стрѣляли вверхъ и многіе бросали оружіе. Никто не заботился о раненыхъ; всѣ обозы и даже патронные ящики давно ускакали на рѣку Качу; не было ни одной повозки для поднятія тяжело раненыхъ, такъ что начальника дивизіи, ген.-лейтенанта Квицинскаго, болѣе 7 верстъ несли на носилкахъ.

Когда всѣ отступавшія части выдвинулись по направленію къ рѣкѣ Качѣ, тогда и я съ своимъ отрядомъ (полкъ и двѣ батареи) началъ медленно отступать, будучи всякую минуту готовъ встрѣтить непріятеля, если бы онъ сталъ преслѣдовать насъ.

Были уже сумерки, когда я спустился въ долину рѣки Качи у деревни Ефендикіой, гдѣ былъ страшный безпорядокъ: войска и обозы перемѣшались, не зная куда идти; крики, даже ружейные выстрѣлы раздавались повсюду. Ночью солдаты разбрелись по селенію, зажгли его, разбили бочки съ виномъ и многіе перепились. Всѣ старанія мои отыскать кого либо изъ начальниковъ остались тщетны.

При этомъ безпорядкѣ непріятель могъ бы нанести намъ, въ ночь на 9 сентября, чрезвычайный вредъ; но Богъ сохранилъ насъ отъ полнаго пораженія: союзники, занявъ лѣвый берегъ Альмы, въ восторгѣ отъ своей побѣды, не думали о преслѣдованіи.

До разсвѣта, 9-го числа, части войскъ, проведшія ночь въ долинѣ рѣки Качи у деревни Ефендикіой, потянулись произвольно къ р. Бельбеку.

Узнавъ, что Минскій полкъ стоялъ не далеко отъ меня, я, какъ старшій въ бригадѣ (командиръ Минскаго полка, полковникъ Приходкинъ, по случаю раны, уѣхалъ съ поля

сраженія), велѣлъ ему слѣдовать со мною. Такимъ образомъ, съ 2-мя полками и 2-мя батареями, съ разсвѣтомъ, я потянулся высотами лѣваго берега внизъ по Качѣ и остановился насупротивъ деревни Мамашая, гдѣ проходитъ большая севастопольско-евпаторійская дорога. Другихъ войскъ не было видно въ окрестностяхъ, кромѣ Бородинскаго полка, который, такъ же не зная куда слѣдовать, остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Флиг.-адъютантъ Исаковъ, проведшій ночь съ Минскимъ полкомъ, и самъ не зная, гдѣ находился главнокомандующій и его генералъ, князь Горчаковъ, предложилъ мнѣ отпустить Минскій полкъ, за неимѣніемъ патроновъ, и взять къ себѣ Бородинскій. Такъ и было сдѣлано.

Два полка съ двумя батареями заняли позицію на высотахъ лѣваго берега Качи и остановились на ней до полудня, пока Исаковъ увѣдомилъ меня запиской изъ Севастополя, куда главнокомандующій приказалъ слѣдовать отряду. Изъ имѣвшихся у Исакова 8-ми казаковъ, онъ оставилъ у меня четырехъ. Они составили мою кавалерію.

Непріятель былъ ясно видѣнъ на альминскихъ высотахъ, слѣдовательно, и онъ могъ хорошо видѣть мой отрядъ, составлявшій арріергардъ отступившей арміи, хотя безъ распоряженія начальства; а потому союзники могли еще болѣе убѣдиться, что мы отступили въ порядкѣ.

Въ полдень (9 сентября), я снялся съ позиціи и до рѣки Бельбека слѣдовалъ въ отступномъ боевомъ порядкѣ. Далѣе черезъ Инкерманскій мостъ и по саперной дорогѣ на пересыпь, куда прибылъ съ своимъ полкомъ и 2-мя батареями около 8-ми часовъ вечера, а Бородинскій полкъ остановленъ на высотахъ праваго берега рѣки Черной.

Послѣ сраженія, 8-го числа, нѣкоторыя части войскъ, какъ, напримѣръ, Тарутинскій полкъ съ генералами Кирьяковымъ и Волковымъ, не останавливаясь на Качѣ и даже на Бельбекѣ, прошли прямо на сѣверную сторону Севасто-

поля; другіе ночевали гдѣ пришлось, а съ разсвѣтомъ 9-го потянулись туда же. Главнокомандующій часть ночи провелъ на лѣвомъ берегу Качи и потомъ уѣхалъ въ Севастополь. Говорятъ, что князь приказалъ генералу Халецкому прикрыть кавалерійскими аванпостами рѣку Качу, но утромъ, 9-го числа, мы не видали тамъ ни одного гусара.

Войска, приходившіе въ Севастополь по частямъ, располагались на Куликовомъ полѣ, гдѣ кто хотѣлъ, въ родѣ цыганскаго табора.

И такъ, первая наша встрѣча съ непріятелемъ была неудачна и даже могла быть гибельна, если бы союзники воспользовались побѣдою и преслѣдовали насъ по пятамъ, ибо при отступленіи войска не получали никакихъ распоряженій, и большая часть изъ нихъ ретировались въ совершенномъ безпорядкѣ. Къ нашему счастію, въ союзныхъ арміяхъ не было единоначалія. Больной С. Арно, пробывъ нѣсколько часовъ на лошади, совершенно изнемогъ и, конечно, физическія страданія лишили его энергіи.

Къ тому же, непріятелю трудно было преслѣдовать насъ по недостатку кавалеріи.

Представляются вопросы: слѣдовало-ли князю Меньшикову принять рѣшительный бой, могъ-ли онъ разсчитывать на успѣхъ и сдѣлалъ-ли онъ все, чтобы обезпечить успѣхъ?

Полагаю, что главнокомандующему не слѣдовало вступать въ рѣшительный бой, не имѣя опредѣлительныхъ свѣдѣній о силахъ и средствахъ союзниковъ относительно нашей небольшой арміи. Было бы выгоднѣе дѣйствовать во флангѣ непріятеля при движеніи его отъ мѣста высадки къ Севастополю. При этомъ глевнокомандующій сохранялъ въ тылу у себя пути, по которымъ могли прибыть къ арміи подкрѣпленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ сообщеніе съ Севастополемъ черезъ рѣку Черную. Непріятель, угрожаемый съ фланга и тыла значительнымъ корпусомъ войскъ,

былъ бы весьма затрудненъ въ движеніи къ Севастополю и наврядъ рѣшился бы исполнить фланговое движеніе черезъ рѣку Черную для обложенія города съ южной стороны. Конечно онъ могъ бы это исполнить перевозомъ войскъ на корабляхъ, но не легко дѣлать амбаркацію, имѣя на носу 30 т. войскъ противника. Скажутъ, что непріятель сталъ бы дѣйствовать противъ Севастополя съ сѣверной стороны; но въ этомъ случаѣ его тылъ и лѣвый флангъ были бы на воздухѣ. Даже при успѣхѣ положеніе непріятеля на сѣверной сторонѣ было бы незавидно: огромныя батареи южнаго берега бухты: Павловская, Николаевская. Александровская № 8 и № 10 громили бы сѣверный берегъ бухты и непріятельскій флотъ, если бы онъ отважился принять прямое участіе въ атакѣ Севастополя. Между тѣмъ, къ намъ подошли бы подкрѣпленія: 4-ый корпусъ, резервная уланская дивизія и драгуны, и тогда, имѣя ровное число войскъ и значительное превосходство въ кавалеріи, у насъ было бы много шансовъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ.

Занявъ сильную позицію на Альмѣ и уповая на необолимость русскаго штыка, главнокомандующій имѣлъ надежду на успѣхъ, т.-е. заградить союзникамъ путь къ Севастополю и тѣмъ поставить ихъ въ трудное положеніе; но князь не принялъ во вниманіе, что наши войска (особенно двѣ дивизіи 6-го корпуса) неопытны, что русскому штыку давно не приходилось показывать свою удаль, что мы хуже вооружены чѣмъ союзники, что наши генералы подвизались только на плацъ-парадахъ, что, напримѣръ французскія войска пріобрѣли большой навыкъ въ военномъ дѣлѣ въ Африкѣ и имѣютъ во главѣ своей генераловъ опытныхъ и знающихъ военное искусство.

Но чтобы разсчитывать на успѣхъ, надобно воспользоваться всѣми выгодами позиціи. Главнокомандующій имѣлъ время и возможность сдѣлать малодоступнымъ лѣвый

флангъ, какъ сказано выше, и не сдѣлалъ ничего. Онъ не всѣ батареи прикрылъ эполементами, не искусно размѣстилъ войска на позиціяхъ и никому не далъ надлежащихъ инструкцій. Самый бой велся какъ бы ощупью. На правомъ флангѣ князь Горчаковъ и Квицинскій защищались храбро,и сами водили батальоны въ атаку; но эти аттаки не имѣли опредѣленной связи и не поддерживались резервами. О безсознательномъ поведеніи Кирьякова на лѣвомъ флангѣ сказано выше. Оставленіе позиціи, занимаемой резервными батальонами и Тарутинскимъ полкомъ, рѣшило дѣло на этомъ флангѣ. Послѣ того и войска князя Горчакова не могли держаться: сраженіе было проиграно.

Впрочемъ, нельзя сказать безусловно, что наше правое крыло оставило позицію только потому, что войска Кирьякова отступили; убійственный огонь англійскихъ штуцеровъ, рѣшительность атакъ англійскихъ генераловъ, выбытіе у насъ изъ фронта начальниковъ и большей части офицеровъ и недостатокъ въ распоряженіяхъ, поставили войска въ невозможность держаться далѣе на позиціи.

Но если бы мы воспользовались всѣми выгодами позиціи, т. е. сдѣлали бы недоступнымъ лѣвый флангъ и укрѣпили центръ искусственными средствами,—что предприняли бы союзники? Тогда, вѣроятно, они повели бы главную атаку на нашъ правый флангъ, стараясь обойти его. Въ такомъ случаѣ благоразумнѣе было бы намъ отступить, не принявъ боя, ибо, въ случаѣ неудачи (что не подлежало сомнѣнію при дурныхъ распоряженіяхъ начальства), непріятель могъ отбросить насъ къ морю подъ выстрѣлы съ флота и тѣмъ поставить армію въ критическое положеніе.

Скажутъ, что непріятелю было опасно растянуть свои силы для дѣйствія намъ во флангъ, ибо этотъ способъ дѣйствія удалялъ его отъ точки опоры, т. е. отъ флота;

но съ этимъ нельзя согласиться, ибо правый флангъ нашей позиціи отстоялъ отъ моря не болѣе 8 верстъ—разстояніе ничтожное. Уронъ нашъ въ Альминскомъ дѣлѣ: убито 1,800, ранено и контужено 3,150, безъ вѣсти пропало болѣе 700; всего выбыло изъ строя 5,700 чел. Изъ генераловъ ранены: Квицинскій, Любимовъ, Куртьяновъ, Щелкановъ и Гогиновъ. Послѣдніе двое брошены на мѣстѣ сраженія, взяты въ плѣнъ и умерли въ Константинополѣ. Изъ полковыхъ командировъ, кромѣ Куртьянова, тяжело ранены: Приходкинъ и Ковалевъ и убитъ Селезневъ. Убитыхъ и раненыхъ офицеровъ до 200. Самая большая потеря въ полкахъ Казанскомъ и Владимірскомъ, потомъ въ Минскомъ и Московскомъ. Затѣмъ прочіе полки почти не принимали серьезнаго участія въ дѣлѣ. Волынцы потеряли 25 человѣкъ.

Почти съ поля сраженія князь Меньшиковъ послалъ своего адъютанта Грейга съ словеснымъ донесеніемъ къ Государю. Молодой человѣкъ, подъ вліяніемъ проиграннаго дѣла и страшась за послѣдствія онаго, привелъ Государя въ изумленіе своимъ разсказомъ. Императоръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы русскія войска дурно дрались и бѣжали съ поля битвы.

Можно себѣ представить, съ какимъ безпокойствомъ Государь и весь Петербургъ ожидали подробнаго донесенія главнокомандующаго.

Спросили мнѣнія Жомини. Онъ совѣтовалъ послать немедленно въ Крымъ 3-ій и 4-ый корпуса и часть резервныхъ войскъ, но совѣтъ больнаго ветерана не былъ вполнѣ исполненъ и драгоцѣнное время было потеряно.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, французы потеряли 1,346 и англичане 2,925 чел.; но эти свѣдѣнія не вѣрны: у нихъ выбыло изъ строя отъ 5 до 6 тысячъ.

Князь Меньшиковъ вернулся въ Севастополь утромъ 9-го числа. Въ первыя минуты онъ былъ въ большомъ вол-

неніи и повторялъ нѣсколько разъ: «Какъ же насъ будетъ бранить Россія.» О войскахъ князь дурно отзывался, говоря, что они не хотѣли драться, и т. п.

Ген.-адъютантъ Корниловъ собралъ на совѣщаніе адмираловъ и многихъ изъ капитановъ кораблей. Нѣкоторые предлагали выйти съ флотомъ, въ море, вступить въ бой съ непріятелемъ и погибнуть съ честью. Капитанъ Зоринъ высказалъ необходимость затопить старые корабли на фарватерѣ, но Корниловъ не раздѣлялъ этого мнѣнія. Когда же получилъ приглашеніе князя затопить корабли, пылкій Корниловъ рѣшился отвѣчать главнокомандующему, что онъ, вице-адмиралъ ген.-адъютантъ, не можетъ принять на себя исполненіе этой мѣры, считая оную самоубійствомъ.

— Ну такъ отправляйтесь въ Николаевъ, а я поручу это Станюковичу,—отвѣтилъ князь. Корниловъ остался и исполнилъ волю его свѣтлости.

Къ разсвѣту 11 сентября входъ въ бухту былъ загражденъ пятью затопленными кораблями и двумя фрегатами.

Командованіе всѣми сухопутными войсками поручено было князю Горчакову. Къ нему въ должность начальника штаба назначенъ флиг.-адъютантъ Исаковъ. Вмѣсто раненаго Квицинскаго, 16-ая пѣхотная дивизія ввѣрена командиру 1-ой бригады, 14-ой дивизіи, ген.-маіору Жабокрицкому, только что прибывшему изъ Ѳеодосіи.

III.

(Фланговое движеніе къ Бахчисараю.—Движеніе непріятеля послѣ Альминскаго сраженія. — Возвращенія арміи въ Севастополь. — Бомбардировка Севастополя 5-го октября. Смерть Корнилова).

Утромъ 12-го, главнокомандующій, не объявляя никому своихъ намѣреній, двинулъ генерала Жабокрицкаго съ 16-ю дивизіею къ Мекензіеву хутору; а около часа попо-

лудни и я получилъ приказаніе выступить изъ бухты на Куликово поле. Оттуда въ 5 часовъ, пополудни Волынскій и Минскій полки съ 5-ю батареями направлены, подъ моею командою, по Балаклавской дорогѣ. Я обогнулъ Сопунъ гору, и не доходя Рѣки Черной, сдѣлалъ привалъ.

Было уже темно. Въ это время я услышалъ голосъ князя Меньшикова, при немъ былъ одинъ казакъ. Въ разговорѣ со мною, онъ высказалъ свое намѣреніе ударить на другой день непріятеля во флангъ, если представится къ тому случай.

Черезъ четверть часа подъѣхала свита главнокомандующаго; они въ темнотѣ искали князя. Онъ поѣхалъ впередъ; а я, переведя отрядъ въ бродъ черезъ рѣку Черную, поднялся на Мекензіеву гору за два часа до разсвѣта и прибылъ въ селеніе Отаркой, гдѣ была главная квартира, въ девять часовъ утра.

По всѣму пройденому нами пути слѣдовали обозы войскъ, вышедшихъ изъ Севастополя, а также отдѣленіе артиллерійскаго парка, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Черноморскаго линейнаго батальона.

Что побудило князя Меньшикова бросить Севастополь?

Послѣ Альминскаго дѣла войска наши отступили въ Севастополь безъ опредѣленной мысли. Но черезъ три дня главнокомандующій, не видя непріятеля, обсудилъ свое положеніе: наши войска, по своей малочисленности и разстроенному состоянію, не могли спасти Севастополя при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ; если же нельзя отстоять городъ, то надобно было, по крайней мѣрѣ, спасти остатки арміи и обезпечить свои сообщенія съ Перекопомъ, въ ожиданіи подкрѣпленій.

Руководясь этою мыслью и принимая на себя одного всю отвѣтственность за послѣдствія, князь рѣшился оставить Севастополь на волю Провидѣнія и вывести армію на боль-

шую Симферопольскую дорогу, т.-е. совершить извѣстное фланговое движеніе.

Союзники только 10-го сентября вечеромъ заняли высоты праваго берега рѣки Бельбекъ и, кажется, первоначально хотѣли дѣйствовать противъ укрѣпленія сѣверной стороны; но потомъ рѣшили перевести дѣйствія на южную сторону и для этого также совершили фланговое движеніе мимо Севастополя. Въ исполненіе этого плана 12-го сентября англичане двинулись вверхъ правымъ берегомъ Бельбека и у сел. Дуванкой перешли на лѣвый берегъ, между тѣмъ какъ французы переходили эту рѣчку у селенія Бельбекъ. Въ тоже время большая часть флота съ осаднымъ паркомъ и всѣми тяжестями направлена была отъ устья рѣки Качи къ Камышевой бухтѣ и Балаклавѣ.

13-го непріятельскія войска продолжали движеніе къ югу: англичане къ хутору Мекензи, а французы къ Инкерману. О встрѣчѣ съ русскими не думали, считая наши войска въ Севастополѣ; около полудня авангардъ лорда Раглана неожиданно наткнулся у хотора Мекензи на двѣ роты Черноморскаго линейнаго батальона, прикрывавшія артиллерійскій паркъ, и привелъ ихъ въ совершенное разстройство. Часть парка и обозовъ достались въ руки непріятеля. Не подошедшіе еще къ Мекензіевой горѣ вернулись въ Севастополь, схватка у Мекензіева хутора (мы въ тотъ моментъ были у деревни Оторкой) была для насъ неожиданностью.

Изъ этого можно заключить, что мы вовсе не имѣли разъѣздовъ къ сторонѣ непріятеля и не знали о движеніи союзниковъ на южную сторону Севастополя. Подобная оплошность не извинительна начальству, тѣмъ болѣе, что мы имѣли достаточно кавалеріи.

13-го, вечеромъ, французы подошли къ Инкерману, а англичане къ каменному мосту на рѣкѣ Черной.

14-го англичане взяли Балаклаву, атаковавъ этотъ

портъ съ моря и сухаго пути. Полковникъ Манто съ сотнею греческаго батальона, послѣ нѣкотораго сопротивленія, взятъ въ плѣнъ.

Въ тотъ же день французы двинулись вверхъ по рѣчкѣ Черной.

15-го числа двѣ первыя французскія дивизіи направились, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ нашихъ батарей южной стороны Севастополя, къ Херсонесскимъ бухтамъ; южнѣе двигалась 4-ая дивизія, а 3-я осталась въ арьергардѣ на берегу рѣчки Черной, гдѣ находилась и главная квартира.

Больной С. Арно передалъ начальство надъ французскою арміею Канроберу; самъ же располагалъ отправиться въ Константинополь, но умеръ на кораблѣ, не выходя изъ Балаклавской бухты.

14-го князь Меньшковъ, находя позицію на рѣкѣ Бельбекѣ неудобною, перевелъ войска къ Бахчисараю на правый берегъ Качи, а у деревни Отаркой остался авангардъ Жабокрицкаго.

Въ этотъ день мы опредѣлительно знали о движеніи непріятеля къ рѣчкѣ Черной. Наканунѣ князь посылалъ двѣ записки къ Корнилову, которыя получены имъ въ ночь на 15-ое число; по порученію главнокомандующаго, кап.-лейтенантъ Ступенко пробрался пѣшкомъ въ Севастополь, дабы извѣстить начальство города, гдѣ находятся наши войска.

Вечеромъ же 14-го числа, главнокомандующій приказалъ мнѣ съ моимъ полкомъ, 2-мя Углицкими батальонами (изъ отряда Жабокрицкако), дивизіономъ артиллеріи, сотнею Черноморскихъ пластуновъ, $^1/_2$ сотнею казаковъ, пройти черезъ Королезское ущелье на высоты деревни Эзенбашика, дабы обозрѣть рѣку Черную и спускъ съ Мекензіевой горы къ Чоргуну, и если представится возможность, атаковать непріятеля. Отдавая это приказаніе, онъ прибавилъ: «Грустно, что мы, русскіе, бѣжимъ отъ непріятеля». Я

шелъ всю ночь и утромъ на 15-е число расположилъ свой отрядъ на высотахъ деревни Эзенбашикъ передъ деревнею Упа. Далѣе слѣдовать съ артиллеріею невозможно было, да и не было надобности, ибо я удостовѣрился что непріятель окончательно перешелъ на южную сторону. Пославъ объ этомъ донесеніе съ прапорщикомъ Маклаковымъ, я простоялъ у деревни Упа до трехъ часовъ пополудни и поздно вечеромъ прибылъ на авангардную позицію, гдѣ мнѣ приказано было остаться.

Главнокомандующій, ставъ на нашихъ сообщеніяхъ съ Симферополемъ, послалъ съ донесеніемъ объ этомъ Государю флиг.-адъютанта Альбединскаго.

Обратимся къ Севастополю. Вечеромъ 12-го сентября Севастопольскій гарнизонъ съ удивленіемъ узналъ, что главнокомандующій ушелъ съ арміею неизвѣстно куда, и что городъ оставленъ на произволъ судьбы.

Нѣкоторые дозволили себѣ говорить объ измѣнѣ.

Но Корниловъ не потерялъ присутствія духа и съ чрезвычайной энергіей сталъ заниматься приведеніемъ города въ оборонительное положеніе.

Сначала предметомъ заботы была сѣверная сторона.

13-го, ген. Моллеръ, носившій званіе начальника гарнизона, объявилъ городъ въ осадномъ положеніи.

Въ этотъ день войска, занимавшія Севастополь, были расположены слѣдующимъ образомъ. Въ сѣверномъ укрѣпленіи, подъ командою капитана 1-го ранга Бартеньева, 6 морскихъ батальоновъ, 1 резервный, 1 саперный и 3 артиллерійскія роты, всего слишкомъ 6 тысячъ. У праваго ретраншамента и въ Сухой балкѣ капитанъ 1-го ранга Варницкій съ 2-мя тысячами моряковъ, у лѣваго ретраншамента и въ балкѣ сѣверной пристани вице-адмиралъ Новосильскій съ 11-ю тысячами моряковъ и 3-мя ротами стрѣлковаго батальона. Въ Константиновской батареѣ 1 резервный батальонъ, всего по сѣверной сторонѣ около

20 тысячъ и начальникомъ оныхъ ген.-адъютантъ Корниловъ. Для обороны города осталось 6 резервныхъ бабальоновъ, одинъ флотскій экипажъ и 12 полевыхъ орудій. Всего 6 тысячъ, не включая въ это число морскихъ командъ, распредѣленныхъ по батареямъ.

15-го числа, когда уже обозначились намѣренія непріятеля вести атаку съ южной стороны, сдѣлали новую диспозицію. Оборонительную линію существующихъ и проектированныхъ укрѣпленій раздѣлили сначала на 3 дистанціи: первую—отъ большой бухты до редута, названную впослѣдствіи по фамиліи лейтенанта Шварца, поручили ген.-маіору Аслановичу; вторую—отъ этого редута до пересыпи—вице-адмиралу Новосильскому, и третью, отъ пересыпи до Киленъ-бухты—контръ-адмиралу Истомину. Вслѣдъ затѣмъ послѣднюю дистанцію раздѣлили на двѣ и поручили оныя: 3-ью—контръ-адмиралъ Панфилову, а 4-ая осталась у Истомина. Такимъ образомъ, въ первую дистанцію взошли бастіоны и батареи: №№ 5, 6, 7, 8, 10, Александровская и редутъ Шварца; во вторую—4-ый бастіонъ съ прилежащими къ нему батареями, въ третью — 3-ій бастіонъ съ батареямм, а въ четвертую Малаховъ курганъ и бастіоны №№ 1 и 2.

Первая дистанція находилась подъ главнымъ начальствомъ Новосильскаго. На всей оборонительной линіи было 23 батальона (въ томъ числѣ 16 морскихъ), въ числѣ до 15 тысячъ человѣкъ, съ 16-ю легкими орудіями. На сѣверной оставалось 5 тысячъ человѣкъ.

Въ то время нравственное вліяніе вице-адмирала Нахимова на защитниковъ Севастополя еще не обозначилось: при жизни Корнилова онъ былъ въ тѣни.

Военный губернаторъ и командиръ порта, вице-адмиралъ Станюкавичъ, строитель севастопольскихъ укрѣпленій Павловскій и два коменданта, Кизмеръ и Рогуля, не принимали никакого участія въ оборонѣ; первый уѣхалъ изъ

Севастополя въ концѣ февраля 1853 года, вслѣдъ за княземъ Меньшиковымъ, а прочіе жили въ Николаевской батареѣ до оставленія Севастополя.

Убѣдясь, что непріятель перешелъ со всѣми войсками за рѣку Черную, князь 17-го часла занялъ сѣверную сторону Севастополя. Наше появленіе, послѣ пятидневнаго отсутствія, произвело неописанную радость въ гарнизонѣ. Тотчасъ перевезли изъ города черезъ бухты оставшіяся тамъ полковые обозы; а 19-го ввели въ городъ, для усиленія гарнизона, Московскій, Бородинскій и Тарутинскій полки. Вслѣдъ затѣмъ введены въ Севастополь только что прибывшіе два запасныхъ боталъона Волынскаго и Минскаго полковъ въ полномъ числѣ рядовъ и два Черноморскихъ баталъона. Мой полкъ оставленъ при главной квартирѣ на высотахъ лѣваго берега рѣки Бельбека.

Около 25-го числа прибыла сводная уланская бригада подъ командой ген.-лейтенанта Рыжова. Также въ это время вступила въ Крымъ резервная уланская дивизія ген.-адъютанта Корфа и была направлена къ Евпаторіи. Говорятъ, что Корфъ шелъ по татарскимъ селеніямъ, какъ по непріятельской землѣ, что было одной изъ причинъ побѣга татаръ въ большомъ числѣ въ Евпаторію.

Въ ожиданіи прибытія 12-ой пѣхотной дивизіи и потомъ остальныхъ двухъ дивизій 4-го корпуса, въ арміи были увѣрены, что мы заставимъ непріятеля снять осаду.

25-го наша кавалерія дѣлала рекогносцировку за рѣкой Черной. Находившійся при отрядѣ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Виллебрантъ, и генеральнаго штаба полковникъ Герсивановъ доложили князю, что командиры гусарскихъ полковъ, генералы Халецкій и Бутовичъ, струсили и ретировались безъ всякой причины.

Былъ уже написанъ приказъ объ отрѣшеніи ихъ отъ командованія полками, но князь не привелъ въ исполненіе эту необходимую мѣру строгости.

29-го флиг.-адъютантъ, графъ Левашевъ, привезъ главнокомандующему рескриптъ Государя. Императоръ, выражая князю свою довѣренность, писалъ, между прочимъ, что онъ хорошо понимаетъ, какъ будетъ тяжело Меньшикову лишиться флота; но для его Величества это бѣдствіе будетъ еще горестнѣе. Оставаясь въ увѣренности, что князь употребитъ всѣ мѣры къ сохраненію Севастополя и флота, Государь присовокупилъ: «Но если это совершится, то надобно съ покорностью покориться волѣ Всевышняго». Императоръ велѣлъ передать благодарность всѣмъ войскамъ за труды и храбрость.

Работы по укрѣпленію Севастополя продолжались съ большою дѣятельностью. 1-го октября въ Севастополѣ находились 33 батальона, 13 флотскихъ экипажей и 3½ батареи полевой артиллеріи.

Только что прибывшій командиръ 1-й бригады 12-ой дивизіи, генералъ Семякинъ, направленъ 4-го числа въ деревню Чоргунъ, гдѣ уже находились два батальона Владимірсмаго полка съ подполковникомъ Раковичемъ. На другой день Семякинъ имѣлъ перестрѣлку съ непріятелемъ и занялъ Гастфору гору; но ему приказано перейти ночью на прежнюю позицію.

Союзники раскинули свой лагерь въ расположеніи около трехъ верстъ отъ нашихъ укрѣпленій. Французы заняли мѣстность отъ Стрѣлецкой бухты до Сарданакиной балки, англичане—оть этой балки до склона высотъ къ Инкерману; тѣ и другіе раздѣляли свои силы на двѣ части, изъ которыхъ одна назначалась для веденія осадныхъ работъ, а другая для прикрытія ихъ съ тыла. Французскій осадный корпусъ состоялъ изъ 3-ей и 4-ой дивизіи, подъ командою Форе, а наблюдательный—изъ 1-ой и 2-ой дивизіи подъ командою Боске; послѣдній былъ расположенъ позади 3-ей дивизіи на Балаклавской дорогѣ, для поддержанія англійскихъ и турецкихъ войскъ, охранявшихъ линію на

рѣкѣ Черной. Впослѣдствіи къ осадному французскому корпусу присоединена была еще 5-ая дивизія. Англійскій осадный корпусъ состоялъ изъ 2-ой 3-ей и 4-ой дивизій; для наблюденія за рѣкой Черной были назначены: гвардейской бригады, 1-ой дивизіи, шотландская бригада и часть кавалеріи, расположенныя у селенія Кадыкіой и города Балаклавы. Къ востоку же отъ шотландцевъ—турки.

Траншеи открыты въ ночь на 28-е сентября.

Положено вести одновременно двѣ атаки: французамъ на 4-ый, а англичанамъ на 3-ій бастіоны. Чтобы не подвергаться огню отъ западныхъ городскихъ верковъ, французами приступлено было къ сооруженію траншей въ видѣ бастіоннаго фронта, коего правый флангъ находился въ 400 саженяхъ отъ 4-го бастіона, а лѣвый примыкалъ къ горной оконечности карантинной бухты. Отъ этого фронта поведены были апроши противъ 4-го и 6-го бастіоновъ.

30-го сентября приступлено къ вооруженію батарей первой параллели, а 4-го октября вооруженіе съ 53 орудіями большаго колибра было окончено.

Англичане открыли свою параллель отъ 500 до 700 саж. отъ нашихъ верковъ, сперва на своемъ лѣвомъ флангѣ (у балки, оканчивающейся южною бухтой), дабы оттуда поддерживать анфиладнымъ огнемъ аттаку французовъ на 4-ый бастіонъ; потомъ они постепенно продолжали параллель вправо противъ 3-го бастіона, Малахова кургана и восточной оконечности Корабельной слободы. Къ ночи на 5-ое октября батареи были вооружены 73-мя орудіями большаго колибра.

Съ разсвѣтомъ 5-го октября непріятель открылъ огонь со всѣхъ батарей. Наши отвѣчали огнемъ двойного числа орудій. Около полудня многія непріятельскія батареи замолчали. Вскорѣ потомъ приблизился флотъ и началъ громить приморскія укрѣпленія изъ 1.500 орудій. Свѣтъ померкъ отъ пороховаго дыма; вся окрестность дрожала на

нѣсколько верстъ, какъ бы отъ землетрясенія. Съ 2-хъ часовъ пополудни до самаго вечера огонь ни на минуту не прекращался. Наши моряки-артиллеристы выказали геройскую храбрость и самоотверженіе. Нахимовъ и Корниловъ являлись на всѣхъ бастіонахъ и своимъ присутствіемъ одушевляли офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Къ общему сожалѣнію, около полудня ген.-адъютантъ Корниловъ былъ смертельно раненъ ядромъ на Малаховомъ курганѣ: ему раздробило лѣвую ногу. Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ, какъ герой. Въ немъ Севастополь лишился храбрѣйшаго и незамѣнимаго защитника.

Наша потеря простиралась до 1.000 человѣкъ.

Союзный флотъ понесъ значительныя поврежденія, и испытавъ свое безсиліе противъ нашихъ фортовъ, не входилъ болѣе въ состязаніе съ нами во все остальное время осады. Къ утру 6-го числа всѣ поврежденія на нашихъ батареяхъ были исправлены, подбитыя орудія замѣнены другими, сооружена новая батарея влѣво отъ 3-го бастіона, и мужественная артиллерійская прислуга стояла въ полной готовности на новую борьбу.

6-го числа дѣйствовали противъ города, и особенно на башню Малахова кургана, почти однѣ англійскія батареи; 7-го числа непріятель производилъ довольно сильную канонаду со всѣхъ батарей.

Въ первыхъ числахъ октября прибылъ въ главную квартиру, назначенный высочайшимъ приказомъ, исправляющій должность начальника штаба Крымской арміи, полковникъ Поповъ; но князь Меньшиковъ не допустилъ его къ этой обязанности, а назначилъ его за начальника штаба къ ген. Моллеру.

7-го числа получено высочайшее повелѣніе о назначеніи князя Меньшикова главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами въ Крыму, со всѣми правами. Князь Горчаковъ назначенъ командиромъ 6-го корпуса.

Выше сказано, что къ 4-му октября пришла 1-я бригада 12-ой пѣхотной дивизіи. Вслѣдъ за нею прибыла и 2-я бригада, подъ командою ген.-маіора Левуцкаго. Начальникомъ 12-й дивизіи былъ ген.-лейтенантъ Липранди, на котораго мы возлагали большія надежды.

Между тѣмъ, французы быстро приближались своими траншеями къ 4-му и 5-му бастіонамъ, и въ ночь на 12-е октября заложили 2-й параллель.

IV.

(Дѣло 13-го октября подъ Балаклавой ген. Липранди.—Вылазка изъ города 14-го октября.—Прибытіе великихъ князей).

Главнокомандующій, желая сколько-нибудь отвлечь союзниковъ отъ нашихъ верковъ, рѣшился съ прибытіемъ всей 12-ой дивизіи сдѣлать наступленіе отъ деревни Чоргуна на войска, расположенныя у селенія Кадыкіой, близь Балаклавы. Исполненіе этого предпріятія поручено ген.-лейтенанту Липранди съ 17-ю батальонами, 22-мя эскадронами, 10-ю сотнямии 51-мъ орудіемъ. Отряду его долженъ содѣйствовать со стороны Инкермана генералъ Жабокрицкій съ $7^1/_2$ батальонами, дивизіономъ гусаръ, 2-мя сотнями казаковъ и 14-ю орудіями. Отрядъ Жабокрицкаго слѣдовалъ по ущелью между Федюхиными горами, правѣе полковника Скюдери.

Аттака непріятельской позиціи отъ рѣки Черной обѣщала, повидимому, выгодные результаты, ибо угрожала Балаклавѣ, гдѣ находились огромные склады военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Доступы къ Балаклавѣ, прикрывались двойнымъ рядомъ укрѣпленій: первый состоялъ изъ 4-хъ редутовъ вдоль хребта, идущаго отъ Сопунъ-горы до Кадыкіойской долины; изъ нихъ болѣе значительный редутъ № 1-й вооруженъ былъ тремя крѣпостными орудіями; всѣ редуты обороднялись турками. Второй рядъ

укрѣпленій состоялъ изъ сомкнутаго верка у селенія Кадыкіой; онъ былъ занятъ 93-мъ шотландскимъ полкомъ, а позади селенія была расположена англійская кавалерія.

На разсвѣтѣ, 13-го октября, согласно данной генераломъ Липранди весьма обстоятельной диспозиціи, отрядъ вышелъ изъ Чоргуна тремя колоннами: правая—Одесскій полкъ, рота стрѣлковъ и 6 орудій, подъ начальствомъ командира Одесскаго полка, полковника Скюдери, двинулась отъ моста по ущелью Федюхиныхъ горъ. За нею ген.-лейтенантъ Рыжовъ съ гусарскою бригадою и Уральскимъ казачьимъ полкомъ. Средняя (главная) колонна, подъ начальствомъ ген.-маіора Семякина, имѣла въ первомъ эшалонѣ Украинскій полкъ, роту стрѣлковъ и 10 орудій, а во второмъ —Азовскій полкъ, одинъ батальонъ Дрѣпровскаго полка, роту стрѣлковъ и дивизіонъ артиллеріи. Эта колонна направилась къ редуту № 1-й. Лѣвая колонна, три батальона Днѣпровсскаго полка, рота стрѣлковъ, сводный Уланскій полкъ и 10 орудій, подъ начальствомъ командира Днѣпровскаго полка, ген.-маіора Гриббе, двинулась по Байдарской дорогѣ, и свернувъ на селеніе Комары, направилась въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи.

Въ 6 часовъ утра начальникъ перваго эшалона главной колонны, ген.-маіоръ Левуцкій, развернулъ Украинскій полкъ передъ редутами №№ 1-мъ и 2-мъ и открылъ артиллерійскій огонь. Вслѣдъ за симъ генералъ Семякинъ построилъ въ боевой порядокъ второй эшалонъ лѣвѣе перваго, атаковалъ редутъ № 1. Турки ретировались въ безпорядкѣ къ Кадыкіой, оставивъ 170 тѣлъ, три орудія и свой лагерь! Прочіе редуты брошены турками, не ожидая аттаки. Въ первыхъ трехъ редутахъ наши войска утвердились, а 4-ый, по дальности разстоянія, былъ срытъ, орудія заклепаны и сброшены съ горы. По диспозиціи

наша кавалерія дожна была аттаковать непріятельскій вагенбургъ у Кадыкіой, въ то время, когда пѣхота атакуетъ высоты, но она не исполнила этого, а выстроилась правѣе Одесскаго полка[1]). Отрядъ Жабокрицкаго занялъ позицію на юго-западномъ склонѣ Федюхиныхъ высотъ, съ цѣлью обезпечить правый флангъ генерала Липранди отъ обхода съ Сопунъ-горы.

Генералъ Гриббе, занявъ селеніе Комары, выдвинулъ сотню казаковъ по дорогѣ въ Байдарскую долину; находившійся же при его колоннѣ сводный Уланскій полкъ передвинутъ къ правому флангу,

Наступленіе нашихъ войскъ поставило на ноги весь непріятельскій лагерь. Къ 8-ми часамъ утра прибыли на Сопунъ-гору оба главнокомандующіе и направили къ Балаклавѣ сильные резервы, а генералъ Боске спустилъ съ Сопунъ-горы на долину часть войскъ обсерваціоннаго корпуса.

Лишь только наши войска утвердились на занятыхъ высотахъ, генералъ Рыжовъ, по приказанію генерала Липранди, атаковалъ кавалерію Коленъ-Кемпбеля и часть нашей кавалеріи ворвалась въ англійскій вагенбургъ; но такъ какъ при этомъ она попала подъ сильный огонь и была аттакована драгунскою бригадою Скерлета, то Рыжовъ приказалъ отступить, что было исполнено—не въ порядкѣ; Скерлетъ преслѣдовалъ, но былъ отброшенъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ батарей, расположенныхъ у редута №№ 2-й и 3-й. Рыжовъ отступилъ между войсками Жабокрицкаго и Скюдери[1])

---

1) Ген.-лейтенантъ Рыжовъ, въ запискѣ своей, помѣщенной въ № 4 „Русскаго Вѣстника“ за 1870 годъ доказываетъ, что наша кавалерія, напротивъ, сдѣлала блистательную атаку на англійскую кавалерію; при этомъ колонновожатымъ гусарской бригады былъ генеральнаго штаба подполковникъ Ѳеоктистовъ.

1) Не про эту-ли атаку говоритъ Рыжовъ въ запискѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“?

Въ это время лордъ Рагланъ прислалъ генералу Лукану приказаніе атаковать нашу позицію легкой кавалеріей. Луканъ не хотѣлъ вѣрить этому распоряженію, но все-таки велѣлъ исполнить приказаніе главнокомандующаго. Кардиганъ дерзко бросился на Донскую батарею, за которой стояли гусары, и сталъ рубить артиллерійскую прислугу. Наши гусары не приняли удара и въ безпорядкѣ ретировались къ мосту, а Уральскій полкъ ускакалъ еще прежде къ тому мѣсту, гдѣ былъ перевязочный пунктъ. Англичане увлеклись преслѣдованіемъ нашей кавалеріи и только близь каменнаго моста увидѣли свою ошибку. Тамъ они устроились и отступили большою рысью по дивизіонно подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты Жабокрицкаго и Скюдери.

Эта храбрая англійская бригада, сдѣлавъ блистательную атаку, понесла огромную потерю: болѣе 400 убитыхъ и до 60 раненыхъ остались на полѣ сраженія; одинъ штабъ-офицеръ и 22 нижнихъ чина взяты въ плѣнъ.

Въ нашей реляціи было сказано, что полковникъ Еропкинъ съ 3-мя эскадронами своднаго уланскаго полка ударилъ во флангъ англійской кавалеріи при отступленіи, но это несправедливо. Дѣйствительно, по приказанію Липранди, генеральнаго штаба подполковникъ Ѳеоктистовъ подвелъ дивизію Еропкина съ праваго фланга, но уланы не дѣлали атаки.

Атака и пораженіе англійской кавалеріи были столь быстры, что драгунская бригада Скерлета не могла поддержать Кардигана. Дабы нѣсколько облегчить отступленіе, Канроберъ приказалъ 3-мъ эскадронамъ африканскихъ егерей ударить во флангъ Жабокрицкому. Генералъ д'Аллонвиль самъ повелъ эти эскадроны уступами съ праваго фланга. Головной эскадронъ обскакалъ лѣвый флангъ нашей батареи, прорвался сквозь стрѣлковую цѣпь и началъ

рубить прислугу. Два Владимірскіе баталіона, двинутые Жабокрицкимъ, заставили французскую кавалерію отступить. Она потеряла 12 убитыхъ, 28 раненыхъ и 3-хъ взятыхъ въ плѣнъ.

Всю потерю непріятеля въ этотъ день можно считать до 1,500 человѣкъ; у насъ же выбыло изъ строя 550 человѣкъ.

Непріятель не возобновлялъ болѣе нападенія на занятыя нами позиціи, а въ 4 часа огонь затихъ по всей линіи.

За это дѣло генералу Липранди дали шпагу, украшенную алмазами; Семякину—орденъ св. Георгія 3-й степени; командировъ: Азовскаго полка Кридинера и артиллерійской бригады Нѣмова произвели въ генералы.

Во время дѣла ганералъ Жабокрицкій, не считая себя подчиненнымъ генералу Липранди, не тотчасъ исполнилъ его приказаніе, за что Липранди наговорилъ дерзостей генеральнаго штаба подполковнику Залѣскому, приписывая его вліянію ослушаніе генерала.

Послѣ дѣла князь Горчаковъ вступилъ въ командованіе всѣми войсками, расположенными на обоихъ берегахъ рѣки Черной.

Дѣло 13-го октября хотя было вполнѣ успѣшно и ободрило наши войска, но какъ предпринятое съ числомъ войскъ, недостаточнымъ для продолженія наступленія, имѣло результатъ болѣе вредный, чѣмъ полезный. До занятія нами Чоргуна и позицій на лѣвомъ берегу рѣки Черной, непріятель не обращалъ особеннаго вниманія на укрѣпленія Сапунъ-горы. Слѣдовало оставить его въ этомъ положеніи до прибытія всего 4-го корпуса и тогда съ 4-мя дивизіями и кавалеріею атаковать непріятеля внезапно на долинѣ рѣки Черной. Потомъ, послѣ перваго несомнѣннаго успѣха, не останавливаясь на занятой мѣстности, продолжать наступленіе на Сапунъ-гору и Инкерманскія высоты. Мы могли надѣяться тогда на успѣхъ.

ибо непріятель, не имѣя въ виду нашихъ дѣйствій съ этой стороны, не привелъ бы въ сильное оборонительное положеніе всходовъ на горы, что имъ сдѣлано послѣ 13-го октября. И тогда война могла принять другой оборотъ. Можно сказать положительно, что Инкерманскому дѣлу, 24-го октября не должно бы было предшествовать Балаклавское дѣло 13-го числа, когда къ намъ не подошли еще 10-я и 11-я дивизіи. Главнокомандующій поторопился предпринять что-нибудь, но, можетъ быть, на рѣшеніе его имѣли вліяніе болтовня и ропотъ моряковъ, которые выражали свое неудовольствіе на бездѣйствіе сухопутныхъ войскъ.

13-го октября, вечеромъ, главнокомандующій извѣстилъ запиской начальника гарнизона, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, англійскія батареи имѣютъ весьма слабыя прикрытія. Генералъ Моллеръ, принимая это извѣщеніе за желаніе князя сдѣлать вылазку, поручилъ начальнику 4-й дистанціи Истомину возложить исполненіе оной на полковника Федорова съ Бутырскимъ полкомъ и дивизіономъ артиллеріи и вылазка начата около 10-ти часовъ утра. Бутырцы наступали смѣло, вовсе не зная мѣстности, оттѣснили передовые посты англичанъ и даже проникли въ ихъ лагерь. Но конецъ былъ тотъ, что англичане прогнали бутырцевъ, которые отступили въ большомъ безпорядкѣ, потерявъ безъ пользы до 300 человѣкъ. Федоровъ былъ раненъ. Посланные изъ города нѣсколько батальоновъ (Бородинскаго полка и Черноморскій батальонъ) на подкрѣпленіе Бутырскому полку не принимали участія въ дѣлѣ. Все это я хорошо видѣлъ съ Инкерманской позиціи праваго берега рѣки Черной [1]).

---

[1]) Съ уходомъ 12-го числа генерала Жабокрицкаго съ Инкерманскихъ высотъ, эта позиція поручена была мнѣ. Всего въ моемъ распоряженіи находилось на Инкерманскихъ высотахъ, Мекензіевой горѣ и Бельбекѣ 2 пѣхотныхъ и 2 казачьихъ полка, сводно гусарскій полкъ и 2 батареи

Виновны въ этой безполезной вылазкѣ какъ главнокомандующій, такъ и начальникъ гарнизона. Первому не слѣдовало писать неопредѣлительные записки бездарному генералу, а второму не слѣдовало выводить свои заключенія о томъ, чего онъ не понимаетъ.

19-го, согласно моей просьбѣ, введенъ въ Севастополь Волынскій полкъ и помѣщенъ на 4-мъ бастіонѣ.

Съ 18-го по 22-е прибыли 10-я и 11-я пѣхотныя дивизіи, подъ командою ген.-лейтенанта Соймонова и Павлова.

23-го прибыли великіе князья Николай и Михаилъ. При нихъ состояли: гг. Философовъ, Корфъ и Краснокутскій.

Къ 20-му октября французы окончили постройку батарей во 2-ой параллели и вооружили ихъ 64-мя орудіями. Вслѣдъ затѣмъ приступили къ сооруженію 3-ей параллели въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона и готовились къ устройству брешь-батарей. По 4-му бастіону непріятель производилъ весьма сильный огонь и въ ночь на 22-е число брошено въ него до 600 бомбъ.

Въ октябрѣ французскія войска были усилены 12-ю баталіонами, 8-ми эскадронами, въ числѣ 10-ти тысячъ, и 24-мя орудіями. Съ этими свѣжими войсками прибыли: дивизіонный генералъ Левальянъ и бригадные: Деламотружъ, Кустонъ, Базенъ и д'Алонвиль.

Англійскія войска усилены драгунскою бригадою Скерлета и пѣхотными резервами, всего до 4-хъ тысячъ.

Турки получили подкрѣпленія до 5-ти тысячъ, такъ что во второй половинѣ октября численность союзныхъ войскъ простиралась до 70-ти тысячъ (35 тыс. французовъ, 23 тыс. англичанъ и 12 тыс. турокъ). Въ нашей же арміи было до 80 тыс., считая въ этомъ числѣ 20 тыс. моряковъ. Слѣдовательно, мы были сильнѣе непріятеля.

V.

(Инкерманское сраженіе и вылазка г. Тимофѣева. — Награды за дѣло 24-го октября и предъидущія дѣла).

Съ прибытіемъ всѣхъ войскъ 4-го корпуса, главнокомандующій, по совѣщанію съ командиромъ корпуса, генераломъ Данненбергомъ, рѣшился атаковать непріятеля двумя колоннами: съ бастіона № 2-го и отъ Инкерманскаго моста.

Въ то же время князь Горчаковъ былъ долженъ отвлекать непріятеля и стараться овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору, а войска гарнизона—сдѣлать вылазку съ первой дистанціи. дабы удержать французовъ на своихъ мѣстахъ.

Для выполненія этого плана дѣйствій, войска къ вечеру 23-го октября были распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Въ правую колонну, ген.-лейтенанта Сомойнова, полки: Екатеринбургскій, Томскій, Колыванскій, Владимірскій, Суздальскій, Углицкій и Бутырскій, двѣ роты стрѣлковъ. двѣ роты саперъ и четыре артиллерійскія батареи, итого 29 баталіоновъ, въ коихъ 17 тысячъ штыковъ и 35 орудій.

Въ лѣвую колонну—полки: Селенгинскій, Якутскій, Охотскій, Бородинскій и Тарутинскій, двѣ роты стрѣлковъ и девять артиллерійскихъ батарей, итого 20½ баталіоновъ, въ коихъ 13½ тыс. штыковъ и 96 орудій. Въ обѣихъ колоннахъ слишкомъ 30 тысячъ штыковъ, при 130 орудіяхъ.

Чоргунскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Горчакова, состоялъ изъ 4-хъ полковъ, 12-ой дивизіи, своднаго стрѣлковаго батальона, 3-хъ полковъ 1-ой драгунской дивизіи, ген.-лейтенанта барона Врангеля, и 2-й бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи и сводной резервной кавалерійской бригады. Всего 17 батальоновъ, 58 эскадроновъ, въ числѣ 20-ти тысячъ и 100 орудій.

На позиціяхъ Инкерманской и Мекензіевой 4 батальона Казанскаго и Камчатскаго полковъ, при 36-ти орудіяхъ.

Затѣмъ, въ Севастополѣ оставалось: Тобольскій, Волынскій, Минскій и Московскій полки, 8-й резервный и запасный баталіонъ, 2 Черноморскихъ, 6-й стрѣлковый баталіонъ и 6 ротъ саперъ; итого $30\frac{1}{2}$ баталіоновъ, численностью до 20-ти тыс. Волынскій полкъ былъ расположенъ на 4-мъ бастіонѣ.

По диспозиціи Данненберга, правая колонна должна была выступить часомъ позже лѣвой и слѣдовать по лѣвой сторонѣ Киленъ-балки, т.-е. не переходя оную.

Эта диспозиція была на разсмотрѣніи у главнокомандующаго, но дошла-ли она въ томъ же видѣ до Соймонова—неизвѣстно. Также неизвѣстно, получилъ-ли Соймоновъ предписаніе Данненберга за № 1521, которымъ ясно опредѣлено направленіе правой колонны, ибо въ немъ, между прочимъ, сказано: «Полагаю также полезнымъ имѣть за правымъ флангомъ вашимъ главный резервъ ввѣренныхъ вамъ войскъ, ибо лѣвый флангъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки». Между прочимъ, исправляющій должность начальника штаба Севастопольскаго гарнизона, полковникъ Поповъ, возвратясь изъ главной квартиры, продиктовалъ диспозицію для правой колонны, гдѣ было сказано, что войска оной должны перейти Киленъ-балку. Эта диспозиція писана, подъ диктовку Попова, подполковникомъ Залѣскимъ, въ квартирѣ Баумгартена, въ присутствіи его, Соймонова, и полковника барона Дельвига; въ ней же указанъ былъ порядокъ слѣдованія войскъ и построенія ихъ во время движенія: трехъ полковъ 10-й дивизіи, подъ командою ген.-маіора Вильбоа, въ первомъ боевомъ порядкѣ, а трехъ полковъ 16-й дивизіи, подъ командою ген-маіора Жабокрицкаго, въ резервномъ порядкѣ.

Лѣвой колоннѣ генерала Павлова приказано было на-

чать движеніе съ Инкерманскихъ высотъ праваго берега рѣчки Черной, въ 5 часовъ утра, въ слѣдующемъ порядкѣ: Охотскій полкъ, двѣ роты стрѣлковъ, Бородинскій, Тарутинскій, Якутскій и Селенгинскій полки; между полками двѣ батареи и артиллерійскій резервъ. Войскамъ этимъ, по переходѣ черезъ мостъ, устроенный вице-адмираломъ Нахимовымъ, направиться: охотцамъ по Саперной дорогѣ, бородинцамъ—правѣе моста по ущелью, на высоты, а тарутинцамъ—влѣво отъ моста, по почтовой дорогѣ. Полки эти, занявъ нагорный берегъ, останавливаются для прикрытія дебушированія прочихъ войскъ колонны; если егеря встрѣчены будутъ превосходными силами непріятеля (чего не предполагалось), тогда спуститься имъ обратно къ подошвѣ горъ, а противъ высотъ открыть огонь съ пароходовъ «Херсонеса» и «Владиміра» [1]).

По волѣ главнокомандующаго, Данненбергъ долженъ былъ принять начальство надъ обѣими колоннами по соединеніи ихъ на высотахъ.

Наступленіе назначено на 24-ое октября.

Весь день 23-го октября шелъ дождь и произвелъ большую грязь.

24-го, гораздо прежде разсвѣта, начались движенія нашихъ войскъ, а въ 5 часовъ завязалась перестрѣлка между англійскими аванпостами и головными частями Соймонова, который выступилъ чесомъ ранѣе времени, назначеннаго Данненбергомъ.

Генералъ Кодрингтонъ, осматривая аванпосты, услышалъ пальбу и тотчасъ же велѣлъ стать подъ ружье легкой дивизіи, гдѣ онъ командовалъ бригадой. Вслѣдъ затѣмъ начали выстраиваться и другія англійскія войска;

---

[1]) Мнѣ кажется, что подобныхъ сложныхъ маневровъ передъ лицомъ непріятеля, на такой мѣстности, каковы Инкерманскія высоты лѣваго берега, дѣлать нельзя. Слѣдовало приказать взойти на высоты и удержаться на нихъ, во что бы то ни стало, до вступленія туда остальныхъ войскъ.

англійскіе генералы пришли въ совершенное недоумѣніе, не зная откуда грозитъ имъ наибольшая опасность, ибо въ тоже время стрѣлки колонны Павлова так-же открыли огонь.

Если бы Соймоновъ не перешелъ Киленъ-балки, то ему пришлось бы атаковать центръ и лѣвый флангъ англійской позиціи; перейдя же Киленъ-балку, онъ атаковалъ правое крыло англичанъ, т. е. сдѣлалъ то, что предназначалось колоннѣ Павлова. Это ошибочное движеніе стѣснило наши войска, и представило большую цѣль непріятелямъ, которые, имѣя хорошее оружіе, поражали насъ съ дальнаго разстоянія. Но, не взирая на все это, вайска наши, въ началѣ боя, пріобрѣли все-таки значительный успѣхъ.

Полки правой колонны—Томскій и Колыванскій, подкрѣпленные двумя Екатеринбургскими батальонами (другіе два оставались въ резервѣ возлѣ великихъ князей), атаковали бригады Кодрингтона, Бюллера, Кемпбеля и Гольди. Два нашихъ баталіона ворвались въ редутъ № 2-й и заклепали двѣ ланкастерскія пушки; потомъ они проникли въ лагерь. Два другіе батальона перешли на правую сторону Киленъ-балки, также ворвались въ англійскій лагерь и заклепали 4 орудія, но вскорѣ были оттѣснены оттуда.

Англичане, сбитые съ позиціи, отступили къ лагерю и тамъ отстаивали каждый шагъ, причемъ особенно отличались стрѣлки Броуна: они били на выборъ нашихъ офицеровъ и артиллерійскую прислугу. Въ короткое время выбыли изъ строя смертельно раненый генералъ Соймоновъ и Вильбоа и почти всѣ офицеры головныхъ частей правой колонны. Когда, понеся большую потерю, части эти (Томскій и Колыванскій полки) отступили къ верховью ущелья, гдѣ генералъ Жабокрицкій поставилъ артиллерію, подъ прикрытіемъ Углицкаго и Бутырскаго

полковъ, имѣя въ резервѣ Владимірскій и Суздальскій полки, тогда на этомъ пунктѣ сраженіе ограничилось перестрѣлкою.

Обратимся къ войскамъ лѣвой колонны.

Прежде всего въ этой полосѣ вступили въ бой Бородинскій и Тарутинскій полки, и хотя въ реляціи сказано, что они, опрокинувъ передовые непріятельскіе посты, взобрались на хребетъ горъ, потѣснили бригады Адамса и Пеннефетера и развернулись передъ редутомъ № 1, потомъ дрались съ перемѣннымъ успѣхомъ и вынуждены были отступить, когда непріятель получилъ подкрѣпленіе отъ гвардейской бригады Бентинга и французскихъ войскъ, но, кажется, эти полки мало принимали участія въ дѣлѣ. Они, вмѣсто того, чтобы держаться правѣе высотъ почтовой дороги, очутились лѣвѣе оной, были отброшены въ началѣ боя и скрылись съ поля сраженія, отступивъ въ большомъ безпорядкѣ въ долину Инкермана.

Генералъ Павловъ, опередивъ войска своей дивизіи, прибылъ на высоты тогда, когда передніе три полка правой колонны находились въ отступленіи; лѣвѣе войска Жабокрицкаго онъ встрѣтилъ три баталіона Колыванскаго полка и, по просьбѣ командующаго полкомъ, дозволилъ ему идти впередъ, не зная самъ куда. Здѣсь генералъ Павловъ узналъ о смерти Соймонова, и по предложенію Жабокрицкаго, принялъ общее начальство. Но вскорѣ прибылъ Данненбергъ (около 8 часовъ) и вступилъ въ командованіе войсками. Въ это время Охотскій и Якутскій полки взошли на горы.

Данненбергъ приказалъ охотцамъ идти впередъ, не давъ никакихъ указаній. Тоже велѣлъ дѣлать и якутцамъ. Баталіоны слѣдовали одинъ за другимъ въ колоннахъ къ атакѣ. Охотцы приняли много вправо, потѣснили значительно непріятеля и нанесли ему довольно большой уронъ; но потомъ были опрокинуты и отступили въ разсыпную

затѣмъ полкъ этотъ исчезъ съ поля сраженія. Якутцы приняли много влѣво, атаковали англичанъ и, въ свою очередь, были отброшены лѣвѣе почтовой дороги, къ каменоломнѣ, гдѣ, безъ всякой пользы, понесли большую потерю и также исчезли съ поля сраженія.

Такъ разсказываютъ очевидцы, но изъ оффиціальнаго денесенія видно слѣдующее: «Охотцы опрокинули англійскія войска и бросились на редутъ № 1. Гвардейскій полкъ Кольстримъ, въ числѣ 700 человѣкъ, защищалъ его геройски; но понеся большую потерю и лишась надежды отстоять редутъ, штыками проложилъ себѣ путь отступленія. Между тѣмъ, Селенгинскій и Якутскій полки, подъ командой ген.-маіора Охтерлоне, перешли оврагъ, по которому идетъ почтовая дорога, и бросились на непріятеля, перешедшаго въ наступленіе; съ прибытіемъ дивизіи Каткарта, Кольстримы снова заняли редутъ № 1, но не на долго: якутцы отбросили гвардейцевъ, которые понесли большой уронъ, и начальникъ ихъ, Бентинкъ, былъ раненъ. Не менѣе пострадали войска 4-ой англійской дивизіи, направленной во флангъ Селенгинскому полку на почтовой дорогѣ. Атака англичанъ была отбита и они въ безпорядкѣ бросились на высоты. Якутцы встрѣтили ихъ градомъ пуль, изъ коихъ одна поразила Каткарта въ голову. Оба бригадные командира, Гольди и Торренсъ, были ранены. Въ это время туманъ началъ расходиться, но густыя облака пороховаго дыма покрывали все поле сраженія. Англійская гвардія, 2-ая и 4-ая дивизіи, равно и французскіе батальоны[1]), отступали медленно, обороняя каждый шагъ; редутъ № 2 былъ взятъ нами. Перевѣсъ видимо склонялся на сторону русскихъ, у которыхъ 4 полка не были еще введены въ дѣло, тогда какъ англичане истощили всѣ свои резервы. Но около 11 часовъ французы пришли на выручку—наступилъ третій и послѣдній моментъ боя»...

---

[1]) Два или три баталіона Бурбаки.

Дѣйствительно, Боске, получа приглашеніе отъ англичанъ и видя, что ему нечего опасаться нападенія князя Горчакова, оставилъ на Сапунъ-горѣ одну бригаду; самъ же, съ тремя бригадами. въ числѣ 9 тысячъ, бросился на позицію англичанъ (два или три баталіона Бурбаки еще гораздо прежде пришли къ нимъ на помощь). У англичанъ оставалось подъ ружьемъ около 8 тысячъ, слѣдовательно, въ этотъ моментъ непріятель имѣлъ 17 тысячъ. Мы же могли употребить въ дѣло полки: Углицкій, Бутырскій, Владимірскій, Суздальскій и, можетъ быть, Селенгинскій (первые два прикрывали артиллерію). Такимъ образомъ, численный перевѣсъ перешелъ на сторону союзниковъ[1]). Приказано отступать.

Очевидцы говорятъ, что князь Меньшиковъ посылалъ къ Данненбергу своего адъютанта Панаева съ вопросомъ о ходѣ дѣла. Данненбергъ сказалъ, что нельзя болѣе держаться. Тогда князь самъ поѣхалъ къ нему и Данненбергъ сказалъ главнокомандующему: (tout est fini).

— Надобно здѣсь умереть— отвѣчалъ князь.

На это Данненбергъ возразилъ:

— Какъ солдатъ, я готовъ умереть, но какъ начальникъ войска, не могу принять на себя отвѣтственности.

Тогда князь махнулъ рукой и поѣхалъ въ городъ въ близкомъ разстояніи отъ цѣли зуавовъ, какъ бы ища смерти.

---

[1]) Во время дѣла главнокомандущій послалъ къ генералу Моллеру приказаніе выслать къ нему всѣ свободныя войска. Получивъ это распоряженіе въ тотъ моментъ, когда на правомъ флангѣ французы отбросили вылазку генерала Тимофѣева, Моллеръ отвѣчалъ запиской, что въ ту минуту опасность была не на Инкерманскихъ высотахъ, а противъ праваго фланга оборонительной линіи, по этой причинѣ онъ не можетъ отдѣлить изъ города никакой части. Зная хорошо Моллера за человѣка исполнительнаго и не разсуждающаго, можно сказать утвердительно, что записка была писана подъ чью-нибудь диктовку. Въ то время на городской части оставался свободнымъ одинъ только Тобольскій полкъ.

Генералъ Данненбергъ въ своемъ донесеніи говорилъ, что полки 11-ой дивизіи прикрывали отступленіе и нѣсколько разъ выдерживали атаки французовъ, но это несправедливо. На лѣвомъ флангѣ, т.-е. тамъ, гдѣ были полки 11-ой дивизіи, ничего не оставалось, что и заставило Данненберга передвинуть на тотъ флангъ Владимірскій и Суздальскій полки.

Войска отступили частью по Саперной дорогѣ и частью черезъ Инкерманскій мостъ[1]). Непріятель не преслѣдовалъ, ограничась одною канонадой.

Чоргунскій отрядъ князя Горчакова не принялъ участія въ дѣлѣ, что дало возможность Боске двинуть почти всѣ свои войска на помощь англичанамъ.

Согласно диспозяціи, начальникъ 1-й дистанціи, ген.-маіоръ Тимофѣевъ, въ 10 часовъ утра сдѣлалъ вылазку съ Миинскимъ полкомъ и 4-мя орудіями. Минцы смѣло напали на французскую батарею и заклепали 15 орудій. При отсупленіи генералъ Лурмель преслѣдовалъ Тимофѣева и попалъ подъ перекрестный огонь нашихъ укрѣпленій; при этомъ Лурмель понесъ большую потерю и самъ заплатилъ жизнью за свою запальчивость. Въ Минскомъ полку выбыло изъ строя до 800 человѣкъ.

Мы потеряли 24-го числа на Инкерманскихъ высотахъ и противъ 6-го бастіона до 9 тысячъ (3 тыс. убитыхъ и 6 тыс. раненыхъ), въ томъ числѣ офицеровъ убито 42, ранено 208. Изъ начальствующихъ убиты и смертельно ранены: ген.-лейтенантъ Соймоновъ и командиры полковъ Александровъ и Шелюта-Веревкинъ. Ранены: ген.-маіоръ Вильбоа и полковникъ Бибиковъ, Пустовойтовъ, Дельвигъ и Загоскинъ. По оффиціальнымъ донесеніямъ, англичане

---

[1]) Вице-адмиралъ Нахимовъ, находившійся все время на мосту, былъ пораженъ безпорядочностью отступленія: храброму адмиралу пришлось въ первый разъ находиться вблизи сухопутнаго сраженія, и въ добавокъ сраженія проиграннаго.

потеряли до 2,500[1]) и французы до 1,700. Но эти цифры далеко не вѣрны, у англичанъ выбыло изъ строя до 5,000 человѣкъ.

Идея общаго плана наступленій на Инкерманскія высоты была хороша и, при лучшихъ распоряженіяхъ, можно было надѣяться на успѣхъ, а успѣхъ далъ бы отличные результаты. Но приготовляясь къ столь важному предпріятію, надобно было разсчитать съ точностью всѣ моменты первоначальныхъ движеній и дать начальникамъ частей самыя опредѣлительныя приказанія (куда и какъ идти, какъ дѣйствовать при разныхъ обстоятельствахъ, гдѣ остановиться при удачѣ и куда отступить при неудачѣ, и проч.). А у насъ не только командиры полковъ, но даже начальники колоннъ, Соймоновъ и Павловъ, не имѣли понятія о мѣстности и расположеніи непріятеля, и къ тому же имъ пришлось исполнять диспозиціи, составленныя не однимъ лицомъ. Не было при войскахъ и офицеровъ генеральнаго штаба, знавшихъ хорошо мѣстность и цѣль предпріятія. Да и можно ли-было ожидать толковыхъ распоряженій, когда въ это время соединялъ въ себѣ должности начальника штаба и генералъ-квартирмейстера полковникъ Герсивановъ, человѣкъ довольно ученый, но непрактичный.

Зная невыгодное мнѣніе князя Меньшикова о Даненбергѣ, нельзя не удивляться, какъ онъ рѣшился ввѣрить этому генералу начальство надъ войсками. Поручивъ же ему командованіе, князь не возложилъ на прямую его отвѣтственность разъясненіе диспозиціи каждому изъ начальниковъ частей и принятія мѣръ къ тому, что-бы предварительныя движенія были исполнены съ математической точностью, и, къ общему удивленію, приказалъ Данненбергу принять начальство надъ войсками только по соединеніи колоннъ Соймонова и Павлова.

[1]) У англичанъ выбыло изъ строя 8 генераловъ.

Инкерманское сраженіе вновь доказало князю Меньшикову, что онъ взялся не за свое дѣло и что трудно командовать арміею безъ хорошо устроеннаго штаба.

Главнокомандующій сложилъ всю вину на Данненберга, что доказываетъ удаленіе его изъ арміи вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія. Конечно, этотъ генералъ много виноватъ въ неуспѣхѣ дѣла, ибо, принявъ на себя начальство, а слѣдовательно и отвѣтственность за послѣдствія, онъ долженъ былъ сдѣлать лично всѣ распоряженія наканунѣ боя, что не было имъ сдѣлано. И это тѣмъ болѣе непростительно Данненбергу, что мѣстность ему была совершенно извѣстна[1]). Но это не слагаетъ вины съ главнокомандующаго за неуспѣхъ дѣла. Данненбергъ обвинялъ Соймонова въ преждевременномъ наступленіи, но выше сказано что Соймоновъ руководствовался диспозиціею, диктовонною полковникомъ Поповымъ. Самая мысль атаковать союзниковъ отъ Киленъ-балки и Инкерманскаго моста, а не съ позиціи, занятой Липранди 13-го октября, принадлежитъ вполнѣ Данненбергу, хотя въ послѣдствіи онъ ссылался на избраніе этихъ пунктовъ главнокомандующимъ.

Можно думать, что если бы наступленіе на Сопунъ-гору сдѣлано было отъ бывшихъ турецкихъ редутовъ подъ главнымъ начальствомъ генерала Липранди, то успѣхъ былъ бы несомнѣненъ. Конечно, въ такомъ случаѣ вылазка съ 6-го бастіона должна быть сдѣлана одновременно съ главною атакою и въ большемъ числѣ войскъ, дабы удержать французскія дивизіи на ихъ лѣвомъ флангѣ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что выгоднѣе было бы вести атаку съ праваго фланга оборонительной линіи, т.-е.

---

1) Командуя 13-ою пѣхотною дивизіею, Данненбергъ квартировалъ въ Севастополѣ и охотился на этихъ мѣстахъ.

съ шестаго бастіона и батареи № 10-ый. но я не раздѣляю этого мнѣнія. При хорошихъ распоряженіяхъ мы могли взять нѣсколько батарей у французовъ и оттѣснить ихъ на нѣкоторое разстояніе, понеся при этомъ большую потерю но что же далѣе? Въ короткое время мы не могли бы сильно укрѣпиться на занятой мѣстности, а между тѣмъ были бы поражаемы во флангъ съ батарей, находившихся противъ 4-го бастіона, а потомъ атакованы союзными войсками съ фронта, и почти навѣрное можно сказать, что мы не удержались бы на занятой позиціи; а при отступленіи за оборонительную линію, отважный непріятель могъ на плечахъ нашихъ ворваться въ городъ...

По мнѣнію другихъ, и даже офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, мы выиграли бы сраженіе, и тѣмъ, можетъ быть, принудили бы союзниковъ снять осаду,— если бы князь Горчаковъ, одновременно съ главною атакою, сдѣлалъ наступленіе на Сопунъ-гору. Конечно, имѣя въ своемъ распоряженіи мало пѣхоты, Горчаковъ могъ быть отброшенъ, но отнялъ бы у Боске возможность дать во время помощь англичанамъ, и тогда дѣло могло принять другой оборотъ, ибо англичане, понеся большую потерю, не могли долѣе держаться. Но князь Горчаковъ, не имѣя опредѣленныхъ приказаній главнокомандующаго и располагая лишь одною бригадою пѣхоты (ибо другую слѣдовало оставить противъ Кадыкіойскаго отряда, т.-е. для прикрытія своего лѣваго фланга) для атаки Сопунъ-горы, не считалъ возможнымъ рискнуть на столь смѣлое предпріятіе, тѣмъ болѣе, что Боске могъ видѣть съ горъ всѣ движенія нашихъ войскъ и опредѣлить ихъ численность.

Вѣроятно, начальникъ болѣе предпріимчивый, проникнутый высокимъ чувствомъ патріотизма, рѣшился бы пожертвовать собою и частью своего отряда для успѣха

главной атаки, но нельзя требовать подобнаго самоотверженія отъ всякаго начальника, и тѣмъ болѣе, не получившаго рѣшительнаго приказанія по сему предмету отъ главнокомандующаго. Слѣдовательно, нельзя безусловно обвинять въ этомъ князя Горчакова и начальника пѣхоты его отряда, генерала Липранди. Впрочемъ, помощь чоргунскаго отряда наврядъ ли принесла бы существенную пользу, ибо главная атака ведена была безтолково, и наши войска на Инкерманскихъ высотахъ дѣйствовали такъ несознательно, отъ нераспорядительности главнаго начальника, что не могли воспользоваться этою помощью для рѣшительнаго удара англичанамъ.

Во время дѣла допущенъ былъ большой безпорядокъ: солдаты толпами уходили съ поля битвы подъ предлогомъ уноса раненыхъ и не возвращались къ своимъ частямъ. Полки водились въ атаку безъ опредѣленныхъ указаній, батальонъ за батальономъ, а будучи отброшены непріятелемъ, исчезли съ поля сраженія. Никто не заботился собрать разстроенныя части и снова ввести въ дѣло. Хотя иностранцы писали, что мы отступали въ порядкѣ, но они не могли видѣть, что у насъ дѣлается на отлогостяхъ горъ, и англичане были такъ разстроены, что не мыслили о настойчивомъ преслѣдованіи. Большая часть войска отступала не командами, а въ разбродъ: отъ одного и того же полка нѣкоторые шли въ городъ, а другіе на Инкерманскій мостъ. Часть артиллеріи, отступавшая безъ прикрытія, завязла въ грязи и вывезена съ помощью саперъ, приведенныхъ полковникомъ Тотлебеномъ.

Вылазка съ 6-го бастіона сдѣлана не своевременно и не была подкрѣплена. Если бы французы имѣли вблизи болѣе сильный резервъ, то могли бы на плечахъ минцевъ взойти на 6-й и 7-й бастіоны.

И такъ, Инкерманское сраженіе 24-го октября было проиграно, но все же оно имѣло слѣдствіемъ то, что союз-

ники, понеся большую потерю [1]), оставили мысль о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ Севастополя въ теченіи осени и зимы; тогда какъ, по показанію плѣнныхъ, было уже рѣшено штурмовать городъ.

Обращаюсь снова къ неустройству нашего главнаго штаба. Огромное число раненыхъ, принесенныхъ на сѣверную сторону, валялись довольно долго безъ пріюта и медицинскаго пособія. Къ успокоенію этихъ страдальцевъ не было принято заблаговременно никакихъ мѣръ. Неустройство въ арміи госпитальной части не дѣлаетъ чести и военному министру, который имѣлъ время до 24-го октября прислать въ Крымъ медиковъ и все необходимое къ устройству походныхъ госпиталей въ большомъ размѣрѣ.

Великіе князья вполнѣ заслужили благодарность арміи своимъ вниманіемъ къ раненымъ, и по представленію князя Меньшикова, награждены орденами Георгія 4-го класса. Гораздо позже, а именно лѣтомъ 1855 года, за Инкерманское дѣло получили генеральскіе чины командиры полковъ: баронъ Дельвигъ, Гордѣевъ, Бибиковъ, Бялый, Собашинскій и генералу Тимофѣеву данъ орденъ Станислава 1-й степени. Кстати упомяну здѣсь и о другихъ наградахъ командирамъ разныхъ частей: 1) За Альминское дѣло получили генеральскіе чины командиры полковъ: Приходкинъ, Ковалевъ и я (6-го декабря, со старшинствомъ съ 8-го сентября. 2) За бомбардировку 5-го октября Моллеръ и Станюковичъ—табакерки, Новосильскій—Владиміра 1-й степени (что, между прочимъ, всѣхъ удивляло, и въ особенности князя Меньшикова), Панфиловъ и Истоминъ—Георгія 3-го класса; тѣмъ же орденомъ награждены впослѣдствіи ген.-маіоръ Тимофѣевъ и капитанъ 1-го ранга Зоринъ. Большая часть офицеровъ, командовавшихъ 5-го

---

[1]) У англичанъ выбыло изъ строя 8 генераловъ, а на герцога Кембриджскаго дѣло это имѣло столь сильное нравственное вліяніе, что онъ нѣкоторое время остался какъ бы помѣшаннымъ

октября батареями, получили св. Георгія 4-й степени. 3) О наградахъ за 13-е октября сказано выше. 4) За вылазку 14-го октября Федоровъ произведенъ въ ген.-маіоры.

Послѣ Инкерманскаго дѣла войска заняли слѣдующія позиціи: На лѣвомъ берегу рѣчки Черной, у Чоргуна и Комары остался князь Горчаковъ съ 12-й пѣхотной дивизіей и кавалеріей.

На Инкерманскихъ высотахъ праваго берега—генералъ Жабокрицкій съ 16-ой дивизіей. На Бельбекѣ—генералъ Павловъ съ 11-ой дивизіей и генералъ Кирьяковъ [1]) съ 2-й бригадой 17-ой дивизіи.

Въ Севастополѣ—10-я пѣхотная дивизія [1]), 1-я бригада 14-й дивизіи, 1-я бригада 17-й дивизіи, 10 резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ и вскорѣ же введена на Карабельную 2-я бригада 11-ой дивизіи съ генераломъ Заливкинымъ.

Какъ во время дѣла 24-го октября, такъ и въ слѣдующіе дни, непріятель производилъ сильную канонаду противъ 4-го бастіона.

Говорятъ, что вскорѣ послѣ Инкерманскаго дѣла, главнокомандующій предлагалъ генералу Липранди съ занимаемой имъ позиціи атаковать непріятеля, но Липранди рѣшительно отказался, объявивъ, что уже поздно, ибо Сапунъ-гора сильно укрѣплена.

---

[1]) Кирьяковъ не участвовалъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ, хотя тамъ были три его полка. Онъ шелъ съ егерскою бригадою, но у Инкерманскаго моста Данненбергъ объявилъ ему волю главнокомандующаго, чтобы онъ лично не переходилъ за мостъ.

[1]) 10-я пѣхотная дивизія, послѣ смерти Соймонова, поручена была Баумгартену.

VI.

(Проэктъ генерала Баумгартена.—Осень и начало зимы. Наша жизнь на бастіонахъ и занятія гарнизона. — Буря 2-го ноября. — Назначеніе кн. Васильчикова начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона и барона Сакена—начальникомъ гарнизона.—Передвиженія войскъ. — Положенія союзныхъ войскъ; наступательныя работы ихъ и присланныя подкрѣпленія).

Въ концѣ октября генералъ Баумгартенъ предложилъ проэктъ атаки съ 6-го и 7-го бастіоновъ, съ тѣмъ, чтобы занять возвышенную мѣстность у хутора Рудольфа и укрѣпиться тамъ. Для обсужденія этого проекта князь Меньшиковъ пригласилъ генераловъ Липранди и Семякина и полковника Тотлебена на пароходъ «Громоносецъ», гдѣ временно помѣщался главнокомандующій.

Когда Баумгартенъ окончилъ чтеніе проэкта, князь спросилъ у Липранди, приметъ-ли онъ на себя исполненіе предпріятій съ $2^1/_2$ дивизіями? Липранди прежде, чѣмъ отвѣчать на это, сдѣлалъ вопросъ Тотлебену: «Можетъ-ли поспѣть редутъ въ 2 часа времени»?—«Конечно, нѣтъ; для этого нужно не менѣе двухъ сутокъ»,—отвѣчалъ Тотлебенъ. Тогда Липранди сказалъ: «Предположимъ, что мы будемъ имѣть успѣхъ, собьемъ непріятеля и займемъ указанную въ проэктѣ, мѣстность; но черезъ два часа подойдутъ непріятельскіе резервы, собьютъ насъ съ неукрѣпленной позиціи и на нашихъ плечахъ могутъ ворваться въ городъ. Впрочемъ, генералъ Баумгартенъ, составляя планъ атаки, конечно, считалъ оную вполнѣ удобоисполнимою, а потому пусть приметъ на себя начальство надъ войсками. Я же съ своей дивизіей для пользы службы готовъ подчиниться ему».—«Что вы на это скажете, генералъ Баумгартенъ»?—спросилъ князь. Составитель проэкта отвѣчалъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Липранди на счетъ трудности предпріятія, и что если такой опытный генералъ считаетъ невозможнымъ принять на себя исполненіе, то и онъ отказывается.

Послѣ этого князь, поклонившись, сказалъ:

— Прощайте, господа!

Баумгартенъ же, выйдя изъ каюты, разорвалъ свой проэктъ и бросилъ его въ море.

Такимъ образомъ, хитрый Липранди ловко уклонился отъ выполненія рискованнаго порученія и генералъ Баумгартенъ остался въ неловкомъ положеніи.

Съ этого времени всякая идея о наступленіи съ нашей стороны оставлена, по крайней мѣрѣ, до февраля.

Въ послѣднихъ числахъ октября, главнокомандующій назначилъ ген.-маіора Семякина исправляющимъ должность начальника штаба арміи, а полковника Вунша директоромъ канцеляріи; но вскорѣ потомъ Вуншъ сдѣланъ генералъ-интендантомъ.

Вступая на 4-й бастіонъ 19-го октября, Волынскій полкъ оставался тамъ безсмѣнно три недѣли, а потомъ перемѣнялся съ другими войсками черезъ 7 или 8 дней. Служба на бастіонѣ трудная, и никакого помѣщенія тамъ не было. Офицеры и солдаты отдыхали и укрывались отъ непогоды въ паркахъ, вырытыхъ за брустверами. Я самъ первое время не имѣлъ помѣщенія и только въ декабрѣ успѣлъ построить себѣ блиндажъ. По смѣнѣ полкъ располагался на Николаевской батареѣ, и большая часть людей на открытыхъ галлереяхъ этой батареи. Все время отдыха солдаты ежедневно высылались на дневныя и ночныя работы.

Непріятель велъ осадныя работы преимущественно на 4-й бастіонъ; пальба противъ этого бастіона почти не умолкала, и были ночи, въ которыя на площадку его ложилось до 700 бомбъ.

Мы употребляли всѣ мѣры. чтобы затруднить непріятелю производство работъ: днемъ стрѣлковая рота и штуцерные моего полка зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ противника, а по ночамъ, лишь только секреты да-

вали знать, что началась гдѣ-либо работа, очередныя орудія стрѣляли картечью, а люди, стоявшіе на банкетахъ, открывали батальный огонь.

Узнавъ отъ перебѣжчиковъ и черезъ другіе источники, что непріятель началъ минныя работы противъ 4-го бастіона, Тотлебенъ тотчасъ же приступилъ къ устройству слуховой галлереи, изъ которой выведены рукава на 12 саженей. Впослѣдстіи система минныхъ работъ приняла большіе размѣры, какъ передъ 4-мъ бастіономъ, такъ и отъ редута Шварца, 5-го бастіона и Малахова кургана.

Тотлебенъ съ неутомимою дѣятельностью усиливалъ укрѣпленія оборонительной линіи и также приступилъ къ постройкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укпрѣпленій второй линіи; такъ напримѣръ, за 4-мъ бастіономъ—Язонскаго редута, за стѣнкой, соединявшей 5-й и 6-й бастіоны—Ростиславскаго редута (названія давались по именамъ судовъ, экипажи которыхъ находились на этихъ редутахъ), отдѣльной батареи на высотѣ противъ театра и проч. На случай штурма сдѣлали баррикады въ улицахъ и на нѣкоторыхъ изъ нихъ поставили орудія; приготовили даже нѣсколько домовъ для обороны. Впослѣдствіи система баррикадъ была оставлена: въ домахъ и за баррикадами нельзя было держаться, если бы непріятель занялъ бастіоны, съ которыхъ онъ могъ разгромить ихъ въ короткое время, а между тѣмъ баррикады препятствовали свободному движенію резервовъ на подкрѣпленіе атакуемымъ частямъ.

Наши работы на 2-й дистанціи и на лѣвомъ флангѣ 1-й производились подъ постояннымъ огнемъ непріятеля; на прочихъ же пунктахъ союзники почти вовсе не препятствовали работамъ въ теченіи осени и зимы, до половины февраля 1855 года. Всѣ работы производились по мысли и подъ руководствомъ Тотлебена, но онъ обращалъ болѣе вниманія на первыя два отдѣленія, т.-е. на обо-

рону городской части, а на корабельной распоряжались работами преимущественно начальники дистанцій контръ-адмиралы: Панфиловъ и Истоминъ. Послѣдній въ особенности занимался укрѣпленіемъ Малахова кургана и построеніемъ длинной куртины отъ кургана къ 2-му бастіону, что требовало большихъ усилій, ибо по низменности мѣста валъ куртины надобно было очень возвышать.

Жаль, что Тотлебенъ не воспользовался нѣкоторыми пунктами для усиленія оборонительной линіи, а именно:

Въ первомъ отдѣленіи нужно было на прямой линіи между 6-мъ бастіономъ и батареей № 10 построить сильное укрѣпленіе и соединить его траншеями съ №№ 6-мъ и 10-мъ. Въ соединительныхъ же траншеяхъ устроить нѣсколько батарей по кремальерной линіи. Необходимость въ таковыхъ батареяхъ обозначалась построеніемъ Палынковой и Шемякиной батарей. Редуту Шварца слѣдовало придать гораздо большую силу.

На четвертомъ отдѣленіи надобно было занять сильнымъ укрѣпленіемъ высоту, гдѣ въ мартѣ 1855 года построенъ Камчатскій редутъ; 2-й бастіонъ выдвинутъ до ската Киленъ-балки и соединить его съ вышесказаннымъ укрѣпленіемъ и 1-мъ бастіономъ; на этой соединительной траншеѣ поставить нѣсколько батерей; траншея между 1-мъ и 2-мъ бастіонами должна бы идти по гребню Киленъ-балки, а спускъ въ эту балку сдѣлать отвѣснымъ на 2 или на 3 сажени.

При этой комбинаціи Малаховъ курганъ остался бы за первой линіей, какъ цитадель.

На это могутъ возразить, что такія работы потребовали бы много рукъ и времени, и что непріятель препятствовалъ бы производству ихъ. Съ этимъ нельзя согласиться, ибо то число солдатъ, которое ежедневно употреблялось на совершенно ненужныя работы, какъ напримѣръ

на устройство волчьихъ ямъ внутри бастіоновъ, на построеніе баррикадъ, куртины отъ Малахова кургана и т. п.,—было бы достаточно на указанные предметы. Что же касается до препятствій со стороны непріятеля, то таковыхъ нельзя было ожидать по дальности его траншей (кромѣ редута Шварца); притомъ же союзники оставляли въ совершенномъ покоѣ, какъ верки корабельной части, такъ и правый флангъ 1-го отдѣленія до половины февраля.

Сверхъ того, можно замѣтить Тотлебену, что онъ, какъ всѣ инженеры, не жалѣлъ людей при назначеніи ихъ на работы, не хотѣлъ принимать во вниманіе ихъ утомленія и ихъ убыль и мало думалъ о постройкѣ блинджей. Люди не имѣли пріюта на бастіонахъ и особенно утомлялись на работахъ въ длинныя и ненастныя зимнія ночи. Очень естественно, что солдатъ, зная, что онъ долженъ непремѣнно оставаться на работѣ всю ночь, работалъ не усердно. Къ тому же часто недоставало инструментовъ по числу высланныхъ людей.

Указывая на ошибки по приведенію города въ оборонительное положеніе, а также по наряду людей на работы, я обвинилъ въ этомъ одного Тотлебена, потому что онъ распоряжался всѣмъ безъ контроля; кому вся честь за хорошее, тому и упрекъ за дурное—это очень естественно.

Впослѣдствіи, при разсмотрѣніи системы ложементовъ передъ нашими верками, укажу вновь ошибочные взгляды инженеровъ.

Въ концѣ октября наступило ненастье, которое 2-го ноября разразилось ужасной бурей; сильный вѣтеръ въ нѣсколько минутъ сорвалъ и разнесъ въ куски большую часть непріятельскаго лагаря; войска остались безъ пріюта подъ проливнымъ дождемъ съ крупнымъ градомъ. На пространствѣ между Евпаторіей и Качей множество судовъ вы-

брошено на берегъ. Въ числѣ погибшихъ транспортовъ было десять съ зимней одеждой. Если бы буря продолжалась нѣсколько часовъ, то весь флотъ могъ погибнуть.

Мы питали себя надеждою, что это обстоятельство заставитъ союзниковъ снять осаду, но обманулись; они отправили только въ Босфоръ часть кораблей и транспортныхъ судовъ.

Главнокомандующій, будучи крайне недоволенъ полковникомъ Поповымъ, отправилъ его съ какимъ-то ничтожнымъ порученіемъ въ Перекопъ; а оттуда онъ получилъ дозволеніе ѣхать въ Петербургъ. На мѣсто Попова главнокондующій 19-го ноября назначилъ въ должность начальника штаба Севастопольскаго гарнизона флигель-адъютанта, полковника князя Васильчикова. Онъ немедленно приступилъ къ составленію штаба и дѣятельно занялся устройствомъ всѣхъ частей управленія. Въ скоромъ времени его вліяніе обозначилось повсюду, хотя кажется, въ первое время онъ самъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Тотлебена и Баумгартена; Моллеръ же по прежнему оставался только номинальнымъ начальникомъ гарнизона, но это продолжалось не долго: 28-го ноября князь Меньшиковъ назначилъ вмѣсто его только что прибывшаго новаго командира 4-го пѣхотнаго корпуса, барона Сакена (генералъ Данненбергъ назначенъ членомъ военнаго совѣта), а Моллеру предоставилъ на выборъ: оставаться въ Севастополѣ при первой бригадѣ своей дивизіи, или жить на рѣкѣ Бельбекѣ почти ни при чемъ. Онъ избралъ за лучшее отправиться на Бельбекъ. Мы радовались назначенію Сакена, полагая найти въ немъ умнаго, храбраго и самостоятельнаго начальника, но онъ не оправдалъ ожиданій арміи, хотя всегда добросовѣстно исполнялъ свой долгъ.

Что же касается до князя Васильчикова, то онъ имѣлъ много прекрасныхъ качествъ и принялъ возложенную на него обязанность съ душевнымъ желаніемъ пользы и

добра. Ему недоставало только опытности и твердости характера.

Въ послѣднихъ же числахъ ноября генералъ Тимофѣевъ назначенъ начальникомъ артиллеріи въ Севастополѣ, а вмѣсто его начальникомъ 1-го отдѣленія былъ сдѣланъ 8-го декабря капитанъ 1-го ранга Зоринъ.

Ненастная погода, дурныя дороги и разлитіе рѣки Черной заставили главнокомандующаго, по настоятельной просьбѣ князя Горчакова, перевести 26-го ноября войска Чоргунскаго отряда на правый берегъ рѣки; на лѣвомъ же берегу оставлены одни аванпосты.

12-я дивизія Липранди расположилась на Инкерманскихъ высотахъ, а 16-я дивизія Жабокрицкаго перешла съ Инкерманскихъ высотъ къ князю Горчакову, который 21-го декабря отодвинулся въ Королезъ и Черкесъ-кермень. Въ Чоргунѣ остался Кирьяковъ съ 17-й дивазіей [1]. Впослѣдствіи въ Чоргунѣ оставили одинъ Бородинскій полкъ, а прочіе три полка 17-й дивизіи заняли позицію на Мекензіевой горѣ.

Генералы Кирьяковъ и Волковъ, оказавшіеся неспособными, переведены въ запасныя войска.

Въ продолженіе зимы оборонительная линія охранялась: правый флангъ 1-го отдѣленія цѣпью, выдвигаемою къ кладбищу и до Корабельной бухты; редутъ Шварца и 2-е отдѣленіе небольшими караулами въ ложементахъ: съ 3-го и 4-го отдѣленій выставлялась на ночь цѣпь и, на самомъ лѣвомъ флангѣ, посылались небольшія команды пластуновъ за Киленъ-балку.

Небольшія вылазки дѣлались преимущественно съ 3-го бастіона и тамъ онѣ были довольно удачны, потому что производились противъ англійскихъ траншей, гдѣ служба исполнялась небрежно, и англичане были въ грустномъ

[1]) Московскій и Бутыркій полки выведены изъ Савастополя 9-го декабря, а Камчатскій введенъ туда 6-го числа.

положеніи. Лейтенантъ Берюлевъ сдѣлалъ себѣ извѣстность этими вылазками, а также лейтенантъ Остаповъ.

Болѣе замѣчательныя изъ этихъ вылазокъ:

8-го декабря, взяты въ плѣнъ 2 англійскія офицера и два рядовыхъ.

17-го, взяты 10 рядовыхъ.

1-го января большая вылазка на два пункта,—по 400 человѣкъ на каждый; захвачено: 16 англичанъ и два француза.

Съ 4-го бастіона, 21-го ноября, вылазка въ числѣ 300 человѣкъ подъ командой офицера Селенгинскаго полка, рекомендованнаго Баумгартеномъ. Этотъ офицеръ струсилъ и съ главнымъ отрядомъ вернулся назадъ, а, между тѣмъ, особая команда Волынскаго полка изъ 50 человѣкъ, находившаяся на лѣвомъ флангѣ отряда, бросилась съ храбрымъ прапорщикомъ Радостинымъ на французскія траншеи и нанесла непріятелю довольно большой уронъ.

3-го января—вылазка въ числѣ 300 человѣкъ подъ командой Волынскаго полка капитана Сыробоярскаго; драка въ траншеяхъ была довольно сильная; захвачено 5 французовъ.

Около 10-го января 600 человѣкъ, подъ командой черноморскаго баталіона маіора Головинскаго, нанесли большой уронъ траншейному караулу и взяли маленькую мортиру. Головинскій награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени; лейтенантъ Софіано убитъ.

Съ 5-го бастіона 28-го и 31-го декабря и 8-го января были произведены вылазки баталіономъ Тобольскаго полка; послѣднія двѣ подъ руководствомъ генерала Баумгартена. Донесеніе было громкое, особенно о вылазкѣ 8-го января; но положительно извѣстно, что тобольцы ничего не сдѣлали; это зналъ и главнокомандующій.

Съ 6-го бастіона, 8-го января 200 человѣкъ Минскаго полка захватили 1-го офицера и 7 рядовыхъ.

Съ 4-го отдѣленія не было дѣлано вылазокъ, ибо Истоминъ считалъ ихъ мало полезными, что отчасти справедливо.

Положеніе союзныхъ войскъ, жившихъ въ палаткахъ, было бѣдственно: только тогда, когда печальныя извѣстія достигли Франціи и Англіи, стали заботиться о снабженіи арміи бараками. Войска крайне нуждались въ дровахъ, не только для разведенія бивачныхъ огней, но и для варенія пищи; число больныхъ непомѣрно увеличивалось, особенно у англичанъ. Французы озаботились еще устроить нѣсколько бараковъ для госпиталей; у англичанъ же больные и раненые валялись въ палаткахъ безъ присмотра, безъ лекарствъ, часто и безъ пищи. Всѣ предметы потребностей для арміи, доставленные изъ Англіи, сваливались въ Балаклавѣ въ кучи, и никто не зналъ, что тамъ находилось.

Во французской арміи администрація была гораздо лучше: въ Камышевой бухтѣ существовалъ примѣрный порядокъ, и къ каждой дивизіи устроены были хорошія дороги, чего у англичанъ не было. Англійская кавалерія почти не существовала. У англичанъ оставалось подъ ружьемъ до 12-ти тысячъ, а потому французы заняли мѣстность, обращенную къ рѣкѣ Черной, на правомъ крылѣ и въ центрѣ линіи противъ Корабельной.

Турки были продовольствованы, одѣты и обуты еще хуже, чѣмъ англичане, и о нихъ никто не заботился; французы помогали имъ по возможности, а англичане употребляли ихъ вмѣсто вьючныхъ лошадей.

Изъ Франціи прислали въ Крымъ въ послѣдніе два мѣсяца 1854 года 6-ю и 7-ю дивизіи, въ январѣ—8-ю дивизію и гвардейскую бригаду, въ февралѣ—9-ю дивизію и вновь учрежденный баталіонъ гвардейскихъ зуавовъ.

Изъ Англіи въ теченіи зимы прислали 12 новыхъ полковъ и изъ всѣхъ войскъ сформировали 4 дивизіи.

Въ концѣ января, съ наступленіемъ болѣе благопріятной погоды, союзники приступили къ дѣятельному возобновленію осадныхъ работъ. Прибывшій къ половинѣ января, вновь назначенный начальникомъ инженеровъ, генералъ Ніель, нашелъ, что выгоднѣе атаковать Корабельную сторону, чѣмъ нашу правую половину оборонительной линіи, но какъ многіе держались прежней системы, то рѣшено было продолжать начатыя работы противъ 4-го и 5-го бастіоновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыть новыя по предложенію Ніеля.

Для этого французскую армію въ февралѣ мѣсяцѣ раздѣлили на два корпуса и резервъ. Первый корпусъ ввѣренъ Пелисье, прибывшему во второй половинѣ февраля; этотъ корпусъ состоялъ изъ 4-хъ дивизій: Форе (впослѣдствіи д'Отмаръ), Леваньяка, Пате и де-Саля и предназначенъ былъ для веденія атаки противъ верковъ городской части.

Второй корпусъ генерала Боске, состоящій также изъ 4-хъ дивизій,—Брюа (бывшая Канробера), Каму (бывшая принца Наполеона), Майрана (бывшая Боске) и Дюлака,— предназначался для веденія атаки противъ верковъ корабельной части и также для пораженій укрѣпленій, обращенныхъ къ рѣкѣ Черной.

Резервъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго Канробера, состоялъ изъ 9-ой дивизіи Брюно, гвардейской бригады Ульриха и кавалерійской дивизіи Марриса.

Изъ англійскихъ войскъ: легкая дивизія Бюмгера (бывшая Брауна), 2-я дивизія Пеннефетера (бывшая Леси Эванса), 3-я и, вновь сформированная, 4-я дивизія вели осадныя работы; а 1-я дивизія Бентинга (бывшая герцога Кембриджскаго), кавалерія Скерлета (вмѣсто Лукана) и отряды матросовъ расположились у Балаклавы.

Турецкія войска находились при обѣихъ арміяхъ.

16-го января Волынскій полкъ былъ переведенъ съ городской части на Корабельную: два батальона поступили въ распоряженіе начальника 3-го отдѣленія, контръ-адмирала Панфилова, а другіе два въ распоряженіе начальника 4-го отдѣленія, капитанъ-адмирала Истомина. Здѣсь нѣкоторое время моему полку былъ отдыхъ, въ сравненіи со службой на 4-мъ бастіонѣ. Въ половинѣ же января я назначенъ Высочайшимъ приказомъ командиромъ 1-ой бригады 16-ой дивизіи, но командовалъ Волынскимъ полкомъ по 25-ое марта, до прибытія новаго командира полка, Лушкова.

Есть молва, что князь Меньшиковъ просилъ Государя о присылкѣ въ Крымъ къ первымъ числамъ февраля отъ 40 до 50 тысячъ войска, ручаясь, что въ такомъ случаѣ онъ заставитъ непріятеля снять осаду. Императоръ не нашелъ возможнымъ исполнить эту просьбу. Была прислана только 8-я дивизія, да и ту велѣно оставить около Перекопа.

VII.

(Предпріятіе противъ Евпаторіи ген. Хрулёва 5-го февраля).

Такъ какъ по договору 2-го декабря, Австрія обѣщала защищать Дунайскія княжества, то турецкое правительство нашло возможнымъ послать съ Дуная большую часть своихъ войскъ. Такимъ образомъ къ концу января сосредоточили въ Евпаторіи три турецкія и одну египетскую дивизіи, въ числѣ болѣе 30-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Омеръ-паши.

Цѣль этого сосредоточенія войскъ заключалась въ отвлеченіи нашихъ войскъ къ Евпаторіи для того, чтобы потомъ дѣйствовать наступательно. Евпаторія была хорошо укрѣплена: французскіе инженеры обнесли городъ сплошнымъ валомъ. Омеръ-паша исправилъ и довершилъ укрѣпленія.

Наши войска, расположенныя противъ Евпаторіи, находились подъ командой ген.-лейтенанта, барона Врангеля, и состояли изъ трехъ полковъ, его драгунской дивизіи и резервной уланской дивизіи ген.-лейтенанта Корфа.

Главнокомандующій приказалъ Врангелю сдѣлать рекогносцировку; а вслѣдъ за тѣмъ послалъ къ нему, въ качествѣ начальника штаба и начальника артиллеріи, недавно прибывшаго къ арміи генер.-лейтенанта Хрулева.

Взгляды Врангеля и Хрулева на положеніе Евпаторіи были совершенно противоположны. Первый, т.-е. Врангель, нашелъ городъ сильно укрѣпленнымъ съ 90 орудіями и считалъ взятіе онаго открытой силой дѣломъ почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что штурмующія войска могли подвергнуться еще сильнѣе пораженію съ кораблей. Напротивъ, Хрулевъ донесъ главнокомандующему, что Евпаторійскія укрѣпленія ничтожны, гарнизонъ не великъ, орудій мало, и что, наконецъ, онъ берется овладѣть городомъ съ ничтожной потерей, если это предпріятіе поручится ему.

Князь, получивъ столь разнорѣчивыя донесенія почти въ одно время, рѣшился поручить отрядъ Хрулеву. Для этого приказалъ приблизить 8-ю дивизію и послать съ Инкерманской позиціи Азовскій полкъ съ нѣсколькими батареями [1]).

Нападеніе на Евпаторію положили произвести 5-го февраля.

Назначенные для атаки войска раздѣлены были на три колонны: правая, ген.-маіора Бобылева, состояла изъ 1-ой бригады 8-ой дивизіи, 1-ой бригады резервной уланской дивизіи, 2-хъ сотенъ казаковъ и 4-хъ батарей; сред-

---

[1]) Говорятъ, что вслѣдствіе извѣстій о высадкѣ непріятельскихъ войскъ въ Евпаторіи, князю Меньшикову предложено было изъ Петербурга сдѣлать серьезную попытку противъ этого города и для сего дозволили ему употребить 8-ю дивизію.

няя, ген.-маiора Тетеревникова,—изъ 2-ой бригады 8-ой дивизiи, одной сотни казаковъ и 3-хъ батарей; лѣвая, ген.-маiора Огарева, состояла изъ Азовскаго полка, резервныхъ батальоновъ Подольскаго полка, двухъ сотенъ казаковъ и $4^1/_2$ батарей.

Всего въ отрядѣ было 22 батальона, 24 эскадрона, 5 сотенъ казаковъ и 108 орудiй. Пѣхотой во всемъ отрядѣ командовалъ ген.-маiоръ князь Урусовъ (командиръ 8-ой дивизiи), кавалерiей—баронъ Врангель и артиллерiей полковникъ Шейдеманъ.

Кромѣ сказанныхъ войскъ, въ распоряженiи Врангеля была въ готовности въ близкомъ разстоянiи 2-я бригада резервной уланской дивизiи и у деревни Сакъ—2 драгунскихъ полка.

Къ ночи на 5-ое число отрядъ расположился вблизи города и прикрылъ себя казачьими аванпостами и пѣхотной цѣпью. Къ разсвѣту устроили эполименты для 76-ти орудiй и ровики для стрѣлковъ. Въ 200 шагахъ отъ эполиментовъ встала первая линiя пѣхоты—9 баталiоновъ въ ротныхъ колоннахъ, а въ резервѣ 10 баталiоновъ, остальная артиллерiя и кавалерiя.

Въ 6 часовъ утра наши батареи открыли сильную канонаду, а черезъ четверть часа двѣ батареи, выдвинутыя изъ резерва, встали подъ угломъ къ лѣвому флангу нашей позицiи и открыли по городу пальбу косвенными выстрѣлами. Потомъ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Панаевъ, съ 4-мя сотнями спѣшенныхъ казаковъ и греческими волонтерами направился къ городу со стороны озера Сосыкъ; въ 100 шагахъ отъ городскихъ укрѣпленiй завязали перестрѣлку. Для поддержанiя ихъ посланъ полкъ спѣшенныхъ драгунъ. Въ 9 же часовъ вышесказанныя двѣ батареи подвинулись къ городу на 100 саженъ и открыли картечный огонь.

При содѣйствiи пальбы этихъ батарей генералъ Ога-

ревъ повелъ въ атаку два батальона азовцевъ. Непріятель, подпустивъ ихъ на близкое разстояніе, встрѣтилъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, а также огнемъ съ канонерскихъ лодокъ. Ровъ оказался наполненнымъ водой и штурмовыя лѣстницы короткими, а потому азовцы вынуждены были отступить.

Хрулевъ, убѣдясь, что городъ занятъ значительными силами, приказалъ отступить всему отряду. Когда наши войска отошли на Типъ-Мамайскія высоты, Омеръ-паша вывелъ изъ города свой корпусъ, построилъ къ бою, но не аттаковалъ насъ.

Азовскій полкъ потерялъ выбывшими изъ строя до 600 человѣкъ; командиръ полка, ген.-маіоръ Криденеръ, сильно контуженъ въ ногу.

Убыль турецкихъ войскъ была болѣе 400 человѣкъ; въ томъ числѣ убитъ начальникъ египетской дивизіи Селимъ-паша.

Хрулевъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что наканунѣ сдѣлалъ всѣ распоряженія на счетъ занятія города и управленія имъ.

Главнокомандующій, получа донесеніе о неудачѣ предпріятія, выразился: «Спасибо Хрулеву, по крайней мѣрѣ, за то, что приказалъ во время отступить».

Отрядъ расформированъ по старому и занялъ прежнія позиціи.

Неудачная попытка противъ Евпаторіи имѣла вредное вліяніе на ходъ болѣзни императора. такъ объявили медики въ своихъ бюллетеняхъ.

VIII.

(Заложеніе Селенгинскаго редута 9-го февраля и отраженіе нападенія въ ночь съ 11-го на 12-ое февраля.—Построеніе Волынскаго редута).

Въ началѣ февраля пространство между Киленъ и Троицкою балками не было занято непріятелемъ; туда по

ночамъ ходили въ секреты наши пластуны и штуцерные. Главнокомандующій, желая предупредить непріятеля на этой мѣстности, рѣшился занять оную войсками и устроить тамъ редуты.

Исполненіе этого предпріятія возложено было на меня, что мнѣ объявилъ князь Васильчиковъ, въ полдень 9-го февраля на Малаховомъ курганѣ. Тогда же я съ полковникомъ Тотлебеномъ и начальникомъ команды пластуновъ, старымъ капитаномъ Даниленко, сѣли на лодку въ Киленъ-бухтѣ, и обогнувъ мысъ, пристали къ берегу близъ балки 42-го экипажа. Потомъ взошли на гору и Тотлебенъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ должны быть построены редуты. Тѣмъ же путемъ мы возвратились.

Въ мое распоряженіе назначили: для работъ 3 батальона Селенгинскаго полка и для прикрытія 4 батальона Волынскаго.

Въ тотъ же день, съ наступленіемъ сумерокъ, получивъ благословеніе отъ барона Сакена, я вывелъ свой отрядъ отъ 2-го бастіона и поднялся на высоты двумя колоннами: мимо водопровода по Саперной дорогѣ и черезъ мостъ, устроенный для сего на Киленъ-бухтѣ. По мѣрѣ всхода на высоты правая колонна прикрывалась цѣпью и резервами.

По занятіи всей мѣстности, приступили къ постройкѣ редута, названнаго впослѣдствіи Селенгинскимъ, по имени полка, который строилъ оный. Разбивка редута сдѣлана Тотлебеномъ, а постройка производилась подъ ближайшимъ надзоромъ штабсъ-капитана Тидебеля.

Въ эту же ночь построили нѣсколько ложементовъ для укрытія штуцерныхъ, высылаемыхъ на день.

Утромъ 10-го числа волынцы отведены были за начатый редутъ въ балку 42-го экипажа, для отдыха. Днемъ работы продолжались внутри редута однимъ батальономъ, высланнымъ изъ города на смѣну селенгинцевъ. Рабочіе

прикрывались турами, поставленными по линіи контръэскарпа.

Непріятель только утромъ замѣтилъ наши работы и открылъ ружейный огонь изъ ближайшихъ траншей (батарей вблизи не было); наши штуцерные перестрѣливались съ непріятелемъ весь день.

На слѣдующую ночь батальоны Волынскаго полка снова поставлены на позицію, а три селенгинскихъ приведены для работъ. Непріятель не безпокоилъ насъ ни эту ночь, ни слѣдующій день, но въ его траншеяхъ слышна была усиленная работа. По причинѣ каменистаго грунта брустверa нашего редута возвышались медленно, такъ что къ вечеру 11-го числа нельзя было еще поставить орудій.

11-го февраля, на закатѣ солнца, я расположилъ Волынскій полкъ, подобно предшествовавшимъ ночамъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

4-й баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ, занялъ пространство по линіи ложементовъ отъ спуска къ Троицкимъ погребамъ, черезъ Саперную дорогу до отлога Киленъ-балки, идущаго къ лѣвому флангу непріятельской траншеи на Сапунъ-горѣ, правый флангъ этого батальона былъ загнутъ вдоль по гребню лощины. Отъ каждой роты одинъ взводъ былъ вызванъ въ цѣпь. 2-ой баталіонъ, въ колоннѣ къ атакѣ, впереди строящагося редута, въ обліческомъ къ линіи ложементовъ направленіи; этотъ баталіонъ приходился за второю половиною праваго фланга цѣпи; 1-ый баталіонъ за срединою цѣпи, тыломъ къ балкѣ 42-го экипажа; 3-ій баталіонъ былъ выдвинутъ немного влѣво къ скату лощины, идущей къ Троицкимъ погребамъ, потому что натискъ непріятеля, въ случаѣ атаки, предполагался скорѣе на этотъ пунктъ, и лѣвый флангъ цѣпи былъ болѣе отдаленъ; непріятель, въ случаѣ направленія на нашъ правый флангъ, подвергался бы огню съ Корнилова (Мала-

хова) кургана и 2-го бастіона. Это предположеніе вполнѣ оправдалось ходомъ послѣдующаго дѣла.

Три баталіона Селенгинскаго полка находились на работѣ: 2-ой и 3-ій въ самомъ редутѣ, 1-ый—во рву.

До 10-ти часовъ вечера въ непріятельскихъ траншеяхъ была слышна усиленная работа кирками, потомъ звукъ шанцеваго инструмента сталъ менѣе слышенъ, а къ полуночи вовсе затихъ.

Въ эту ночь посѣщали меня на позиціи: сначала Тотлебенъ, а потомъ и князь Васильчиковъ; послѣдній около 11-ти часовъ обошелъ со мною всю цѣпь.

12-го февраля, въ исходѣ втораго часа пополуночи, по захожденіи ярко до того свѣтившей луны, занимавшіе секреты впереди цѣпи черноморскіе пластуны извѣстили меня, что непріятель выходитъ изъ своихъ траншей, и почти въ ту же минуту цѣпь 11-ой и 12-ой ротъ открыла учащенный огонь.

Совершенно готовые Волынскіе баталіоны стали въ ружье.

Я велѣлъ зажечь фальшфейеръ, условленный сигналъ для бастіоновъ и пароходовъ, что меня атакуютъ, и двинулъ 2-ой батальонъ на одну высоту съ первымъ; но, услышавъ на лѣвомъ флангѣ шумъ рукопашнаго боя, тотчасъ же повернулъ баталіоны налѣво, дабы занять траншею, примыкавшую къ лѣвому флангу редута, для того, чтобы обезпечить себя отъ обхода съ лѣваго фланга. Зуавы наступали чрезвычайно быстро, бѣглымъ шагомъ дошли они до редута и многіе вскочили въ самый ровъ. Храбрецы заплатили жизнью за свою отвагу; находившіеся въ редутѣ селенгинцы встрѣтили непріятеля сильнымъ огнемъ. Между тѣмъ, 3-ій Волынскій баталіонъ, а также 11-ая и 12-ая роты, находившіяся въ цѣпи на лѣвомъ флангѣ, отражали баталіоннымъ огнемъ и штыками нападеніе другой непріятельской колонны.

Убѣдясь, что французы лишены возможности обойти насъ съ лѣваго фланга, я приказалъ подать сигналъ къ наступленію: волынцы лихо ринулись впередъ, поражая штыками зуавовъ, венсенскихъ стрѣлковъ и морскихъ солдатъ, силившихся подать помощь своимъ товарищамъ.

Около часу длился рукопашный бой, въ которомъ волынцы показали себя героями, сражаясь съ отборными французскими войсками. Русскій штыкъ превозмогъ и непріятель въ безпорядкѣ началъ отступать къ своимъ траншеямъ.

Пройдя линію нашихъ ложементовъ, я прекратилъ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля, чтобы не попасть подъ огонь нашихъ пароходовъ; привелъ баталіоны въ порядокъ и поставилъ ихъ въ двѣ линіи, чтобы быть въ совершенной готовности встрѣтить непріятеля, если бы онъ рѣшился атаковать нашу позицію новыми силами, собранными около своихъ траншей.

Но французы, будучи совершенно разстроены, не только не возобновили нападенія, но даже не сдѣлали ни одного выстрѣла по нашимъ батальонамъ, которые оставались до самаго разсвѣта на позиціи близъ ложементовъ.

Во время боя передъ редутомъ командиръ Селенгинскаго полка, полковникъ Собашинскій, вышелъ съ 1-мъ баталіономъ своего полка правѣе редута и, по донесенію его, отбросилъ французскую колонну, спѣшившую на помощь зуавамъ. Но это несправедливо, ибо атаки на тотъ пунктъ позиціи вовсе не было. При началѣ атаки, только фальшфейеръ успѣлъ догорѣть, орудія, предварительно направленныя съ Корнилова и № 2-го бастіоновъ, открыли огонь разрывными снарядами по наступавшему непріятелю. Также началась пальба съ пароходовъ, становившихся на ночь противъ Троицкой и Георгіевской балокъ. Выстрѣлы съ пароходовъ нанесли много вреда непріятелю, въ особенности же при отступленіи его къ своимъ траншеямъ.

Однимъ изъ пароходовъ, «Владиміръ», командовалъ храбрый капитанъ Бутаковъ.

Въ нашихъ рукахъ осталось болѣе ста непріятельскихъ тѣлъ, въ томъ числѣ 8 офицеровъ 2-го зуавскаго полка. Въ плѣнъ взято 24 человѣка, въ числѣ коихъ 5 тяжело раненыхъ офицеровъ и одинъ не раненый. Легко раненые и павшіе въ Троицкой балкѣ отъ выстрѣловъ съ пароходовъ могли дойти до своихъ траншей и быть убранными.

Французскія войска, назначенныя для атаки, состояли подъ командой дивизіоннаго генерала Майрана и подъ главнымъ распоряженіемъ Боске; велъ же колонны генералъ Моне, который былъ раненъ при началѣ боя, также какъ и командиръ Зуавскаго полка Клеръ.

Наша потеря состояла изъ 65 убитыхъ и 346 раненыхъ, въ томъ числѣ 6 офицеровъ. Изъ раненыхъ, преимущественно штыками, болѣе ста человѣкъ осталось во фронтѣ; въ общемъ числѣ выбывшихъ изъ строя селенгинцы потеряли только 15 человѣкъ; слѣдовательно, вся тяжесть боя легла на волынцахъ.

Во время рукопашнаго боя, зуавскій офицеръ занесъ на меня саблю (чего я не видалъ, смотря въ другую сторону), но стоявшій возлѣ меня рядовой Бѣлоусовъ закололь его, а полковой горнистъ Павловъ, въ тоже время, выхватилъ у него саблю.

Около двухъ часовъ пополудни приходили къ мнѣ на позицію Великія Князья и благодарили полкъ отъ имени Государя. Ихъ высочества долго разговаривали съ солдатами. Потомъ пріѣзжалъ на позицію начальникъ гарнизона. Съ наступленіемъ сумерокъ, полкъ былъ смѣненъ на позиціи, и ему былъ данъ трехдневный отдыхъ.

Главнокомандующій, по причинѣ болѣзни, не могъ пріѣхать самъ на позицію, но тотчасъ послѣ боя прислалъ 25 знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія для возложенія на болѣе отличившихся нижнихъ чиновъ, а также

наградилъ орденами нѣсколькихъ офицеровъ. Меня князь благодарилъ у себя на квартирѣ. Государь, сверхъ того, наградилъ чинами или орденами всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ дѣлѣ, а нижнимъ чинамъ обоихъ полковъ пожаловалъ по 1 р. сер. на человѣка и по 4 знака военнаго ордена на каждую роту. Мнѣ Его Величество прислалъ съ фельдъегеремъ орденъ св. Анны 1-ой степени, минуя Станислава 1-ой и Владиміра 3-ей степени.

Князь Меньшиковъ, выражая лично мнѣ свою благодарность, сказалъ: «Это первое чистое дѣло въ Крыму».

Въ приказѣ же по арміи за № 48-мъ, главнокомандующій, между прочимъ, выразился: «Относя такой достославный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія къ храбрости, хладнокровію и распорядительности общаго начальника войскъ ген.-маіора Хрущова, мнѣ искренно пріятно поздравить его съ подвигомъ молодецкаго дѣла; всѣ ввѣренные ему чины оправдали ожиданія Государя Императора...»

Начальникъ Севастопольскаго гарнизона, баронъ Сакенъ, въ донесеніи своемъ главнокомандующему о дѣлѣ 12-го февраля, сказалъ между прочимъ:

«Быстрота натиска этихъ отборныхъ (французскихъ) войскъ въ два часа темной ночи была изумительна. Они были встрѣчены баталіоннымъ огнемъ, за которымъ послѣдовалъ ударъ въ штыки. Рукопашный бой продолжался часъ и французы сражались героями, но русскій грозный штыкъ въ рукахъ удалыхъ Волынцевъ осуществилъ отзывъ 12-го февраля: *натискъ* [1]) и отбросилъ непріятеля въ Троицкую балку, откуда онъ отступилъ въ траншеи...»

Черезъ нѣсколько дней Селенгинскій редутъ былъ оконченъ и вооруженъ, а въ ночь на 17-ое февраля заложенъ

[1]) Отзывъ, отданный по арміи 12-го февраля 1855 г., былъ «Натискъ».

подъ Георгіевской балкой Волынскій редутъ, въ 400 шагахъ отъ перваго. Непріятель же, послѣ неудачной попытки овладѣть занятою нами мѣстностью, приступилъ къ постройкѣ сильныхъ батарей противъ нашихъ редутовъ.

Мнѣ кажется, что мысль выдвиганія нашихъ укрѣпленій за Киленъ-балку была ошибочна, ибо эти укрѣпленія, находясь въ отдаленіи отъ оборонительной линіи, подвергались очень большой опасности при нападеніи на нихъ непріятеля. Въ скоромъ времени, когда французы окончили свои батареи, Волынскій и Селенгинскій редуты подверглись страшному огню, и мы теряли на нихъ много людей.

Желаніе князя Меньшикова было постепенно занимать за Киленъ-балку послѣдующія высоты; но съ тѣмъ числомъ войскъ, какое мы имѣли, это предположеніе было неосновательно. По моему мнѣнію, мы не должны были показывать своего желанія завладѣть этими высотами, и тогда бы онѣ оставались какъ бы нейтральными; съ прибытіемъ же подкрѣпленій, можно было безпрепятственно въ одну прекрасную ночь перевести за Киленъ-балку сильный отрядъ, а съ разсвѣтомъ атаковать непріятеля въ его позиціяхъ. Тогда, при хорошихъ распоряженіяхъ, можно было надѣяться на успѣхъ.

IX.

(Отъѣздъ кн. Меньшикова и великихъ князей.—Заложеніе Камчатскаго люнета и стычки передъ онымъ.—Мартъ).

19-го февраля главнокомандующій совершенно неожиданно оставилъ армію, передавъ начальство барону Сакену, а командованіе гарнизономъ вице-адмиралу Нахимову. Князь останавливался на нѣсколько дней въ Симферополѣ и Перекопѣ, и получа увольненіе отъ командованія

арміей, переѣхалъ въ Николаевъ [1]). Вотъ приказъ князя Меньшикова, отданный 28-го февраля, за № 72, въ Перекопѣ: «Государь Императоръ, въ милостивомъ вниманіи къ совершенно разстроенному моему здоровью, Высочайше слагая съ меня обязанности по командованію войсками въ Крыму и по званію начальника главнаго морскаго штаба, на мнѣ лежавшія, при вступленіи на престолъ 18-го сего февраля, удостоилъ меня отъ 19-го сего же мѣсяца Монаршимъ рескриптомъ, въ которомъ между прочимъ изображено слѣдующее: «Въ общей глубокой горести о кончинѣ нашего благодѣтеля да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ. Поблагодарите отъ меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севестополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши лѣтописи; перешедши въ жизнь вѣчную, Царственный вождь православнаго воинства благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость».

«Товарищи, что могу еще сказать послѣ двухъ Царственныхъ благословеній вамъ за вѣрную и честную службу престолу и отечеству? Тяжкими недугами разлученному съ вами, мнѣ остается только искренно благодарить всѣхъ и каждаго изъ моихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ сотрудниковъ—отъ генерала до рядоваго—за неоднократно доставленное мнѣ счастье передавать имъ Царское спасибо, и покидая по необходимости ряды доблестнаго воинства, я утѣшаюсь убѣжденіемъ, что удостоенное прежде, оно не перестанетъ и впредь заслуживать Монаршее одобреніе, радуя нашего Царя успѣхами защиты право-

---

[1]) Князь послалъ 10-го ферваля сына своего въ Петербургъ съ письмомъ къ Государю объ увольненіи его отъ командованія. Объ отъѣздѣ своемъ въ столицу князь сказалъ мнѣ 9-го числа вечеромъ.

славнаго дѣла. Товарищи, прощайте! Господь да поможетъ вамъ».

Великіе князья, получа извѣстіе о тяжкой болѣзни Государя, оставили Севастополь 23-го февраля.

28-го числа ген.-маіоръ Варшавскій привезъ къ намъ печальное извѣстіе о кончинѣ Императора.

На другой день всѣ войска приняли присягу на вѣрность службы Государю Императору Александру Николаевичу.

Союзники знали ранѣе насъ о кончинѣ Николая Павловича.

Французы начали дѣятельно работать на своемъ правомъ флангѣ, и въ 300 шагахъ отъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ заложили два родута, названные нами Черными; въ то же время повели аппроши между Доковою и Киленъ-балками къ бастіону Корнилона.

Мы же въ ночь на 28-ое февраля заложили на возвышенной мѣстности, впереди Малахова кургана, Камчатскій люнетъ, названный французами Mamelon vert.

Построеніе и удержаніе Камчатскаго люнета намъ дорого стоитъ, но, не взирая на препятствія, мы окончили оный, вооружили и сдѣлали впереди ложементы для стрѣлковъ. Каждую ночь была сильная перестрѣлка, и даже иногда завязывались схватки между нашимъ прикрытіемъ и непріятельскими колоннами, выводимыми изъ траншей для разрушенія нашихъ ложементовъ.

Въ ночь на 2-ое марта французы были отбиты отъ нашихъ ложементовъ 1-мъ баталіономъ Волынскаго полка, находившимся въ цѣпи, и 2-мя баталіонами Камчатскаго полка. Мы потеряли 200 человѣкъ.

Въ ночь на 6-ое марта французы повторили атаку съ большимъ числомъ войскъ, овладѣли ложементами и устремились къ люнету; но командиръ 4-го батальона Волынскаго полка, полковникъ Свищевскій, съ тремя ротами,

стремительно ударилъ въ штыки и отбросилъ непріятеля къ траншеѣ, занятой стрѣлками Якутскаго полка, которые встрѣтили его сильнымъ огнемъ, что заставило зуавовъ обратиться въ бѣгство. Въ то же время полковникъ Бялый съ шестью ротами Якутскаго и Томскаго полковъ двинулся изъ люнета вслѣдъ за Свищевскимъ, который между тѣмъ успѣлъ отбросить французовъ за наши передніе ложементы. Зуавы вторично атаковали, но были опрокинуты резервомъ Бялаго; при этомъ наши войска преслѣдовали французовъ до ихъ траншей, гдѣ завязался рукопашный бой. Бялый, опасаясь быть атакованнымъ болѣе значительными силами, отозвалъ войска. Французы, понеся большую потерю, не возобновляли атаки. У насъ выбыло изъ строя до 200 человѣкъ.

Въ ночь на 6-е марта англичане, воспользовавшись дѣломъ противъ Камчатскаго люнета, продолжали свою третью параллель, находившуюся въ 700 шагахъ отъ 3-го бастіона. Въ слѣдующіе дни они устроили сообщеніе со второю параллелью, а въ третьей соорудили мортирную батарею. Французы же повели подступы противъ Камчатскаго люнета тихой сапой, по причинѣ сильнаго огня съ люнета.

Такъ какъ оборона Корабельной приняла серьезный характеръ, то баронъ Сакенъ назначилъ ген.-лейтенанта Хрулева комендантомъ Корабельной части города, и съ 6-го марта послѣдній вступилъ въ командованіе 3-мъ и 4-мъ отдѣленіями. Впослѣдствіи Хрулевъ назывался начальникомъ лѣвой половины оборонительной линіи.

7-го марта, къ общему сожалѣнію, убитъ ядромъ на Камчатскомъ люнетѣ контръ-адмиралъ Истоминъ. Онъ былъ человѣкъ умный, энергическій и преданный своему долгу; флотъ и гарнизонъ лишились въ немъ одного изъ лучшихъ представителей.

Вмѣсто Истомина начальникомъ 4-го отдѣленія на-

значили бывшаго его помощника, капитана 1-го ранга Юрковскаго.

X.

(Прибытіе въ Севастополь новаго главнокомандующаго М. Д. Горчакова 8-го марта.—Вылазка подъ командой ген. Хрущова 19-го марта).

8-го марта прибылъ къ намъ новый начальникъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, съ званіемъ главнокомандующаго южной арміей и войсками, въ Крыму расположенными. Онъ привезъ съ собою весь свой штабъ, а именно: начальника штаба ген.-адъютанта Коцебу; дежурнаго генерала ген.-лейтенанта Ушакова; начальника артиллеріи ген.-лейтенанта Сержпутовскаго (у него начальникъ штаба ген.-маіоръ Крыжановскій); начальника инженеровъ ген.-лейтенанта Бухмейера; генералъ квартирмейстера ген.-маіора Бутурлина и генералъ-интенданта ген.-маіора Затлера. Исправляющій должность начальника штаба Семякинъ остался при арміи, а исправляющій должность интенданта Вуншъ уѣхалъ. Новый начальникъ инженеровъ не имѣлъ никакого вліянія на ходъ дѣлъ въ въ Севастополѣ, и Тотлебенъ остался полнымъ хозяиномъ инженерныхъ работъ. Да и Сержпутовскій тоже не во что не мѣшался. Князь Горчаковъ прибылъ къ намъ съ полной увѣренностію, что не далѣе какъ черезъ полтора мѣсяца, съ прибытіемъ двинутыхъ къ намъ войскъ, непріятель будетъ выгнанъ изъ Крыма. При разныхъ случаяхъ князь и Коцебу говорили гласно объ этомъ, и даже главнокомандующій выразилъ въ приказѣ по арміи упованіе свое, что скоро, съ Божьею помощью, конечный успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія. Вотъ этотъ приказъ 8-го марта, № 81: «Государь Императоръ Высочайше соизволилъ мнѣ повелѣть принять личное начальство надъ сухопутным и морскими силами, находящимися въ Крыму. Храбрые воины! Мужествомъ вашимъ гордится вся Рос-

сія, и Великій Государь Николай I при кончинѣ своей съ признательностью обратилъ послѣдній взоръ на ваши подвиги. Достойный преемникъ Его, царствующій Императоръ Александръ II въ письмахъ ко мнѣ отъ 19-го и 23-го февраля изволилъ выразиться слѣдующими словами: «Скажи отъ имени назабвеннаго благодѣтеля нашего нашимъ храбрымъ защитникамъ Севастополя, что онъ ими гордится и со смертнаго одра посылаетъ имъ черезъ меня послѣднее и душевное спасибо; скажи нашимъ молодцамъ, что я отъ души благодарю его именемъ, и вполнѣ увѣренъ, что они всегда будутъ достойны его отеческаго попеченія. Самое трудное время для васъ миновалось: пути возстановлены; подвозы всякаго рода запасовъ идутъ безостоновочно, и сильныя подкрѣпленія, къ вамъ на помощь направленныя, сближаются».

«Принимая начальство надъ вами, я въ полномъ упованіи, что вскорѣ съ Божьею помощью конечный успѣхъ увѣнчаетъ ваши усилія, и что мы оправдаемъ ожиданіе нашего Государя и Россіи.

«Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, съ толикой честью управлявшій защитой Севастополя, и доблестный помощникъ его вице-адмиралъ Нахимовъ, съ прибытіемъ моимъ сюда, вступаютъ въ прежнія обязанности свои».

Къ сожалѣнію, не сбылись надежды князя Горчакова, и онъ убѣдился, что оборона Севастополя сопряжена съ большими трудностями, чѣмъ онъ и многіе думали.

Получено было свѣдѣніе, что французы хотятъ въ ночь на 11-ое марта повторить нападеніе на Камчатскій люнетъ, а потому у насъ рѣшили предупредить непріятеля сильной вылазкой подъ начальствомъ генерала Хрулева. Для этого назначили изъ войскъ гарнизона восемь баталіоновъ, а именно: четыре Камчатскаго, два Углицкаго и два Волынскаго полковъ, и сверхъ того изъ ди-

визіи генерала Липранди три баталіона Днѣпровскаго полка, всего одиннадцать баталіоновъ. Вмѣстѣ съ этимъ положено было сдѣлать одновременно двѣ вылазки—лѣвѣе и правѣе 3-го бастіона; изъ нихъ первая была поручена капитану 2-ой роты Будищеву съ запаснымъ баталіономъ Минскаго полка, четырьмя ротами греческихъ волонтеровъ и двумя стами пятидесятью матросами, а вторая, правая, лейтенанту Берюлеву, съ четырмя стами пятидесятью охотниками.

Хрулевъ 10-го числа, около 10-ти часовъ вечера, выдвинулъ шесть баталіоновъ изъ Камчатскаго люнета; но французы не дремали, встрѣтили наши войска сильнымъ огнемъ, и по всему пространству между Доковой и Киленъ-балками завязалась жаркая перестрѣлка. Наши солдаты вытѣснили непріятеля изъ ближайшихъ траншей и нѣсколько отдѣльныхъ группъ увлеклись очень далеко. Французы, отойдя назадъ и будучи подкрѣплены войсками дивизій Майрана и Брюне, открыли сильнѣйшій огонь по нашимъ баталіонамъ, которые въ темнотѣ ночи совершенно перемѣшались. Дѣло продолжалось до двухъ часовъ ночи, и на нѣкоторыхъ пунктахъ дрались въ рукопашную. Выдвинувшіяся слишкомъ впередъ небольшія группы солдатъ не хотѣли отступить, относя приказаніе объ отступленіи къ измѣнѣ; ихъ едва могъ убѣдить іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, пришедшій съ крестомъ въ рукѣ.

Мы удержали за собой ложементы, которыми французы завладѣли наканунѣ, и срыли непріятельскія подступы къ этимъ ложементамъ. По нашемъ отступленіи непріятель снова занялъ свои траншеи.

Вылазка съ 3-го бастіона была сдѣлана не одновременно съ главной атакой, такъ какъ контръ-адмиралъ Панфиловъ двинулъ Будищева только тогда, когда войскамъ, дѣйствовавшимъ отъ Камчатскаго люнета, было

приказано отступить. Будищевъ направилъ свой отрядъ на оконечность праваго фланга англійской траншеи; греки, бывшіе подъ его командой, опрокинувъ два полка изъ дивизіи Бюллера, ворвались въ траншею и заклепали нѣсколько мортиръ, и въ тоже время Берюлевъ оттѣснилъ англійскій полкъ изъ траншей на Зеленой горѣ.

Отрядами Берюлева и Будищева взяты въ плѣнъ: командиръ полка Колли, инженерный капитанъ Монтегю и 12 рядовыхъ.

По донесенію Хрулева, у насъ выбыло изъ строя 46 офицеровъ и 1,596 нижнихъ чиновъ, но можно считать до двухъ тысячъ. Французы понесли также большую потерю, хотя Канроберъ опредѣлилъ ее лишь въ 600 человѣкъ, но это неправда.

Вылазка съ Корабельной 10-го марта, по числу войскъ, введенныхъ въ дѣло, жестскости боя и по количеству потерь съ обѣихъ сторонъ, можетъ назваться довольно большимъ сраженіемъ. Хотя очевидцы говорятъ, что будто Хрулевъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ безъ опредѣленнаго плана и не выказалъ достаточной распорядительности, но тѣмъ не менѣе онъ получилъ за это дѣло Георгія 3-го класса.

На слѣдующее утро было заключено на нѣсколько часовъ перемиріе, для уборки убитыхъ и тяжело раненыхъ. Французы, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, вышли изъ своихъ траншей опрятно одѣтыми, а наши въ оборванныхъ шинеляхъ. Во время этого перемирія генералъ Брюне выказалъ свою непріязнь къ русскимъ, бывъ настолько неделикатнымъ, что сдѣлалъ выговоръ французскимъ офицерамъ, которые дружески разговаривали съ нашими. Французамъ это было очень непріятно.

Послѣ дѣла 10-го марта союзники занялись исправленіемъ своихъ траншей и окончаніемъ сооружаемыхъ батарей противъ Корабельной. Въ концѣ марта англичане устроили новую батарею на правомъ флангѣ 3-ей парал-

дели и вооружили ее орудіями большаго колибра для анфилированія батареи Язона за 4-мъ бастіономъ.

Наши ложементы, находившіеся противъ редутовъ Волынскаго, Селенгинскаго и Камчатскаго и передъ 3-мъ бастіономъ, соединены были траншеями въ двѣ, а мѣстами въ три линіи, и такимъ образомъ, ложементы приняли характеръ оборонительный, вмѣсто наблюдательнаго. По словамъ инженеровъ, Тотлебенъ уступилъ въ этомъ случаѣ настояніямъ Хрулева, чего нельзя допустить. Тотлебенъ дѣйствовалъ всегда по своему усмотрѣнію. Въ исходѣ марта сдѣланы были нѣкоторые перемѣны въ распредѣленіи войскъ, такъ, напримѣръ: Волынскій полкъ переведенъ на первое отдѣленіе, а Минскій съ перваго на Корабельную. Полки 1-ой бригады 11-ой дивизіи отводились на нѣкоторое время отдохнуть на рѣкѣ Бельбекъ.

Редуты за Киленъ-балкой образовали новое, пятое отдѣленіе, которое было поручено ген.-маіору Тимофѣеву, бывшему начальнику артиллеріи гарнизона; полковника Шейдемана назвали помощникомъ начальника штаба по артиллерійской части; въ должность оберъ-квартирмейстера гарнизона назначенъ, недавно прибывшій въ Севастополь, подполковникъ Циммерманъ.

На страстной недѣлѣ прибылъ новый командиръ Волынскаго полка и вступилъ въ командованіе полкомъ.

27-го марта, въ день Воскресенія Христова, было въ Севастополѣ богослуженіе въ присутствіи главнокомандующаго. Приказано было быть въ сюртукахъ и эполетахъ, а у кого нѣтъ сюртуковъ, то въ шинеляхъ. Генералъ Коцебу познакомился со мной въ церкви и тамъ же представилъ князю Горчакову, сказавъ по французски: «Это г. Хрущовъ». Князь спросилъ, гдѣ я прежде служилъ и чѣмъ теперь командую. Узнавъ же, что я сдаю полкъ новому командиру, полковнику Лушкову, выразилъ желаніе, чтобы

я скорѣе окончилъ сдачу. «Вы мнѣ нужны»,—присовокупилъ при этомъ главнокомандующій.

XI.

(Вторая бомбардировка съ 27-го марта по 4-ое апрѣля.—Мнѣніе о ложементахъ и вообще о контръ-апрошныхъ работахъ. — Заложеніе ложементовъ передъ редутомъ Шварца и отбиты нападенія 12-го апрѣля. — Взятіе непріятелемъ 20-го апрѣля ложементовъ передъ редутомъ Шварца.—Минныя работы непріятеля передъ 4 бастіономъ).

Составленный въ началѣ года планъ дѣйствій союзной арміи, имѣвшій цѣлью наступленіе отъ Евпаторіи, былъ оставленъ, потому что исполненіе этого плана требовало много времени, а Наполеонъ имѣлъ въ виду одержаніе какого-либо замѣчательнаго успѣха, дабы принудить Россію сослаться на требованія союзниковъ при предстоящихъ конференціяхъ. И такъ, рѣшено было ускорить осаду Севастополя и съ этой цѣлью подойти на самое близкое разстояніе къ укрѣпленіямъ города; а такъ какъ осадныя работы противъ правой половины оборонительной линіи были выдвинуты болѣе впередъ, чѣмъ противъ лѣвой половины, то рѣшились снова обратить главныя усилія противъ 4-го и 5-го бастіоновъ, хотя Ніель не переставалъ утверждать, что Малаховъ курганъ есть ключъ позиціи и Пелисье былъ того же мнѣнія.

28-го марта, на второй день Пасхи, непріятель, предварительно вооруживъ свои батареи орудіями большаго калибра, съ 5-ти часовъ утра открылъ по нашимъ укрѣпленіямъ и по городу вторую бомбардировку, которая продолжалась семь дней. По показанію французовъ, они бросали къ намъ ежедневно отъ 20,000 до 26,000 снарядовъ. Не смотря на это, наши батареи не умолкали ни на одинъ часъ, хотя нашъ огонь и былъ слабѣе непріятельскаго по причинѣ сбереженія снарядовъ. По ночамъ подходили къ городу пароходы и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, поспѣшно удалялись.

Въ эти замѣчательные дни втораго бомбардированія почти каждую ночь была борьба передъ 5-мъ и 6-мъ бастіонами изъ-за обладанія ложементами. Такъ, напримѣръ, 30-го марта подполковникъ Темирязевъ посланъ былъ съ Колыванскимъ полкомъ отбить ложементы, которыми непріятель овладѣлъ у насъ наканунѣ; предпріятіе не удалось и Темирязевъ былъ смертельно раненъ.

1-го апрѣля послали полковника Лушкова съ Волынскимъ полкомъ для постройки ложементовъ передъ кладбищемъ. Лишь только прикрытіе и рабочіе вышли, какъ французы напали на нихъ, и волынцы, послѣ жаркой схватки, принуждены были отступить, оставивъ на мѣстѣ туры и шанцовый инструментъ. Полковникъ Лушковъ получилъ рану въ руку, отъ которой черезъ нѣсколько недѣль умеръ. Эти неудачи произошли отъ дурныхъ распоряженій начальства, и въ особенности начальника 1-го отдѣленія.

Съ 28-го марта по 4-е апрѣля у насъ убито и ранено 66 офицеровъ и 3,159 нижнихъ чиновъ. Особенно много потеряли полки, занимавшіе Селенгинскій и Волынскій редуты.

Главнокомандующій въ заключеніе своего донесенія о второй бомбардировкѣ писалъ: «Видя бодрость, и можно сказать, даже веселость Севастопольскаго гарнизона при самыхъ утомительныхъ работахъ, почти безъ отдыха, подъ адскимъ огнемъ, продолжающимся уже болѣе шести сутокъ, нельзя не гордиться именемъ русскаго».

И послѣ 4-го апрѣля продолжалась усиленная пальба съ непріятельскихъ батарей, но гораздо слабѣе, чѣмъ въ первые семь дней.

7-го апрѣля три роты Тобольскаго полка сдѣлали удачную вылазку противъ непріятельскихъ воронокъ, образовавшихся отъ взрывовъ минъ передъ 4-мъ бастіономъ.

10-го числа отъ взрыва новой мины передъ этимъ же

бастіономъ мы потеряли до ста человѣкъ убитыми и ранеными.

Нѣсколько словъ о ложементахъ. Въ теченіи зимы ихъ строили для прикрытія секретовъ и небольшаго числа стрѣлковъ передъ 4-мъ бастіономъ и редутомъ Шварца. Держаться въ нихъ не предполагалось. Разсматривая ложементы съ этой точки зрѣнія, они были весьма полезны; но Тотлебенъ увлекся и развилъ систему контръ-апрошныхъ работъ въ большихъ размѣрахъ. Съ наступленіемъ весны стали строить ложементы передъ всѣми бастіонами, соединяя ихъ траншеями, съ цѣлью противопоставить непріятелю новую линію обороны. При этомъ Тотлебенъ не принялъ во вниманіе, что оборона такихъ траншей лишала насъ артиллерійскаго огня, и при серьезномъ нападеніи непріятеля малое число войскъ не могло держаться въ переднихъ траншеяхъ, а потому нужно было постоянно подкрѣплять ихъ войсками изъ крѣпости, но какъ непріятель, желая атаковать серьезно какую-либо часть, употребитъ, конечно, гораздо большее число войскъ, чѣмъ мы можемъ вывести для обороны, то мы неминуемо вынуждены будемъ оставить траншеи и отступить; тогда непріятель, не будучи поражаемъ артиллерійскимъ огнемъ, можетъ на плечахъ нашихъ ворваться въ бастіоны. Тотлебенъ былъ такъ убѣжденъ въ пользѣ контръ-апрошныхъ работъ, что не допускалъ ни чьихъ противорѣчій, а наше начальство безусловно вѣровало въ его непогрѣшимость и исполняло всѣ его представленія. Послѣдствія доказали ложность контръ-апрошныхъ работъ съ оборонительной цѣлью.

Въ апрѣлѣ получено извѣстіе, что барону Сакену пожаловано графское достоинство, Нахимовъ произведенъ въ адмиралы [1]), князь Васильчиковъ и Тотлебенъ въ гене-

---

[1]) Нахимовъ былъ произведенъ въ адмиралы одновременно съ братомъ

ралъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Желая воспрепятствовать непріятелю приблизиться своими траншеями къ редуту Шварца, главнокомандующій, по настоятельному представленію Тотлебена, рѣшился занять мѣстность передъ этимъ редутомъ и устроить большіе ложементы. Тотлебенъ утверждалъ, что если французы предупредятъ насъ на этой мѣстности, то мы подвергнемся страшному ружейному огню, особенно 4-ый бастіонъ, гдѣ гарнизону нельзя будетъ оставаться.

Занятіе нашими ложементами вышеозначенной мѣстности было окончательно рѣшено въ полдень 11-го апрѣля, въ квартирѣ начальника гарнизона. Исполненіе этого предпріятія въ ту же ночь главнокомандующій хотѣлъ возложить на Баумгартена, находившагося въ то время въ сказанной квартирѣ. На личное приказаніе по сему предмету главнокомандующаго Баумгартенъ отозвался, что, признавая всю необходимость занятія мѣстности между редутомъ Шварца и непріятельскими траншеями, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ принять на себя этого порученія—по незнанію мѣстности.

Всѣ присутствовавшіе были удивлены отказомъ генерала принять на себя порученіе, и главнокомандующій не нашелся, что отвѣчать, но спустя нѣсколько минутъ, приказалъ послать за мной.

По прибытіи моемъ, главнокомандующій сказалъ мнѣ: «Поручаю вашему превосходительству съ пятью баталіонами занять сегодня, съ наступленіемъ сумерокъ, мѣстность между редутомъ Шварца и французскими траншеями, построить тамъ ложементы по указанію Тотлебена, и въ случаѣ нападенія, удержаться тамъ, во что бы то ни стало. Теперь 12 часовъ; поѣзжайте съ Тотлебеномъ осмотрѣть мѣстность и распорядиться». Я отвѣчалъ, что эта мѣст-

---

моимъ С. П. Хрущовымъ, архангельскимъ военнымъ губернаторомъ и главнымъ командиромъ тамошняго порта.

ность извѣстна всѣмъ, къ тому же она вполнѣ видна съ 4-го бастіона и редута Шварца.

По захожденіи солнца. въ довольно свѣтлую, лунную ночь, я вывелъ изъ редута Шварца и отъ батарей Забудскаго три баталіона Екатеринбургскаго и два баталіона Волынскаго полковъ и занялъ безрепятственно упомянутую мѣстность, расположивъ два баталіона въ ротныхъ колоннахъ съ густой цѣпью стрѣлковъ, а три поставилъ въ резервѣ; тогда тотчасъ же выведены были для работъ два баталіона Суздальскаго полка.

Въ теченіе ночи, не смотря на жестокій огонь изъ непріятельскихъ траншей и ближайшихъ батарей, четыре ложемента были построены, и съ разсвѣтомъ, оставя въ ложементахъ сотню штуцерныхъ, я отвелъ отрядъ за наши укрѣпленія, какъ мнѣ было приказано.

Днемъ 12-го числа французы обратили на вновь выстроенные ложементы сильный артиллерійскій огонь и частью обрушили оные. Штуцерные едва могли укрываться за ними.

Утромъ, когда я возвратился на свою квартиру, пришелъ ко мнѣ князь Васильчиковъ. Передавъ ему, что сдѣлано въ теченіе ночи, я выразилъ свое мнѣніе о ложементахъ съ оборонительной цѣлью. Повидимому онъ былъ согласенъ со мной и совѣтовалъ мнѣ высказать свое мнѣніе начальнику гарнизона, который желалъ меня видѣть. Придя къ Сакену, я засталъ у него Тотлебена и Васильчикова.

Разцѣловавъ меня и выразивъ свою благодарность, начальникъ гарнизона просилъ меня принять начальство надъ отрядомъ и въ слѣдующую ночь. Я отвѣчалъ, что исполню его приказаніе, но считаю обязанностью, какъ старый саперъ, передать ему мое убѣжденіе на счетъ предпринятыхъ работъ.

На мои доводы о ложности системы нашихъ контръ-

апрошныхъ работъ Сакенъ не могъ возражать; но Тотлебенъ сильно доказывалъ необходимость этой мѣры, и въ заключеніе выразился, что если для удержанія мѣстности передъ редутомъ Шварца мало одной дивизіи, то надобно пожертвовать двумя; что если непріятель займетъ эту мѣстность, 4-й бастіонъ пропадетъ [1]). Князь Васильчиковъ все время молчалъ.

При этомъ свиданіи Сакенъ предложилъ мнѣ принять въ свое управленіе первое отдѣленіе, но это не состоялось.

И такъ, было рѣшено въ слѣдующую ночь упрочить построенные ложементы, соединить ихъ между собой и сдѣлать еще два во второй линіи. Для работъ назначили два Суздальскихъ баталіона, а въ прикрытіе три Екатеринбугскаго и два Алексопольскаго полковъ.

Къ вечеру 12-го апрѣля означенныя войска были собраны у 5-го бастіона и батарей Забудскаго; когда стемнѣло, я направилъ изъ редута Шварца капитана генеральнаго штаба Лаврова съ охотниками для содержанія секретовъ, и къ каждому изъ ложементовъ по двѣ роты Екатеринбургскаго полка (штуцерные были отозваны изъ ложементовъ), третій же баталіонъ этого полка приказалъ вывести, ровно какъ и алексопольцевъ, для составленія второй линіи. Послѣдніе должны были выйти отъ рогатки въ лощинѣ, лѣвѣй батарей Забудскаго.

Лишь только двѣ первыя Екатеринбургскія роты подошли къ крайнему лѣвому ложементу, а прочія колонны стали приближаться къ остальнымъ тремъ, какъ французы въ довольно значительныхъ силахъ бросились изъ своихъ траншей и стремительно атаковали нашу позицію. У лѣваго ложемента закипѣлъ рукопашный бой; прочіе же ложементы были вмигъ заняты французами, которые

---

1) Французы заняли мѣстность передъ редутомъ Шварца черезъ 8 дней, а 4-й бастіонъ существовалъ до оставленія нами Севастеполя и даже 27-го августа не былъ атакованъ.

стали обращать эти ложементы противъ насъ, открывъ при этомъ сильнѣйшій ружейный огонь по колоннамъ Екатеринбургскаго полка, которыя бросились назадъ. Приказавъ маіору Хохлову держаться на лѣвомъ флангѣ, во что бы то ни стало, я не пустилъ отступавшія части въ редутъ, привелъ ихъ въ возможный порядокъ, подъ жестокимъ огненъ велѣлъ прекратить стрѣльбу (что сдѣлать было нелегко) и съ барабаннымъ боемъ двинулъ на занятые непріятелемъ ложементы.

Успокоенные отъ паническаго страха и ободренные екатеринбургцы, имѣя во головѣ офицеровъ и командира полка подполковника Бочинскаго, смѣло бросились впередъ и выбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ.

Передъ началомъ атаки я приказалъ одному изъ баталіоновъ Суздальскаго полка, назначенному для работъ. выйти изъ редута и стать въ резервѣ; оба Алексопольскіе баталіона еще не пришли на позицію. За ними посланъ былъ съ мѣста боя, находившійся при мнѣ, подполковникъ генеральнаго штаба Циммерманъ. По приводѣ этихъ баталіоновъ я расположилъ ихъ во второй линіи.

Французы пробовали вновь атаковать насъ, но будучи встрѣчены сильнымъ огнемъ баталіоновъ Екатеринбургскаго полка, занявшихъ уже мѣста свои по диспозиціи на линіи ложементовъ, вынуждены были окончательно отказаться отъ своего предпріятія. Вступя обратно въ свои траншеи, они открыли сильный, убійственный огонь. который не умолкалъ цѣлую ночь. Не смотря однакожъ на этотъ огонь и множество бросаемыхъ бомбъ, мы приступили къ работѣ и къ утру успѣли исправить и утолстить прежніе ложементы и насыпать два резервныхъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя въ эту ночь 350 человѣкъ. Къ общему сожалѣнію, въ числѣ раненыхъ были: подполковникъ Бочинскій и саперный капитанъ Ахбауеръ, ко-

торые вскорѣ умерли отъ ранъ. Непріятель понесъ большую потерю.

Начальникъ гарнизона, представляя меня къ наградѣ за это дѣло, выразился: «Генералъ Хрущовъ еще разъ ознаменовалъ наше оружіе блистательнымъ отраженіемъ непріятельскаго нападенія... (представленіе завалялось въ главномъ штабѣ, и награда не вышла).

Отдавая должную справедливость храбрости подполковника Бочинскаго и всѣхъ чиновъ командуемаго имъ Екатеринбургскаго полка, а также стойкости и мужеству баталіоновъ Алексопольскаго и Суздальскаго полковъ, въ донесеніи своемъ я съ особенной похвалой отозвался о подполковникѣ Циммерманѣ, штабсъ-капитанѣ Лавровѣ, Тидебелѣ и Ахбауерѣ, какъ о самыхъ дѣятельныхъ моихъ помощникахъ [1]).

17-го апрѣля главнокомандующій пригласилъ меня на обѣдъ и лично благодарилъ за исполненіе даннаго мнѣ порученія.

Построенные мною ложементы поступили въ вѣдѣніе начальника 1-го отдѣленія Зорина. Всѣ послѣдующія ночи занимались утолщеніемъ насыпей ложементовъ и соединеніемъ первой линіи со второю съ лѣвой стороны.

Съ 13-го по 19-ое апрѣля командовали прикрытіемъ, чередуясь между собой, командиры полковъ: Буссау, баронъ Дельвигъ, Гастфоръ, Дараганъ и Афанасьевъ, и все это время непріятель не безпокоилъ насъ.

Наконецъ 20-го числа французскій главнокомандующій, по настоянію Пелисье, приказалъ овладѣть нашими ложементами, во что бы то ни стало. Исполненіе поручено было генералу де-Салю.

Вечеромъ, когда войска были уже готовы, Канроберъ, сомнѣваясь въ успѣхѣ предпріятія, велѣлъ отмѣнить атаку,

---

[1]) Лавровъ—одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба—былъ убитъ черезъ нѣсколько дней.

но Пелисье отвѣтилъ, что теперь уже поздно отмѣнять распоряженіе и что онъ принимаетъ дѣло на свою отвѣтственность.

Съ нашей стороны въ эту ночь назначенъ былъ въ прикрытіе ложементовъ Углицкій полкъ, подъ командой подполковника Попова, для работъ же назначенъ одинъ баталіонъ Волынскаго полка.

Около полуночи французы двинулись на штурмъ тремя колоннами съ резервомъ. Средняя колонна—Деламотружа—прорвалась черезъ первый рядъ ложементовъ; въ тоже время какъ лѣвая—Базена—бросилась со стороны кладбища на правый ложементъ.

Наше прикрытіе застали врасплохъ, и командиръ Углицкаго полка въ моментъ атаки находился въ редутѣ. Полкъ почти безъ сопротивленія отступилъ, или вѣрнѣе сказать—бѣжалъ въ городъ. Бывшіе на работѣ волынцы, бросивъ лопаты, схватились за ружья; но не смотря на ихъ обычную храбрость, разумѣется, не могли удержать сильнаго напора превосходнаго непріятеля и понесли большую потерю.

Французы заняли обѣ линіи ложементовъ и тотчасъ же приступили къ обращенію ихъ противъ насъ и къ устройству ходовъ отъ 2-й параллели. Они работали подъ жестокимъ огнемъ съ нашихъ батарей. Съ разсвѣтомъ рабочіе были сняты, а въ прикрытіе ложементовъ оставлено $2^1|_2$ баталіона съ резервомъ во второй параллели.

Графъ Сакенъ, имѣя причины думать, что къ утру непріятель атакуетъ редутъ Шварца, приказалъ мнѣ во второмъ часу ночи принять начальство надъ лѣвымъ флангомъ 1-го отдѣленія. Не смотря на болѣзнь, я поѣхалъ на 5-й бастіонъ верхомъ, подъ градомъ бомбъ, ядеръ и пуль. Тамъ я нашелъ молодыхъ генераловъ, князя Васильчикова и Тотлебена, которые были въ большомъ смущеніи и тотчасъ же ушли. Спросивъ у Васильчикова, какими войсками

могу распорядиться въ случаѣ надобности, я пошелъ на редутъ Шварца, ободрилъ стоявшій тамъ баталіонъ Минскаго полка, вывелъ двѣ роты другаго баталіона правѣе редута и приказалъ имъ продолжать безпрерывный огонь, что и было исполнено. Французы не атаковали редутъ; я оставался на немъ до восхода солнца.

20-го числа, около двухъ часовъ пополудни, прибылъ на 5-й бастіонъ начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу, и при немъ была сдѣлана вылазка съ цѣлью выбить французовъ изъ ближайшихъ къ намъ ложементовъ. Послали 130 охотниковъ, а въ подкрѣпленіе къ нимъ два баталіона Владимірскаго и Волынскаго полковъ. Эта попытка, названная въ донесеніи рекогносцировкой, не имѣла успѣха.

Уронъ нашъ въ ночь и при вылазкѣ состоялъ изъ 293 убитыхъ [1]) и 555 раненыхъ [2]). Сверхъ того, французы овладѣли девятью маленькими кегорновыми мортирками, которыя наканунѣ были поставлены въ ложементы. Французы, по ихъ показаніямъ, потеряли также до 800 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 33 офицера.

Главнокомандующій хотѣлъ атаковать непріятеля на слѣдующую ночь значительными силами, но вечеромъ отмѣнилъ атаку.

Начальникомъ 1-го отдѣленія вмѣсто капитана 1-го ранга Зорина назначенъ генералъ-маіоръ Семякинъ, исправлявшій при князѣ Меньшиковѣ должность начальника штаба. Зоринъ остался на отдѣленіи завѣдующимъ артиллеріей. Такимъ образомъ послѣ 20-ти дней, проведенныхъ въ бою и работахъ, французы могли приступить къ заложенію 3-й параллели передъ лѣвымъ флангомъ 1-го отдѣленія, ибо занятые ими наши ложементы и траншеи на-

1) Въ томъ числѣ 10 офицеровъ.
2) Въ томъ числѣ 15 офицеровъ.

ходились наравнѣ съ 3-ю параллелью, выведенною противъ 4-го бастіона.

Приближеніе французовъ къ 4-му бастіону сопровождалось другимъ образомъ дѣйствій. Еще зимою они вывели изъ 3-й параллели минныя галлереи, имѣя въ виду образовать взрывами родъ воронокъ и обратить ихъ въ ложементы.

Наши минеры вывели также галлереи отъ баттареи Костомарова (передъ лѣвымъ флангомъ 4-го бастіона) и 26-го марта услышали работу непріятельскаго минера въ разстояніи отъ 30 до 40 шаговъ. Тогда повели рукава, чтобы приблизиться къ непріятелю и предупредить взрывъ его мины. 3-го апрѣля французы взорвали пять горновъ, по 18 пудовъ въ каждомъ пороху. Отъ этихъ взрывовъ образовались воронки въ діаметрѣ до 40, а въ глубину до 12 футъ. Но такъ какъ воронки эти не составляли одного углубленія по всей линіи, то французы соединили ихъ для образованія 4-й параллели.

Съ этого времени успѣхи французовъ были остановлены нашими минерами энергическимъ веденіемъ подземной войны.

Въ концѣ апрѣля вице-адмиралъ Новосильскій уѣхалъ по болѣзни въ Николаевъ; вмѣсто его принялъ 2-е отдѣленіе ген.-маіоръ Баумгартенъ. Въ это время и въ началѣ мая была сильная перестрѣлка, особенно по ночамъ, и непріятель основательно утвердился въ отнятыхъ имъ у насъ ложементахъ.

Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, главнокомандующій полагалъ, что непріятель сдѣлаетъ высадку между Евпаторіей и устьемъ р. Качи, а потому приказалъ генералу Липранди при первомъ извѣстіи объ этомъ быть готовымъ къ выступленію. Для командованія же Инкерманскою позиціею, въ случаѣ ухода съ оной Липранди, главнокомандующій назначилъ меня, о чемъ лично отдалъ мнѣ

приказаніе 23-го апрѣля и послалъ меня на Инкерманскія высоты, чтобы заблаговременно познакомиться съ позиціей и быть готовымъ. По этому случаю я пробылъ въ отрядѣ Липранди съ 23-го апрѣля по 8-е мая и сблизился съ этимъ генераломъ.

Около этого же времени была мысль въ главной квартирѣ атаковать непріятеля на рѣкѣ Черной. Бутурлинъ доказывалъ возможность сбить непріятеля съ Сапунъ-горы, но онъ ошибался. Предположеніе его не состоялось, кажется, по настоянію Липранди.

XII.

(Назначеніе Пелисье главнокомандующимъ союзныхъ войскъ; прибытіе сардинцевъ и составъ союзныхъ войскъ въ маѣ.—Распредѣленіе и численность нашихъ войскъ.—Построеніе контръ-апрошей противъ 5 и 6 бастіоновъ и оставленіе ихъ).

Канроберъ былъ уволенъ по прошенію отъ командованія арміей въ послѣднихъ числахъ апрѣля, и вмѣсто его назначенъ Пелисье, человѣкъ энергическій и рѣшительный, хотя ему было за 60 лѣтъ отъ роду. Канроберъ остался при своей дивизіи, а вскорѣ и совсѣмъ оставилъ армію.

Къ началу мая союзники получили значительныя подкрѣпленія, а 30-го апрѣля высадился сверхъ того въ Балаклавѣ сардинскій корпусъ подъ командой генерала Ламарморы.

Вотъ составъ союзныхъ войскъ въ маѣ 1855 года.

Французская армія. Въ первомъ корпусѣ генерала де-Саля—пѣхотныя дивизіи: де'Отмара, Левальяна, Пате и Буя; кавалерійская дивизія Мориса. Всего 38 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 78 орудій.

Во второмъ корпусѣ генерала Боске пѣхотныя дивизіи: Канробера, Каму, Майрана, Дюлака и Брюне; кавалерійская диризія д'Алонвиля. Всего 50 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 96 орудій

Въ резервномъ корпусѣ генерала Реньо де-Сентъ Анжели пѣхотныя дивизіи: Гербильона, д'Ореля, гвардейская Мелине и резервная кавалерійская. Всего 32 батальона, 8 эскадроновъ и 66 орудій.

Итого во французской арміи: 120 баталіоновъ, 40 эскадроновъ и 240 орудій.

Англійская армія. Пѣхотныя дивизіи: Колина Кемпбеля и Броуна; кавалерійская дивизія Скерлета. Итого 43 баталіона, 24 эскадрона и 60 орудій.

Сардинскій корпусъ: 25 баталіоновъ, 4 эскадрона и 36 орудій.

Турецкій корпусъ состоялъ изъ 4-хъ дивизій.

Всего числомъ: французовъ до 100 тысячъ, англичанъ до 32 тысячъ, сардинцевъ до 14½ тысячъ, а турокъ до 28 тысячъ. Слѣдовательно, у союзниковъ было приблизительно до 175 тысячъ человѣкъ съ 336 орудіями (въ числѣ войскъ кавалеріи до 10 тысячъ).

Мы также получили значительныя подкрѣпленія, именно: въ апрѣлѣ 10-ая и 11-ая дивизіи укомплектовались резервными баталіонами и прибыли вновь: въ началѣ апрѣля 8-ая пѣхотная дивизія, около 15-го числа 2-ая бригада 14-ой, 6-ая и 9-ая дивизіи.

Въ концѣ мая наши войска были размѣщены слѣдующимъ образомъ.

А) *Въ Севастополѣ.*

6-ой пѣхотной дивизіи Муромскій полкъ . . . . . . 4 батал. на 5-мъ, а послѣ на 1-мъ отдѣленіи.

8-ой пѣхотной дивизіи (князя Урусова) всѣ четыре полка . . . . 16 батальоновъ на 4-мъ отдѣленіи.

9-ой пѣх. дивизіи (г.-лейт.

Лысенко) всѣ четыре полка .	16 батал. на Корабельной и преимущественно на 3-мъ отдѣленіи.
10-ой пѣх. дивизіи (г.-лейт. Семякина) всѣ четыре полка .	12 батал. на 2-мъ отдѣленіи.
11-ой пѣх. дивизіи (г.-лейт. Павлова) всѣ четыре полка[1]) .	8 батал. на Корабельной.
14-ой пѣх. дивизіи (г.-лейт. Моллера) всѣ четыре полка .	11 батал. на 1-мъ отдѣл.
16-ой пѣх. дивизіи (г.-лейт. Жабокрицкаго, а потомъ Ренненкампфа)	
Владимірскій и Суздальскій полки	4 батал. сначала на 1-мъ отдѣл., а потомъ на Корабельной.
Казанскій и Углицкій полки	4 батал. на 1-мъ отдѣленіи.
14-ой дивизіи резервная бригада	2 батал. на 3-мъ отдѣленіи.
13-ой дивизіи резервная бригада	3 батал. на 1-мъ отдѣленіи.
Стрѣлковый баталіонъ и $2^1/_2$ бат. саперныхъ	$3^1/_2$ бат. на всѣхъ отдѣлен.
	Итого $83^1/_2$ бат. и 26 полев. орудій.

В) *Въ окрестностяхъ Севастополя.*

6-ой пѣхот. дивизіи (г.-лейт. Бельгарда) три полка .	12 бат. въ Орта-Каралезѣ.
12-ой дивизіи (г.-лейт. Липранди) четыре полка . . .	16 бат. на Инкерманской позиціи.

---

[1]) Нѣкоторые полки по случаю потерь были переформированы изъ четырехъ-баталіоннаго въ трехъ и двухъ-баталіонные составы.

17-ой дивизіи (ген.-лейт. Веселитскаго) три полка . . 12 бат. на Мекензіевой горѣ.

Бородинскій полкъ . . . 4 бат. на Чоргунской позиціи.

Изъ резервной бригады 13-й дивизіи . . . . 1 бат. на сѣвер. стор. Севастополя.

Резервный егерскій полкъ 17-ой дивизіи . . . . 4 батальопа.

6-ой легкой кавалер. дивизіи гусарскій ген. Холецкаго полкъ . . . . 8 эскадроновъ около Шули.

2-ой драгунскій дивиз. три полка . . . . 30 эскадроновъ.

Казачьихъ уральскаго № 2 и донскаго полковъ . . . . 40 сотенъ.

Итого 46 баталіоновъ, 38 эскадроновъ, 40 сотенъ казаковъ и 330 орудій.

C) *Въ окрестностяхъ Евпаторіи.*

Резервной уланской дивизіи (ген.-лейт. Корфа) три полка; 1-ой драгунской дивизіи ген.-лейт. барона Врангеля три полка; донскихъ казаковъ три полка и уральскихъ одинъ полкъ. Всего 54 эскадрона, 24 сотни казаковъ и 40 орудій.

D) *На Керченскомъ полуостровѣ.*

Полки: гусарскій (ген. Бутовича), уланскій, драгунскій, сводные резервные: уланскій и гусарскій, 6 сотенъ казаковъ и пять черноморскихъ баталіоновъ. Всего 5 баталіоновъ, 39 эскадроновъ, 6 сотенъ казаковъ и 28 орудій.

E) *Въ Перекопѣ и окрестностяхъ.*

7-ой пѣх. дивизіи (г.-лейт. Ушакова четыре полка . . 16 баталіоновъ.

Два донскихъ полка . . . 12 сотенъ.
Резервный пѣхот. полкъ
17-ой дивизіи . . . . 4 баталіона.

Всего 20 баталіоновъ, 12 сотенъ и 32 орудія. Итого на Крымскомъ полуостровѣ: 156 баталіоновъ, 131 эскадронъ, 87 сотенъ казаковъ и 492 орудія, что составитъ съ флотскими экипажами и пѣхоты до 140 тысячъ и кавалеріи до 22 тысячъ.

Тотлебенъ, не смотря на неудачный исходъ построенія ложементовъ передъ редутомъ Шварца, упорно поддерживалъ свою идею о необходимости контръ-апрошныхъ работъ передъ нашими верками. Такимъ образомъ, не взирая на противорѣчіе многихъ, въ томъ числѣ начальника 1-го отдѣленія, Семякина, рѣшено было занять возвышенную мѣстность противъ 5-го и 6-го бастіоновъ, т.-е. передъ кладбищемъ, вывести тамъ траншеи и послѣ овладѣть работами, отнятыми у насъ въ ночь на 20-ое апрѣля.

Для приведенія въ исполненіе предложеній Тотлебена назначили 5-го мая генерала Хрулева начальникомъ правой половины оборонительной линіи, т.-е. первыхъ двухъ отдѣленій. На Корабельной же остался за старшаго князь Урусовъ.

Хрулевъ на осмотрѣ 1-го и 2-го отдѣленій, желая сдѣлать угодное кому-нибудь, или, можетъ быть, по собственному, личному убѣжденію, написалъ 7-го числа письмо князю Васильчикову, въ которомъ, доказывая необходимость удалить непріятельскія работы отъ 1-го отдѣленія, присовокупилъ: «Когда все это будетъ сдѣлано, тогда мы оживемъ новою жизнью, а въ противномъ случаѣ погибнутъ 4-ый и 5-ый бастіоны, а потому испросите на приведеніе въ исполненіе милостиваго разрѣшенія Его С-а Дмитрія Ерофеича (начальника гарнизона); время не терпитъ отлагательства».

Надобно замѣтить, что хотя задуманное предпріятіе

построенія ложементовъ передъ 5-мъ и 4-мъ бастіонами не увѣнчалось успѣхомъ, но отъ этого 4-ый и 5-ый бастіоны не погибли и оставались въ нашихъ рукахъ до оставленія нами Севастополя, причемъ 5-ый бастіонъ отбилъ штурмъ 27-го августа, 4-ый же французы вовсе не рѣшились атаковать.

Хрулевъ 7-го или 8-го мая, узнавъ отъ Циммермана, что я былъ противнаго мнѣнія съ Тотлебеномъ относительно пользы контръ-апрошныхъ работъ и что я высказалъ начальнику гарнизона, спросилъ у Шейдемана, справедливо-ли все это. Шейдеманъ отвѣтилъ, что у начальника гарнизона я возражалъ только противъ начертанія ложементовъ, а не противъ системы оныхъ. Извѣстно, что Шейдеманъ никогда не затруднялся отвѣтомъ.

Передъ правымъ флангомъ 1-го отдѣленія мы имѣли четыре небольшіе ложемента для секретовъ. Въ ночь на 10-ое мая соединили ихъ траншеей и продолжали ее влѣво до высоты, за которою находится кладбище, а потомъ черезъ лощину до люнета Бѣлкина. Эта работа произведена была разомъ на всемъ пространствѣ; но по причинѣ каменистаго грунта не было возможности достаточно углубить траншею. Передъ разсвѣтомъ рабочихъ убрали, а контръ-апроши заняли стрѣлками.

Днемъ 10-го числа непріятель производилъ сильную канонаду и ружейный огонь. На ночь для продолженія начатыхъ работъ и для прикрытія назначены были полки: Орловскій, Подольскій и Житомирскій. Къ вечеру 10-го числа эти войска собрались: четыре Подольскихъ баталіона у люнета Бѣлкина, три Орловскихъ у батареи Будакова и полуказемата 6-го бастіона, одинъ того же полка и два Житомирскихъ съ двумя горными единорогами у воротъ 6-го бастіона.

Съ своей стороны Пелисье, сознавая опасность этой огромной и искусственно затаенной работы (собственное

его выраженіе въ донесеніи), поручилъ де-Салю овладѣть нашими траншеями и обратить ихъ противъ нашихъ верковъ. Для сего было назначено болѣе десяти баталіоновъ, съ резервомъ пяти или шести баталіоновъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Пате, а колоннами командовали Бери и Деламотружъ.

Около 9½ часовъ вечера непріятель открылъ сильнѣйшій огонь со всѣхъ батарей и вслѣдъ затѣмъ сталъ выводить войска изъ своихъ траншей, о чемъ дали знать наши секреты.

Наши колонны тотчасъ же двинуты на указанныя имъ мѣста, но французы предупредили, занявъ часть траншеи. Наши войска, послѣ рукопашнаго боя, оттѣснили французовъ, которые возобновили атаку съ гораздо большимъ числомъ войскъ; бой завязался по всему протяженію траншеи, которая нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Такъ продолжалось до 1-го часу ночи. Для поддержанія значительно ослабѣвшихъ егерскихъ полковъ, Хрулевъ выдвинулъ на правый флангъ семь ротъ Углицкаго полка, а на лѣвый флангъ два баталіона Минскаго. Бой закипѣлъ снова съ большими усиліями; патроны подносили къ сражающимся.

Въ три часа утра Хрулевъ приказалъ отступить войскамъ, а оставшіеся за нами ложементы на правомъ флангѣ занять стрѣлками.

Мы лишились выбывшими изъ строя: 1 генерала, 74 офицеровъ, 2,739 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ убитыхъ были командиръ 2-ой бригады 9-ой дивизіи ген.-маіоръ Адлербергъ и командиръ 3-го сапернаго баталіона полковникъ Зацѣпинъ [1]).

---

[1]) Описаніе этого дѣла взято мною изъ рапорта Семякина къ Хрулеву за № 2223. Въ этомъ донесеніи, между прочимъ, сказано, что полки до отступленія удержали за собою всю свою линію. Хрулевъ сдѣлалъ слѣдующую надпись на рапортѣ Семякина: «Рапортъ сей имѣю честь представить его сіятельству начальнику гарнизона, причемъ считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что войска

Очевидцы говорятъ, что въ ночь съ 10-го на 11-ое мая наши офицеры и солдаты дрались храбро, но былъ большой безпорядокъ. Большую часть ночи Хрулевъ и другія лица находились въ блиндажѣ начальника 1-го отдѣленія (лѣвѣе 6-го бастіона). Этотъ блиндажъ наполненъ былъ штабными офицерами, пришедшими изъ главной квартиры за полученіемъ наградъ [1]).

Главнокомандующій убѣдился въ невозможности вести и удерживать контръ-апроши, а потому приказалъ занять въ слѣдующую ночь оставшіяся въ нашихъ рукахъ работы только двумъ баталіонамъ Житомирскаго полка, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ атаки отозвать ихъ.

Непріятель, дѣйствительно, возобновилъ нападеніе подъ общей командой Левальяна: генералу Кустону поручено было съ четырьмя баталіонами удерживать на лѣвомъ

наши, воодушевляемыя частными начальниками, дрались съ примѣрнымъ мужествомъ и стойкостью, не смотря на преимущество непріятеля, опередившаго насъ занятіемъ траншей, не смотря на превосходство его силъ и на то, что на этомъ пунктѣ были сосредоточены отборныя гвардейскія войска союзниковъ,— русскій штыкъ остался побѣдоноснымъ (!!). Отдавая должную справедливость всѣмъ частнымъ начальникамъ, я считаю долгомъ донести вашему сіятельству, что удачный (!!) исходъ этого дѣла дожно отнести къ особой распорядительности ген.-маіора Семякина (а онъ, не раздѣляя мнѣній Тотлебена и Хрулева, исполнилъ только то, что ему приказывали); кромѣ того, много способствовали успѣху ген.-маіоры князь Васильчиковъ и Тотлебенъ, помогавшіе мнѣ своими распоряженіями по обширной линіи боя». (Далѣе рекомендуетъ подполковника Ростовцева, полковника Гарднера и маіора Романовича). Въ заключеніе говоритъ: «Потеря непріятеля, вѣроятно, не менѣе нашей, моральное же настроеніе во всякомъ случаѣ должно сильно пострадать».

Вотъ образчикъ донесенія Хрулева о дѣлахъ, бывшихъ подъ его начальствомъ.

Графъ Сакенъ написалъ на рапортѣ собственноручно только: «Честь имѣю представить его сіятельству, господину главнокомандующему».

[1]) Начальникъ гарнизона поставилъ на видъ Семякину, барону Дельвигу и Зорину, что они позволили себѣ гласно высказывать свои мнѣнія на счетъ неосновательныхъ дѣйствій Тотлебена, одобренныхъ высшимъ начальствомъ. Въ оправданіе Тотлебена можно сказать то, что онъ дѣйствовалъ по твердому убѣжденію въ пользѣ своихъ предположеній, о другихъ же этого сказать было нельзя.

флангѣ отбитую у насъ наканунѣ траншею, а генералу Дювалю съ шестью баталіонами овладѣть прикрытіемъ изъ туровъ противъ кладбища.

Лишь только непріятельскія колонны двинулись, житомирцы отошли къ бастіонамъ, откуда произведена была сильная пальба по французскимъ войскамъ.

Такъ кончилось это безразсудное предпріятіе, стоившее намъ очень дорого: въ двѣ ночи выбыло изъ строя 3,400 человѣкъ. Болѣе всѣхъ пострадалъ Орловскій князя Варшавскаго полкъ.

XIII.

(Занятіе непріятелемъ лѣваго берега Черной рѣчки 13 мая).

Сказано выше, что для встрѣчи непріятеля, если бы онъ сталъ дѣйствовать отъ Черной рѣчки и Байдарской долины, назнались войска: на Инкерманской позиціи 12-ая пѣхотная дивизія генерала Липранди, на Мекензіевой горѣ три полка 17-ой дивизіи генерала Веселитскаго съ княземъ П. Д. Горчаковымъ; въ Королезскомъ ущельѣ три полка 6-й дивизіи съ генераломъ Бельгардомъ и наконецъ Чоргунскій отрядъ. Послѣдній отрядъ, которымъ командовалъ ген. Жабокрицкій, состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ Бородинскаго полка (17-ой дивизіи), роты стрѣлковъ Греческаго легіона (князя Мурзи), 2-хъ гусарскихъ эскадроновъ казачьяго полка (Ѳомина) и 4-хъ батарейныхъ орудій. Онъ могъ считаться передовымъ отрядомъ относительно войскъ, расположенныхъ на Мекензіевой горѣ и въ Королезскомъ ущельи. Подъ начальствомъ же Жабокрицкаго состоялъ и казачій полкъ Золотарева, охранявшій Байдарскую долину. Расположенъ былъ этотъ отрядъ слѣдующимъ образомъ: 1-ый баталіонъ за деревней Чоргунъ, прикрываясь цѣпью по рѣчкѣ Черной, протекавшей передъ селеніемъ; 2-ой баталіонъ правѣе Телеграфной горы, въ недальнемъ разстояніи отъ каменнаго моста; 3-ій баталіонъ на скатѣ Те

леграфной горы и 4-ый баталіонъ съ Греческимъ легіономъ у деревни Карловки. Дивизіонъ артиллеріи былъ расположенъ на такъ называемой Артиллерійской горѣ, около которой проходятъ дороги изъ Чоргуна на Мекензію и деревню Шулю.

Казачьи аванпосты занимали холмы на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ были прежде турецкіе редуты. Аванпостами командовалъ гусарскій полковникъ Бонтанъ. Ясно, что Чоргунскій отрядъ былъ въ фальшивомъ положеніи по отдаленности его отъ главныхъ силъ, стоявшихъ на Мекензіи и въ Королезскомъ ущельи, такъ какъ отрядъ не могъ по своей малочисленности удерживать позиціи при нападеніи непріятеля въ значительныхъ силахъ. Это предвидѣлось, и потому ему на этотъ случай приказано было отступать по дорогѣ въ Королезское ущелье, хотя онъ могъ при отступленіи погибнуть безъ всякой пользы.

На столь важной позиціи слѣдовало имѣть не менѣе 20 баталіоновъ пѣхоты и сильный отрядъ кавалеріи, и, разумѣется, въ этомъ случаѣ Гастфора гора должна бы быть нами занята и укрѣплена. Если же не находили возможнымъ отдѣлить въ Чоргунъ столько войска, то не слѣдовало оставлять тамъ слабаго отряда, а наблюдать позицію только одними казаками. Таково было мнѣніе всѣхъ хорошо знавшихъ Чоргунскую позицію; но къ сожалѣнію, въ то время все дѣлалось какъ-то на авось, безъ опредѣленной цѣли.

Обвиняли князя Меньшикова и П. Д. Горчакова, что они отвели войска съ лѣваго берега Черной рѣчки; но вѣдь эта ошибка могла быть исправлена новымъ главнокомандующимъ, кн. М. Д, Горчаковымъ, ибо до 13-го мая на лѣвомъ берегу Черной рѣчки находились наши аванпосты, и съ приходомъ къ намъ въ апрѣлѣ сильныхъ аванпостовъ главнокомандующій могъ безъ за-

трудненія поставить дивизію пѣхоты и дивизію кавалеріи у деревни Чоргунъ, на обоихъ берегахъ рѣчки Черной. И въ этомъ случаѣ на позиціяхъ Мекензіевой и Королезскаго ущелья было бы совершенно достаточно оставить по одному полку пѣхоты.

8-го мая главнокомандующій, проѣзжая съ Мекензіевой горы черезъ Инкерманскую позицію, приказалъ мнѣ немедленно принять Чоргунскій отрядъ отъ Жабокрицкаго [1]), и я, получивъ наставленіе отъ командира 6-го корпуса, вступилъ въ командованіе отрядомъ. Мнѣ было приказано, въ слачаѣ нападенія непріятеля въ значительныхъ силахъ, отступить сначала къ Мокрой луговинѣ, потомъ за деревню Шулю и наконецъ въ Королезское ущелье.

Союзники же, съ прибытіемъ подкрѣпленій, нашли возможнымъ отдѣлить часть войскъ для занятія Байдарской долины и лѣваго берега рѣки Черной, дабы пользоваться водой изъ рѣчки и имѣть траву и лѣсъ. И потому союзныя войска передъ разсвѣтомъ 13-го мая направились отъ Сопунъ-горы и селенія Кадыкіой тремя колоннами: *правая*, въ числѣ 2-хъ тысячъ англичанъ, подъ начальствомъ Колинъ-Кемпбеля по большой дорогѣ, ведущей въ Байдарскую долину; *средняя*, состоявшая изъ Пьемонтской дивизіи, съ двумя англійскими кавалерійскими полками, въ числѣ 7 тысячъ, подъ общей командой Ламарморы, направилась черезъ Комары въ Байдарскую же долину, и наконецъ, *лѣвая* колонна, состоявшая изъ французскихъ пѣхотныхъ дивизій Канробера и Брюно, кавалерійскихъ дивизій Мориса и д'Алонвиля и трехъ турецкихъ дивизій Омеръ-паши, всего въ числѣ 38 тысячъ человѣкъ, направилась по обѣимъ сторонамъ Симферопольской дороги. Слѣдовательно, наступавшія противъ отряда войска были численностью вообще 47 тысячъ человѣкъ.

---

[1]) Жабокрицкимъ былъ князь за что-то недоволенъ и вообще не довѣрялъ ему.

Двѣ первыя колонны перешли рѣчку Варлутку, оттѣснили казачьи аванпосты и возвратились на высоты у селенія Комары.

Войска же лѣвой колонны съ разсвѣтомъ 13-го числа атаковали Чоргунскую позицію съ праваго фланга: сначала кавалерія, въ числѣ 12 эскадроновъ, съ конною артиллеріей на рысяхъ, перешли каменный мостъ и направились по Мекензіевской дорогѣ въ обходъ Телеграфной горы. Встрѣченная тамъ полковникомъ Бонтономъ съ нашей кавалеріей [1]), которая, не смотря на свою малочисленность, выдержала атаку, непріятельская кавалерія повернула свои эскадроны противъ 2-го баталіона Бородинскаго полка, выстроившагося въ ротное каре и встрѣтившаго непріятельскую атаку баталіоннымъ огнемъ. Баталіонъ, продолжая отстрѣливаться, началъ отступать на Телеграфную гору.

Затѣмъ, какъ этотъ баталіонъ, такъ и остальные переведены мною на Артиллерійскую гору, гдѣ стоялъ артиллерійскій дивизіонъ; но едва мы заняли эту позицію, какъ непріятельская кавалерія и часть легкой пѣхоты взошли на Телеграфную гору и открыли оттуда ружейный и артиллерійскій огонь.

Видя, что непріятель въ большихъ массахъ двигается по всѣмъ направленіямъ долины лѣваго берега рѣчки Черной, и что часть пѣхоты перешла за кавалеріей на правый берегъ, я приказалъ отряду послѣ непродолжительной перестрѣлки начать отступленіе по Шулинской дорогѣ, согласно данной мнѣ инструкціи, и занялъ позицію на Мокрой луговинѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Чоргуна. Непріятель не преслѣдовалъ.

Мы потеряли убитыми и ранеными до 20-ти человѣкъ и нѣсколько артельныхъ лошадей съ повозками 2-го баталіона [1]).

---

1) Одинъ гусарскій эскадронъ и двѣ сотни казаковъ.

Съ этого времени весь лѣвый берегъ Черной рѣчки остался въ рукахъ непріятеля. Въ долинѣ расположилось до 40 тысячъ войска всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Наши аванпосты были выдвинуты до дер. Чоргуна и казачій постъ находился постоянно днемъ на Телеграфной горѣ до 5-го іюля.

Около 20-го мая главнокомандующій съ начальникомъ главнаго штаба и генералъ-квартирмейстеромъ пріѣзжалъ въ Королезъ и потребовалъ меня къ себѣ. Князь приказалъ, чтобы я, въ случаѣ натиска непріятеля, отступилъ не черезъ Королезское ущелье, какъ предполагалось по прежней диспозиціи, а мимо горы Мангутъ. Это распоряженіе было сдѣлано по просьбѣ ген.-лейтенанта Бельгарда, полагавшаго, что непріятель могъ на моихъ плечахъ проникнуть къ нему на позицію въ ущельи.

Около того же времени былъ присланъ въ Шулю генералъ-маіоръ Халецкій съ остальными эскадронами своего полка для ночныхъ развѣдовъ по правому берегу рѣчки Черной.

22-го мая непріятель произвелъ усиленную рекогносцировку съ пѣхотою и кавалеріей черезъ Байдарскую долину до селенія Уркустье. Тогда я получилъ приказаніе изъ главной квартиры, что если на другой день непріятель станетъ наступать отъ селенія Уркустье къ Айтадору и Узенбашику, то мнѣ начать отступленіе къ позиціи на Мокрой луговинѣ не ранѣе какъ послѣ того, какъ непріятель перейдетъ черезъ перевалъ. Непріятель не наступалъ и ночью очистилъ Байдарскую долину. Но если бы онъ вздумалъ предпринять вышесказанное движеніе, то мой отрядъ могъ бы быть отрѣзанъ, ибо разстояніе отъ перевала до входа въ Королезское ущелье гораздо

---

[1]) Въ донесеніи французскаго главнокомандующаго объ этомъ дѣлѣ сказано просто, что русскій малочисленный отрядъ отступилъ за Чоргунъ.

короче, чѣмъ отъ Мокрой луговины до этаго ущелья. Къ тому же надобно было предполагать, что во время наступленія непріятеля черезъ перевалъ моему отряду пришлось бы выдержать атаку и съ фронта отъ Чоргуна, что еще болѣе задержало бы меня на позиціи.

Таковы были распоряженія и нашей главной квартиры[1]).

Отъ постоянаго бдѣнія и сильныхъ жаровъ я занемогъ и съ разрѣшенія главнокомандующаго поѣхалъ на Бельбекъ 27-го мая. Чоргунскій отрядъ принялъ отъ меня генералъ-лейтенантъ Бельгардъ, который 5-го іюля, при появленіи передъ нимъ небольшаго отряда сардинцевъ, бросилъ позицію на Мокрой луговинѣ и отошелъ произвольно въ Королезское ущелье.

Такимъ образомъ Чоргунскій отрядъ упразднился. По выздоровленіи моемъ, 8-го іюля главнокомандующій приказалъ мнѣ отправиться въ Севастополь, такъ что мое отсутствіе изъ Севастополя продолжалось шесть недѣль съ 23-го апрѣля и по 8-ое іюня.

XIV.

(Занятіе непріятелемъ Керчи и Азовскаго моря.—Отнятіе у насъ Волынскаго, Селенгинскаго и Камчатскаго редутовъ 26 мая).

Одновременно съ занятіемъ лѣваго берега Черной рѣчки союзники предприняли экспедицію къ Азовскому морю. Для этого былъ назначенъ корпусъ численностью въ 15,000 человѣкъ[1]), съ 5-ю батареями, подъ начальствомъ генерала Броука. Экспедиціонная эскадра подъ командой Брюа и Лайноса отплыла 11-го мая и на другой же день по-

---

[1]) Надо замѣтить, что во все время, пока я стоялъ на Мокрой луговинѣ, не пріѣзжали къ отряду ни главнокомандующій, ни Коцебу, ни Бутурлинъ. Полагаю, что они знали мѣстность по плохимъ картамъ.

[1]) 7,000 французовъ, 3,000 англичанъ и 5,000 турокъ.

явилась въ Керченскомъ проливѣ. Войска высадились у селенія Камышъ-Бурунъ, и шесть баталіоновъ двинулись немедленно на Павловскую батарею съ тыла; незначительный гарнизонъ успѣлъ лишь заклепать орудія, истребить военные запасы и отойти къ селенію Султановкѣ. Затѣмъ нѣсколько пароходовъ устремились въ Керченскую бухту.

Командующій войсками въ восточной части Крыма, генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель, не будучи въ силахъ противодѣйствовать непріятелю, приказалъ уничтожить въ Керчи склады провіанта и фуража и сжечь пароходы: одинъ военный и два частныхъ. Гарнизонъ Керчи отступилъ, затѣмъ, къ Султановкѣ. Керчь-Еникальское укрѣпленіе производило до вечера огонь по непріятельскимъ пароходамъ, а ночью гарнизонъ его, заклепавъ орудія и все уничтоживъ, отступилъ вдоль горнаго берега Азовскаго моря.

13-го мая Врангель собралъ свои войска у Арчика, гдѣ должны были присоединиться къ нему направленные изъ Симферополя полки: Веймарскій гусарскій и Гессенскій драгунскій, съ конной батареей. Непріятель въ тотъ же день занялъ Керчь и Гинкаль, гдѣ все предано было грабежу и опустошенію.

15-го мая союзная эскадра явилась передъ Бердянскомъ, гдѣ сожгла два дома, каботажныя суда и большой запасъ пшеницы. Оттуда эскадра отправилась къ Геничевску, гдѣ флигель-адъютантъ князь Лобановъ-Ростовскій заблаговременно ввелъ въ Сивашъ до 150 судовъ и заградилъ ими проливъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Непріятелю удалось сжечь нѣсколько судовъ хлѣба и казеннаго лѣсу, затѣмъ картечь нашихъ двухъ полевыхъ орудій заставила суда удалиться [1]).

---

[1]) Для защиты Чонгарскаго моста и для прикрытія запасовъ въ селѣ Ярoимкѣ направлены были 2-ой и 8-ой черноморскіе казачьи батальоны, шедшіе изъ Севастополя на родину, и сводный уланскій полкъ, съ дивизіономъ артиллеріи.

Потомъ союзники опустошили прибрежные пункты на Азовскомъ морѣ и 22-го мая сожгли Таганрогъ, но десантъ ихъ, въ числѣ до 3,000, былъ отброшенъ ротой гарнизоннаго батальона подъ командой отставного подполковника Македонскаго.

По взятіи нашихъ контръ-апрошей передъ 5-мъ и 6-мъ бастіонами французы продолжали вести подступы и по временамъ возобновляли сильную канонаду противъ правой половины оборонительной линіи.

На мѣстности передъ редутами за Киленъ-балкой они устроили 2-ю параллель и стали поражать продольными и затыльными выстрѣлами нашихъ стрѣлковъ, укрывавшихся въ ровикахъ впереди Камчатскаго люнета.

Это заставило насъ оставить ровики и устроить батарею лѣвѣе Камчатки. Тогда французы заняли сказанные ровики и соединили ихъ съ 3-ею параллелью у подошвы Mamelon vert, въ 300-хъ шагахъ отъ построеннаго на немъ Камчатскаго люнета.

Противъ 3-го бастіона англичане удержали за собой взятые у насъ ложементы, но не могли овладѣть каменоломнею, гдѣ продолжали находиться наши стрѣлки.

Какъ только мы замѣтили, что французы продолжили 2-ю параллель до Саперной дороги, то устроили семь новыхъ ложементовъ для стрѣлковъ, дабы преградить подступы къ Селенгинскому редуту, и сдѣлали траншеи для сообщенія съ Волынскимъ редутомъ.

22 мая непріятель приступилъ къ сооруженію батарей въ новыхъ траншеяхъ и къ 24-му числу окончилъ ихъ.

Такъ какъ, по мнѣнію Ніеля и самого Пелисье, главная атака должна быть ведена на ключь позиціи—Малаховъ курганъ, то на совѣтѣ союзныхъ главнокомандующихъ рѣшено было взять одновременно наши передовые редуты для того, чтобы можно было вести безпрепятственно подступы къ кургану. Вслѣдствіе этого 25-го мая, въ 3 часа

пополудни, открыта была сильная канонада по всей линіи, которая продолжалась и весь слѣдующій день.

Овладѣніе Волынскимъ, Селенгинскимъ и Камчатскимъ редутами возложено было на Боске. Для атаки назначены четыре французскія дивизіи и къ нимъ въ резервъ турецкая дивизія Османъ-паши. Англійскому же отряду, подъ командой полковника Ширлея, приказано было взять завалы каменоломни передъ 3-мъ бастіономъ. Всего для штурма назначено было войскъ 40,000 человѣкъ.

26-го мая, по сигналу съ батарей Викторія, 3-я французская дивизія Мейрана атаковала Волынскій и Селенгинскій редуты; за нею слѣдовала въ резервѣ 4-я дивизія Дюлака. Часть этихъ войскъ прошла по водопроводу отъ Троицкой балки и бросилась въ тылъ нашимъ редутамъ, которые имѣли весьма слабый гарнизонъ, состоявшій изъ Муромскаго полка. Французы легко овладѣли обоими редутами, потому что Муромцы плохо защищались и, кажется, ихъ застали въ расплохъ; но Забалканская батарея держалась до утра.

Одновременно съ атакой Мейрана бригада дивизіи Каму бросилась тремя колоннами на Камчатскій люнетъ. Командиръ средней колонны, полковникъ Брансіонъ, съ своимъ 50-мъ полкомъ ворвался въ укрѣпленіе; въ то же время двѣ крайнія колонны атаковали люнетъ съ обоихъ фланговъ. Гарнизонъ Камчатки сталъ отступать къ Малахову кургану. Французы бросились за нимъ, но были остановлены картечнымъ огнемъ, причемъ понесли огромный уронъ.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, наши войска перешли въ наступленіе и снова ворвались въ люнетъ. Тогда Каму двинулъ другую бригаду, стоявшую въ Даковой балкѣ; а Боске подкрѣпилъ отбитыя войска дивизіей Брюне. Наши принуждены были снова оставить люнетъ и отступили за главные верки.

По взятіи французами Камчатскаго люнета англичане

атаковали каменоломню, гдѣ стрѣлкамъ уже нельзя было держаться, такъ какъ ихъ поражали во флангъ и тылъ съ только что взятаго французами люнета; поэтому каменоломня была немедленно оставлена.

У насъ выбыло изъ строя до 2,500 человѣкъ. Согласно реляціямъ, союзники потеряли 3,500 человѣкъ и взято нашими войсками въ плѣнъ 7 офицеровъ и 268 нижнихъ чиновъ, и кромѣ того захвачено одно горное орудіе.

Успѣхъ французовъ 26-го мая я приписываю тому обстоятельству, что у насъ было мало войскъ на Корабельной, что не было должнаго порядка и бдительности, и что войска были дурно распредѣлены на оборонительной линіи: временно начальствовавшій на Корабельной, князь Урусовъ, установилъ нелѣпый порядокъ раздробленія частей. Генералъ Жабокрицкій, принявъ начальство 15-го мая, хотя просилъ о прибавкѣ войскъ, но, тяготясь своею обязанностью, не принялъ дѣятельныхъ мѣръ къ оборонѣ ввѣренной ему части. За нѣсколько дней до штурма Жабокрицкій подалъ рапортъ о болѣзни, и получивъ дозволеніе уѣхать, оставилъ свой постъ въ самый день штурма, 26-го числа, передавъ началоство на Корабельной Хрулеву, который прибылъ на мѣсто послѣ полдня, т.-е. за нѣсколько только часовъ до начала атаки.

На 5-мъ отдѣленіи, т.-е. за Киленъ-балкой, не могло быть и не было должнаго порядка, ибо генералъ Тимофѣевъ принялъ на себя неохотно званіе начальника отдѣленія, и по своей обычной безпечности, мало занимался. Правда, онъ подавалъ записку объ усиленіи гарнизона и высказывалъ, что редуты находятся въ опасномъ положеніи, но его представленія не были настоятельны; Тимофѣевъ жилъ внизу 1-го бастіона у Киленъ-бухты и оттуда трудно было командовать ввѣренными ему редутами, на которыхъ начальникъ долженъ бы находиться безотлучно. На подобныхъ постахъ слѣдовало бы почаще мѣнять на-

чальниковъ и тогда можно было бы требовать отъ нихъ неусыпнаго бдѣнія. Когда французы заняли редуты, то Тимофѣевъ, правда, бросился туда съ полнымъ самоотверженіемъ, но было уже поздно.

Сообразивъ всѣ обстоятельства, можно сказать, что въ потерѣ редутовъ болѣе всѣхъ виновны лица начальствующія въ Севастополѣ, которыя, съ переводомъ Хрулева на Городскую часть, не принимали нужныхъ мѣръ къ оборонѣ Корабельной и оставляли безъ вниманія докладныя записки Жабокрицкаго и Томофѣева, а между тѣмъ, общественное мнѣніе обвинило Жабокрицкаго и даже говорили въ арміи и внѣ оной объ измѣнѣ этого генерала, прослужившаго государству болѣе 40 лѣтъ, и виновнаго только въ томъ, что былъ старъ и неспособенъ командовать столь важнымъ постомъ. Зачѣмъ же было назначать такого генерала, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій былъ уже недоволенъ имъ за командованіе Чоргунскимъ отрядомъ.

Съ отнятіемъ у насъ редутовъ мы теряли дѣйствительно очень много, такъ какъ паденіе Севастополя ранѣе или позже можно было предвидѣть.

Занявъ редуты, непріятель сталъ дѣятельно работать, чтобы приблизиться къ Малахову кургану, и громилъ бастіоны Корабельной части.

XV.

(Іюнь. Отбитіе штурма отъ бастіоновъ Корабельной части 6-го іюня.—Смерть лорда Раглана и адмирала Нахимова.—Наступательныя работы непріятеля.

Хрулевъ принялъ всѣ мѣры къ оборонѣ бастіоновъ и воодушевилъ войска, упавшія духомъ послѣ овладѣнія непріятелемъ нашими редутами. Каждый день ожидали нападенія и всѣ бодрствовали.

Дѣйствительно, союзники, ободренные успѣхомъ, назначили штурмъ на 6-ое іюня, а наканунѣ открыли адскій огонь, сначала по бастіонамъ Корабельной, а съ двухъ

часовъ пополудни и на Городской части. Въ ночь брошено въ городъ огромное число бомбъ; но, не смотря на жестокость огня, гарнизонъ исправилъ всѣ поврежденія въ укрѣпленіяхъ, и подбитыя орудія были замѣнены другими.

Въ ночь на 6-ое іюля слѣдующія войска находились на Корабельной части.

На 1-мъ бастіонѣ: Кременчугскій и Орловскій полки. . . . . *На 2-мъ бастіонѣ:* Владимірскій и одинъ баталіонъ Суздальскаго полка . *На куртинѣ,* соединяющей, 2-й бастіонъ съ Малаховымъ курганомъ: другой Суздальскій баталіонъ	Подъ командой генералъ-маіора князя Урусова.
На Малаховомъ курганѣ: Черниговскій, Полтавскій и Сѣвскій полки . *На батареѣ Жерве:* часть Полтавскаго полка	Генералъ-маіора Замарина.
На батареяхъ Будищева и Яновскаго: Камчатскій полкъ . . . . . *На 3-мъ бастіонѣ:* Брянскій полкъ полковника Гала . . . . Далѣе *на оборонительной линіи до Пересыпи:* сводный запасный баталіонъ Волынскаго и Минскаго полковъ	Генералъ-маіора Лысенкова, подъ главнымъ начальствомъ контръ-адмирал. Панфилова.
Въ общемъ резервѣ на Корабельной: полки Елецкій — ген.-маіора Бальца, Селенгинскій — ген.-маіора Собашинскаго и Якутскій—ген.-маіора Бялаго съ 18-ю полевыми орудіями.	Ген.-лейтенанта Павлова и ген.-маіора Юферова.

Всего на корабельной было въ 47 баталіонахъ 28,000 человѣкъ. Въ день штурма командовали отдѣленіями: первымъ — генералъ Семякинъ, вторымъ — ген.-маіоръ Шульцъ [1]), третьимъ—контръ-адмиралъ Панфиловъ, че-

[1]) Бывшій Александровскій комендантъ ген.-маіоръ Шульцъ, имѣя отпускъ

твертымъ—капитанъ 1-го ранга Юрковскій и пятымъ—(вновь образованнымъ изъ 1-го и 2-го бастіоновъ)—капитанъ 2-го ранга Перелешинъ.

У союзниковъ были назначены для штурма четыре французскія и четыре англійскія дивизіи; въ первыхъ до 30-ти тысячъ, а во вторыхъ до 14-ти тысячъ человѣкъ.

Въ ночь на 6-ое іюня союзники заняли слѣдующія мѣста: 10 баталіоновъ дивизіи Мейрана—въ Киленъ-балкѣ, 9 баталіоновъ съ двумя батареями дивизіи Брюне—передъ Камчатскимъ люнетомъ и за Mamelon vert, 9 баталіоновъ дивизіи д'Отмара—въ Даковой балкѣ, 2 баталіона гвардейскихъ вольтижеровъ на Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ, и остальные 15 гвардейскихъ баталіоновъ расположились въ резервѣ за батареей «Викторія». Англійскія дивизіи Пеннефетера и Джона Кемпбеля стали вдоль Воронцовской дороги; въ резервѣ же у нихъ была дивизія Ингленда.

Войска Мейрана должны были овладѣть 1-мъ и 2-мъ бастіонами, Брюне—обойти Малаховъ курганъ съ праваго фланга. Англичанамъ же назначено атаковать 3-й бастіонъ съ фронта. Сигналомъ штурма должна служить ракета со звѣздочками, спущенная изъ Ланкастерской батареи, гдѣ Пелисье назначилъ свою главную квартиру.

Французскій главнокомандующій былъ еще въ верстѣ отъ Ланкастерской батареи, какъ Мейранъ началъ преждевременную атаку вслѣдствіе перестрѣлки, завязавшейся между русскими и французскими стрѣлками.

Войска Мейрана были встрѣчены сначала сильнымъ огнемъ съ пароходовъ, поставленныхъ противъ Киленъ-бухты, а потомъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ съ укрѣпленія пятаго отдѣленія. Мейранъ убитъ и французы

въ Остзейскія губерніи, заѣхалъ въ Севастополь и принялъ начальство надъ 2-мъ отдѣленіемъ, вмѣсто заболѣвшаго ген.-маіора Баумгартена. Послѣдній уѣхалъ изъ Крыма.

приведены въ совершенное разстройство, такъ что, заступившій вмѣсто Мейрана, де-Фальи едва могъ собрать въ Киленъ-балкѣ остатки дивизіи. Эта неудачная атака продолжалась не болѣе десяти минутъ.

Между тѣмъ Пелисье подалъ сигналъ къ общему штурму около 3-хъ часовъ утра, и союзныя войска быстро двинулись на приступъ.

Дивизія Брюне, не смотря на сильный огонь, достигла до нашихъ укрѣпленій; охотники спустились въ ровъ и приставили лѣстницы; но 2-ой баталіонъ Суздальскаго полка и прибывшіе изъ резерва сводные стрѣлковые баталіоны Селенгинскаго и Якутскаго полковъ, подъ командой маіора Степанова, вскочивъ на крону бруствера куртины, отбросили французовъ; Брюне убитъ. Заступившій его мѣсто Лафонъ-де-Вильеръ снова началъ атаку, но два раза былъ отбитъ въ концѣ четвертаго часа утра.

Въ то же время сильныя непріятельскія колонны д'Отмара направились прямо на бастіонъ Корнилова, гдѣ генералъ Юферовъ встрѣтилъ его столь сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что они остановились въ ста шагахъ отъ рва и отступили въ Доковую балку. Новыя попытки французовъ были также безуспѣшны, и они бѣжали къ своимъ траншеямъ. Все пространство отъ подошвы кургана до траншей было завалено тѣлами французовъ.

Самъ д'Отмаръ атаковалъ батарею Жерве и послѣ рукопашнаго боя опрокинулъ баталіонъ Полтавскаго полка. Батарея была взята баталіономъ егерей Гарнье, выказавшимъ чудеса храбрости. Этотъ баталіонъ изъ 20-ти офицеровъ потерялъ 18 и 412 нижнихъ чиновъ.

Изъ донесенія Хрулева видно, что онъ схватилъ шедшую съ работы 5-ую роту Сѣвскаго полка и, присоединивъ къ ней остатки Полтавскаго баталіона, ударилъ въ штыки на французовъ, занявшихъ батарею Жерве. Въ то же время, по приказанію Хрулева, генералъ Павловъ на-

правилъ туда шесть ротъ Якутскаго полка, и послѣ упорнаго рукопашнаго боя французы были вытѣснены изъ батареи. Въ 5-ой Сѣвской ротѣ изъ 150 человѣкъ осталось только 35 человѣкъ съ подпоручикомъ Келлеромъ, заступившаго мѣсто убитаго въ началѣ дѣла храбраго штабсъ-капитана Островскаго[1]).

Англичане атаковали 3-й бастіонъ и батареи на пересыпи нѣсколько позже французовъ, а именно въ 3½ часа. Дивизія правой колонны должна была выйти изъ траншей и слѣдовать по верху плато; дивизія же лѣвой колонны направиться вдоль Лабораторной балки по Воронцовской дорогѣ. Каждая изъ колоннъ состояла изъ собственно штурмовой колонны и резерва; во главѣ стрѣлки и рабочіе.

Такъ какъ не было ступеней для выхода изъ траншей, то англичане дебутировали изъ оныхъ въ большомъ безпорядкѣ. Видя это, начальникъ штурмовой колонны полковникъ Я хотѣлъ подать сигналъ отступленія, но не нашелъ горниста.

Когда правая колонна (легкая дивизія) подошла къ засѣкамъ, Панфиловъ встрѣтилъ ее картечью и ружейнымъ огнемъ баталіона Брянскаго полка. Тогда англичане повернули вправо на батареи Яновскаго и Будищева и пробовали разбросать засѣки; но, будучи поражаемы градомъ пуль нашихъ стрѣлковъ, вскочившихъ на крону бруствера, отступили и укрылись въ Даковой балкѣ. Полковникъ Я убитъ.

---

[1]) Командиръ Полтавскаго полка, защищая свой баталіонъ, находившійся въ батареи Жерве, утверждаетъ, что баталіонъ отступилъ отъ батареи къ ближайшимъ домамъ и держался въ нихъ до конца сраженія, что и вынудило французовъ оставить батарею, гдѣ они находились въ критическомъ положеніи. Также командиръ полка (князь Урусовъ) заявлялъ, что никогда Хрулевъ не ходилъ въ штыки съ 5-ою ротою Сѣвскаго полка и что его вовсе не было на этомъ пунктѣ боя. Кому вѣрить? Обстоятельстве это слѣдовало бы тогда же разъяснить.

Между тѣмъ 4-я дивизія лѣвой колонны Кемпбеля, выйдя изъ траншей въ лучшемъ порядкѣ и слѣдуя открыто на плато, атаковала исходящій уголъ 3-го бастіона. Здѣсь Кемпбель убитъ, но англичане успѣли разобрать часть засѣкъ. Встрѣченные сильнымъ картечнымъ огнемъ, они обратились сначала противъ праваго фаса бастіона, но потомъ вынуждены были отступить въ ближайшую параллель и Лабораторную балку. Вся атака легкой 4-ой дивизіи продолжалась не болѣе четверти часа, такъ что 2-я и 3-я дивизіи не успѣли принять участія въ дѣлѣ. Одновременно съ нападеніемъ на 3-й бастіонъ, англійская бригада Эйра атаковала батареи на пересыпи; но огонь съ нашихъ батарей, состоявшихъ подъ командой капитана 1-го ранга Кислинскаго, и огонь своднаго запаснаго баталіона полковника Малевскаго заставили англичанъ отступить. Такимъ образомъ къ $6^1/_2$ часовъ утра всѣ приступы были отбиты нашими войсками.

Вся честь этого дня безспорно принадлежитъ Хрулеву. По оффиціальнымъ донесеніямъ непріятеля, неудача штурма приписана преждевременной атакѣ Мейрана и недостатку предусмотрительности англичанъ, не имѣвшихъ нужнаго количества при себѣ фашинъ; но истинная причина заключалась въ геройской храбрости Севастопольскаго гарнизона.

Говорятъ, что Пелисье по приказанію изъ Парижа ускорилъ штурмъ пятью днями, дабы изгладить память Ватерлооскаго пораженія 6-го іюня 1815 года взятіемъ Севастополя. Но число это оказалось фатальнымъ для французовъ.

Въ дни 5-го и 6-го мы потеряли убитыми: 16 офицеровъ, въ томъ числѣ капитаны 1-го ранга: Юрковскій и Будищевъ, и 781 нижнихъ чиновъ; ранеными и контуженными: ген.-маіора Замарина, флигель-адъютанта Кислинскаго и еще 114 офицеровъ и 4,011 нижнихъ чиновъ. Вся потеря простиралась до 5 тысячъ человѣкъ.

По донесеніямъ союзниковъ, французы потеряли 150 офицеровъ и 3,230 нижнихъ чиновъ. Но полагаютъ потерю союзниковъ гораздо болѣе, а именно до 8 тысячъ. Союзники потеряли убитыми трехъ дивизіонныхъ начальниковъ: Мейрана, Брюне и Джона Кемпбеля.

За отбитіе штурма 6-го іюня получили награды: Брянскій полкъ названъ именемъ князя Горчакова, графу Сакену и адмиралу Нахимову пожалованы аренды, Хрулеву орденъ Владиміра 2-й степени (награда не соотвѣтствовала подвигу); Семякинъ и Бутурлинъ получили чины ген.-лейтенанта; князь Васильчиковъ и Тотлебенъ—Георгія 3-го класса, князь Урусовъ—званіе ген.-адъютанта; Панфиловъ, Шульцъ, Лысенко, Замаринъ, Юферовъ, Бялый, Собашинскій и Голевъ—бриллiантовыя сабли.

Послѣ вторичнаго назначенія Хрулева на Корабельную (26-го мая) правая половина оборонительной линіи поручена была генералъ-маіору Мартинау, но вслѣдъ затѣмъ перешла подъ начальство Семякина, а я назначенъ былъ къ нему помощникомъ. Первое же отдѣленіе снова ввѣрено капитану 1-го ранга Зорину.

Около 10-го іюня раненъ пулею въ ногу Тотлебенъ. Нѣкоторое время онъ оставался въ Севастополѣ и продолжалъ распоряжаться работами, но потомъ переѣхалъ на сѣверную сторону. Подъ его руководствомъ управляли работами: на Городской части полковникъ Гарднеръ, а на Корабельной полковникъ Генрихъ.

Послѣ отбитія нами штурма 6-го іюня въ непріятельскихъ войскахъ обнаружились несогласія мужду французскимъ и англійскимъ главнокомандующими, и англійское правительство рѣшилось было уволить Раглана, но внезапная смерть его 16-го іюня опередила удаленіе стараго лорда изъ арміи. Англійскія же войска ввѣрены были генералу Симпсону; англійскій же контингентъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ усиленъ, такъ какъ потери, понесенныя ан-

гличанами 26-го мая и 6-го іюня, потребовали усиленнаго пополненія рядовъ. Правительство поторопилось поэтому прислать въ Крымъ еще 13,000 человѣкъ, и въ томъ числѣ весь Гибралтарскій гарнизонъ.

Во французскихъ войскахъ вмѣсто убитыхъ Мейрана и Брюне вступили въ командованіе дивизіями, 3-ей—Фоше и 5-й—де-Ламотружъ.

28-го іюня смертельно раненъ на Малаховомъ курганѣ адмиралъ Нахимовъ, который выказалъ себя во время обороны истиннымъ витяземъ безъ страха и упрека. Матросы обожали его, а пѣхотинцы смотрѣлина не го съ любовью и удивленіемъ; потому смерть Нахимова была невознаградимой потерей для Севастополя. Онъ умеръ 30-го числа, не приходя въ сознаніе, а 1-го іюля похороненъ въ томъ же склепѣ, гдѣ покоились уже Лазаревъ, Корниловъ и Истоминъ. Малаховъ курганъ можно было назвать проклятымъ мѣстомъ, ибо на немъ пали три лучшіе адмирала Черноморскаго флота и капитанъ 1-го ранга Юрковскій, самоотверженіе котораго доходило до того, что онъ не хотѣлъ отлучиться отъ своего поста на нѣсколько дней для того лишь, чтобы повидаться съ опасно больною женою.

Мѣсто Нахимова, какъ командира порта и военнаго губернатора, временно занялъ вице-адмиралъ Панфиловъ, а потомъ по возвращеніи изъ Николаева вице-адмиралъ Новосильскій.

Въ половинѣ іюня прибылъ въ главную квартиру директоръ канцеляріи военнаго министра, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій.

Онъ постоянно твердилъ о необходимости наступленія, и такъ какъ у насъ на него смотрѣли, какъ на проконсула, и главный штабъ, повидимому, боялся его, то слова его не могли не имѣть значенія, ибо полагали, что они были отголоскомъ Петербурга.

Между тѣмъ къ намъ были направлены значительныя

подкрѣпленія, именно: изъ Бессарабіи—7-я дивизія генерала Ушакова; изъ царства Польскаго—4-я дивизія Шепелева и 5-я Вранкена. Вслѣдъ за ними были двинуты къ намъ двѣ гренадерскія дивизіи[1]), и сверхъ того шли въ Крымъ ополченія: Курское, Тульское, Калужское и часть Орловскаго. Изъ нихъ прибыло къ намъ до оставленія Севастополя одно лишь Курское съ генралъ-маіоромъ Бѣльцевымъ.

Въ началѣ іюня князь П. Д. Горчаковъ назначенъ въ Государственный совѣтъ; генералъ Липранди назначенъ командиромъ 6-го корпуса, на мѣсто Горчакова; Мартинау командиромъ 12-ой дивизіи.

Тотчасъ по отбитіи штурма 6-го іюня Пелисье приказалъ устроить батарею для обстрѣливанія Киленъ-бухты и заложить новую параллель противъ бастіона Корнилова. Батарея была сооружена на восточной окраинѣ Киленъ-бухты, къ сѣверу отъ моста на водопроводѣ, по которому пролегала Саперная дорога; но такъ какъ батарея эта подвергалась огню съ нашихъ батарей сѣверной стороны и 1-го бастіона, то сдѣланы были блиндажи для орудій. Параллель же проходила по сѣдловинѣ между бывшимъ Камчатскимъ люнетомъ и Малаховымъ курганомъ. Несмотря на каменистый грунтъ и близость нашихъ верковъ, параллель была окончена ко 2-му іюлю. Лѣвый флангъ упирался въ Очаковскую балку, а вправо она была продолжена по западной окраинѣ Киленъ-балки, что подало возможность непріятелю обстрѣливать съ фланга 2-ой бастіонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ сооруженію батарей въ этой параллели.

Англичане же построили новую батарею противъ 3-го бастіона.

---

[1]) Эти двѣ дивизіи прибыли въ Крымъ уже послѣ оставленія нами Севастополя.

Мы занимались исправленіемъ поврежденныхъ верковъ и сооруженіемъ новыхъ батарей. Также съ нашей стороны было сдѣлано нѣсколько вылазокъ, но онѣ не остановили работъ непріятеля.

Въ ночь на 6-ое іюня, послѣ сильной канонады, французы заложили новую параллель въ ста шагахъ отъ прежней и въ 200 шагахъ отъ Корнилова бастіона. Въ ночь же на 10-ое число они подвели свои апроши еще ближе ко 2-му бастіону.

Въ ночь на 13-ое іюля, штабсъ-капитанъ Барановскій съ охотниками успѣлъ разбросать одинъ непріятельскій ложементъ.

Противъ 5-го и 6-го бастіоновъ французы не предпринимали новыхъ работъ. Минная война продолжалась передъ 4-мъ бастіономъ и только лишь во второй половинѣ іюля непріятель повелъ нѣсколько галлерей противъ редута Шварца.

XVI.

(Совѣщанія по предмету наступленія отъ рѣчки Черной).

Съ приходомъ къ Севастополю 7-й, 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій въ главной квартирѣ начались совѣщанія о наступленіи отъ Черной рѣчки. Но не взирая на важность тайны этого предпріятія, всѣ знали объ этомъ, и не только у насъ, но и въ непріятельскомъ лагерѣ.

28-го іюля, въ квартирѣ начальника гарнизона, былъ военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго; на немъ присутствовали: начальникъ главнаго штаба генералъ - адъютантъ Коцебу, генералъ - квартирмейстеръ ген.-лейтенантъ Бутурлинъ, дежурный генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, начальникъ артиллеріи ген.-лейтенантъ Сержпутовскій, начальникъ инженеровъ ген. - лейтенантъ Бухмейеръ, генералъ-интендантъ и ген.-маіоръ Затлеръ; командиры корпусовъ: 3-го—Реадъ, 4-го—графъ Сакенъ и 6-го—

Липранди, а также начальники оборонительныхъ линій Хрулевъ и Семякинъ. Кромѣ того, въ совѣтѣ находились безъ права голоса генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій и начальники штабовъ гарнизона и корпусовъ. Вѣроятно и Затлеръ не имѣлъ голоса.

На совѣтѣ главнокомандующій заявилъ, что въ его распоряженіи 90 тысячъ войска, и что, по соображенію интенданта, продовольствіе онаго въ теченіи зимы будетъ весьма затруднительно. Потомъ князь Горчаковъ роздалъ членамъ совѣта записки, въ коихъ было изложено тогдашнее положеніе Севастополя и сдѣланы два вопроса: 1) что предпринять, чтобы выйти изъ пассивнаго положенія и 2) когда именно? Для выслушанія письменныхъ отвѣтовъ приказано собраться на другой день.

29-го числа читаны въ совѣтѣ письменные отвѣты, начиная съ младшаго.

Семякинъ выразилъ мнѣніе, что атаковать непріятеля изъ города почти невозможно, что же касается до наступленія со стороны Черной рѣчки, то это не можетъ принести полезныхъ результатовъ, потому что даже при успѣхѣ, т.-е. если мы овладѣемъ лѣвымъ берегомъ рѣчки Черной, Севастополь останется все-таки по прежнему въ пассивномъ положеніи и только лишь на нѣкоторое время отстрочится рѣшеніе его участи. У Семякина была еще другая дополнительная записка, въ которой онъ рѣшительно заявлялъ о необходимости оставить южную сторону Севастополя и сосредоточить всю армію на высотахъ сѣверной стороны для дѣйствія по обстоятельствамъ. Записку эту Семякинъ подалъ главнокомандующему по прочтеніи всѣхъ мнѣній членовъ совѣта, но она не была прочтена.

Хрулевъ, допуская возможность атаковать непріятеля съ Корабельной съ тѣмъ, чтобы, занявши бывшій Камчатскій люнетъ, провести кремольерную линію укрѣпленій по краю

Киленъ-балки [1]), выразился, что это не выведетъ насъ изъ пассивнаго положенія, такъ какъ непріятель можетъ обратить всѣ свои усилія на нашъ правый флангъ, который трудно отстоять, а потому признавалъ также болѣе полезнымъ южную сторону.

Графъ Сакенъ, послѣ многихъ громкихъ фразъ, выразилъ ту же мысль.

Мнѣнія другихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ Севастопольскому гарнизону и жившихъ очень покойно на Инкерманской позиціи, были болѣе или менѣе уклончивы, не исключая мнѣнія начальника главнаго штаба.

Такимъ образомъ, оказалось, что всѣ старшіе начальники гарнизона, безъ предварительнаго соглашенія, заявили мнѣнія о необходимости оставленія осажденнаго города. Главнокомандующій же, нѣкоторые изъ членовъ совѣта и особенно баронъ Вревскій признавали напротивъ нужнымъ отстоять Севастополь, дѣйствуя наступательно отъ рѣчки Черной. Наступленіе это рѣшено было главнокомандующимъ; онъ приказалъ приготовиться выдержать бомбардировку и даже самый штурмъ, если непріятель предприметъ оный. При этомъ графу Сакену было велено приготовить изъ войскъ гарнизона 20,000 человѣкъ для наступленія изъ города, когда полевыя войска будутъ атаковать Сапунъ-гору. На замѣчаніе же Сакена, что въ этомъ случаѣ мы подвергаемъ себя опасности быть разбитыми порознь, отвѣчалъ: «Ну что же дѣлать, тогда все погибло, мы ставимъ на карту наше дѣло».

Всѣ письменные отвѣты князь Горчаковъ оставилъ у себя и, кажется, отправилъ ихъ въ подлинникахъ въ Петербургъ.

Говорятъ, что Хрулевъ былъ на другой день въ глав-

---

[1]) Это слѣдовало сдѣлать (какъ было изъяснено выше) при началѣ обороны, теперь это уже было поздно.

ной квартирѣ, съ цѣлью убѣдить главнокомандующаго отмѣнить вылазку изъ города при наступленіи главныхъ силъ на Сапунъ-гору; но князь остался при своемъ мнѣніи, имѣя въ виду, что эта вылазка должна привлечь на себя непріятеля и тѣмъ облегчится овладѣніе высотами Сапунъ-горы. Соображеніе невѣрное; скорѣе надобно было полагать, что непріятель не обратилъ бы вниманія на вылазку изъ города (которая, впрочемъ, была бы встрѣчена убійственнымъ огнемъ съ батарей) и бросилъ бы всѣ свои резервы къ высотамъ Сапунъ-горы для воспрепятствованія намъ овладѣть ими, въ чемъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы, имѣя превосходство въ числѣ войскъ и оружія и владѣя неприступной позиціей. Отбросивъ же наши войска на правый берегъ рѣчки Черной, непріятель обратился бы на отрядъ, вышедшій изъ города, который и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не успѣлъ бы еще укрѣпиться на занятой имъ мѣстности, впереди нашихъ верковъ, задавилъ бы этотъ отрядъ своимъ численнымъ превосходствомъ и на нашихъ плечахъ ворвался бы въ городъ, не будучи поражаемъ артиллерійскимъ огнемъ. Къ этому можно прибавить утвердительно, что мы были въ совершенной невозможности вывести массу войскъ численностью въ 20,000 человѣкъ изъ небольшихъ выходовъ оборонительной линіи и построить ихъ для атаки подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, которыя были у насъ, такъ сказать, на носу.

По моему мнѣнію, выводъ войскъ изъ за укрѣпленій оборонительной линіи для атаки непріятеля могъ бы принести пользу и дѣлался необходимымъ лишь тогда, когда наша армія отбросила бы непріятеля съ Сапунъ-горы. А такъ какъ по вышеозначеннымъ причинамъ на это нельзя было разсчитывать, то главнокомандующему слѣдовало, не ожидая новаго штурма и не пробуя атаки на неприступную позицію съ недостаточными силами, бросить южную сто-

рону Севастополя и сосредоточить всю армію на высотахъ сѣверной стороны. Это было сдѣлано черезъ мѣсяцъ, но сдѣлано не добровольно, а по принужденію и съ потерей въ нашей арміи во время безнадежной въ послѣднее время обороны до 50,000 человѣкъ войскъ [1]).

31-го іюля князь Васильчиковъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ въ Павловскую батарею къ Хрулеву для совѣщанія на счетъ мѣстъ, откуда удобнѣе сдѣлать вылазку. Хрулевъ полагалъ идти отъ Малахова кургана прямо на Камчатку или слѣдовать черезъ Киленъ-балку для овладѣнія всею мѣстностью между балкой и большой дорогой, ведущей къ Инкерманскому мосту. Я не соглашался съ этимъ мнѣніемъ, да и самъ Хрулевъ признавалъ это весьма труднымъ. Мнѣ казалось болѣе удобнымъ выйти черезъ Доковую балку, имѣя правую колонну у оврага большой дороги. Въ заключеніе, Хрулевъ и я, соглашаясь въ главной мысли, что несвоевременная вылазка изъ города (т.-е. до овладѣнія главными силами Сапунъ-горы) повлечетъ за собою гибельныя послѣдствія, выразили мнѣніе, что начальникъ гарнизона долженъ сдѣлать главнокомандующему формальное представленіе по этому предмету и тѣмъ сложить съ себя отвѣтственность въ неуспѣхѣ предпріятія и даже гибели Севастополя.

Князь Васильчиковъ не выражалъ своего мнѣнія, и повидимому, соглашался съ нами. Было-ли заявлено наше мнѣніе начальнику гарнизона и главнокомандующему, не знаю; но на дѣлѣ наше совѣщаніе не имѣло никакихъ результатовъ.

---

[1]) Потеря огромная, особенно принимая во вниманіе незначительную численность нашей арміи

XVII.

(Сраженіе на рѣчкѣ Черной 4-го августа. Диспозиція вылазки изъ Севастополя 4-го августа.—Расположеніе непріятеля на рѣчкѣ Черной.—Численность и диспозиція нашихъ войскъ, назначенныхъ для атаки.—Дѣло 4-го августа.—Положеніе Севастополя въ августѣ.—Осадная работа непріятеля въ концѣ іюля.—Работа непріятеля въ августѣ.—Послѣдняя бомбардировка Севастополя съ 24-го августа).

Главнокомандующій рѣшилъ попробовать наступленіе отъ р. Черной 4-го августа.

Чтобы содѣйствовать этой атакѣ, наканунѣ, т.-е. 3-го числа, сообщены были намъ диспозиціи вылазокъ изъ города и назначены колонны войскъ какъ на Корабельной, такъ и на Городской частяхъ; оставалось только увѣдомить, съ какой именно изъ этихъ частей исполнятъ вылазку. Если съ Корабельной, то предполагалось выйти двумя колоннами: *правой*, подъ начальствомъ Хрулева, отъ Доковой балки на Камчатку и далѣе; *лѣвой* же, подъ командой Лысенко, наступать отъ рогатки между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ. Если бы пришлось дѣлать вылазку съ Городской части, то также двумя колоннами, именно: *правой*—подъ начальствомъ Семякина, отъ воротъ 7-го бастіона и *лѣвой*—подъ моею командой, изъ рва 6-го бастіона и батареи Будакова.

Графъ Сакенъ вызвался принять на себя главное начальство надъ колоннами въ обоихъ случаяхъ.

Около 4-го августа, въ долинѣ лѣваго берега рѣчки Черной, были слѣдующія французскія войска подъ начальствомъ генерала Гербильона: на первомъ холмѣ Федюхиныхъ высотъ стояла 1-я бригада дивизіи Фоше; на второмъ холмѣ вторая бригада Фоше и два полка 1-ой бригады дивизіи Каму. Еще лѣвѣе, на третьемъ холмѣ, остальные полки дивизіи Каму. Въ резервѣ за этими войсками стояли два полка подъ командой Клера. 1-я бригада дивизіи Гербильона находилась на площадкѣ ската Инкерманскихъ высотъ, ниже Телеграфа и близъ редута

Канробера. Кавалерійская дивизія Мориса, состоявшая изъ четырехъ полковъ Африканскихъ егерей, была расположена сзади Федюхиныхъ горъ, въ Балаклавской долинѣ. Сардинцы занимали Гастфору гору, имѣя аванпосты на Телеграфной горѣ.

Наши войска, предназначенныя для атаки непріятельскихъ позицій, состояли изъ двухъ корпусовъ, главнаго пѣхотнаго резерва, кавалерійскаго и артиллерійскаго резервовъ.

Лѣвое крыло или лѣвый корпусъ, подъ командой ген.-лейтенанта Липранди, былъ раздѣленъ на два отряда: *лѣвый отрядъ*—ген.-лейтенанта Бельгарда состоялъ изъ восьми баталіоновъ 6-ой дивизіи и четырехъ баталіоновъ Днѣпровскаго полка [1]) при 30-ти орудіяхъ; *правый*—ген.-лейтенанта Веселитскаго, состоялъ изъ шестнадцати баталіоновъ 17-ой дивизіи, греческаго легіона, семи ротъ стрѣлковъ и двухъ саперныхъ ротъ, съ 40 орудіями. Бельгардъ со своими войсками долженъ былъ наступать изъ Орта-Королеза, Веселитскій же съ Мекензіевой горы.

Правое крыло или правый корпусъ, подъ командой генералъ-лейтенанта Реада, состоялъ изъ двѣнадцати баталіоновъ 7-ой дивизіи Ушакова, двѣнадцати баталіоновъ 12-ой дивизіи Мартинау, 2-го стрѣлковаго баталіона, одной саперной роты, восьми эскадроновъ уланъ, шести сотенъ казаковъ и 64-хъ орудій.

Главный пѣхотный резервъ состоялъ изъ тридцати баталіоновъ 4-ой дивизіи Шепелева, 5-ой—Вранкена и двухъ саперныхъ ротъ при 36-ти орудіяхъ.

Главный кавалерійскій резервъ подъ командой ген.-лейтенанта Шабельскаго состоялъ изъ пятидесяти эскадро-

---

[1]) Днѣпровскій полкъ былъ отдѣленъ къ лѣвому отряду лѣваго корпуса, потому что былъ знакомъ съ мѣстностью, которую долженъ былъ атаковать генералъ Бельгардъ.

новъ регулярной кавалеріи, девяти сотенъ казаковъ и 28-ми орудій.

Въ *артиллерійскомъ резервѣ* подъ командой полковника Челокова, было 76 орудій.

Кавалерія Шабельскаго должна была слѣдовать черезъ Шулю за колонной Бельгарда; прочія же войска должны были спуститься съ Мекензіевой горы въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва 17-я пѣхотная дивизія, за ней 12-я, потомъ 7-я, 5-я и 4-я, за пѣхотой должна была слѣдовать вся артиллерія.

Сверхъ вышеозначенныхъ войскъ у насъ были, такъ названные, *оберегательные отряды*: 1-ый—ген.-маіора Миттона, изъ шести баталіоновъ, восьми эскадроновъ, шести сотенъ казаковъ и 12-ти орудій, у деревни Езенбашика, Упа и Кучка, для наблюденія выхода изъ Алсуя; 2-ой—ген.-маіора Халецкаго, изъ восьми эскадроновъ, шести сотенъ казаковъ и 4-хъ орудій въ Еникале; 3-й—ген.-маіора Попова изъ семи баталіоновъ, трехъ сотенъ казаковъ и 16-ти орудій на Инкерманскихъ высотахъ.

Сущность диспозиціи заключалась въ слѣдующемъ:

Генералъ Липранди съ войсками лѣваго крыла долженъ былъ сбить сардинскій авангардъ, находившійся на правомъ берегу рѣки, впереди деревни Чоргуна, и потомъ приготовиться для нападенія на Гастфору гору; а генералу Реаду, съ войсками праваго крыла, выстроиться въ боевой порядокъ внѣ пушечнаго выстрѣла на долинѣ праваго берега рѣки, выдвинуть впередъ артиллерію для обстрѣла Федюхиныхъ высотъ и быть готовымъ къ атакѣ этихъ горъ. Но обоимъ генераламъ предписано было не начинать атаки безъ особеннаго приказанія главнокомандующаго.

Въ донесеніи своемъ князь Горчаковъ говорилъ впослѣдствіи, что его намѣреніе было послѣ сбитія сардинскаго авангарда и по ближайшемъ осмотрѣ позиціи сардинскихъ войскъ или повести на нахъ атаку пѣхотой

Липранди, поддержанную войсками Реада и резервами, оставя противъ Федюхиныхъ высотъ артиллерію съ сильнымъ прикрытіемъ кавалеріи, или же, если бы атака на Гастфору гору оказалась слишкомъ рискованной, атаковать Федюхины горы войсками Реада, поддержавъ ихъ большей частью пѣхоты Липранди и общимъ пѣхотнымъ резервомъ, или же, наконецъ, ограничиться общимъ усиленнымъ обозрѣніемъ непріятельской позиціи въ томъ случаѣ, если бы та и другая атаки представляли слишкомъ много затрудненій.

Въ ночь на 4-ое августа войска двинулись согласно диспозиціи съ занимаемыхъ ими позицій на Мекензіевой горѣ и въ Королезскомъ ущельѣ, но движеніе съ Мекензіи было очень медленно, и войска начали только передъ разсвѣтомъ спускаться въ лощину. Между тѣмъ Бельгардъ, пройдя Мокрую луговину, занялъ двумя батареями высоты, параллельныя къ Телеграфной горѣ, и открылъ по ней огонь. Вслѣдъ за симъ и Веселитскій, развернувъ свои войска, атаковалъ Телеграфную гору и занялъ ее безъ большихъ потерь, такъ что первое дѣйствіе лѣваго крыла было вполнѣ удачно исполнено къ 4-мъ часамъ утра; около этого же времени 12-я и 7-я дивизіи были уже построены, первая противъ Каменнаго моста, а вторая поправѣе. Остальныя же войска были еще въ движеніи, такъ что 5-я дивизія могла собраться въ резервный порядокъ лишь къ пяти часамъ утра, 4-я же была еще далеко назади, на Мекензіевой горѣ.

Главнокомандующій прибылъ на Телеграфную гору со своимъ штабомъ; онъ медлилъ отдать приказаніе къ атакѣ Гастфоры горы, но, весьма вѣроятно, имѣлъ это въ виду, такъ какъ велѣлъ 5-ой дивизіи слѣдовать на Телеграфную гору для подкрѣпленія лѣваго крыла, что и было испол-

нено. Между тѣмъ Реадъ открылъ сильный артиллерійскій огонь по Федюхинымъ горамъ[1]).

Главнокомандующій говорилъ въ своемъ донесеніи, что несвоевременная атака 12-ой дивизіи удивила его, и князь обвинялъ Реада въ неуспѣхѣ дѣла. Какъ же это могло случиться?..

Очевидцы разсказывали, что адъютантъ князя Красовскій передалъ Реаду приказаніе главнокомандующаго: *начинать.* Но такъ какъ артиллерійскій огонь былъ уже начатъ до прибытія адъютанта, то Реадъ принялъ это за приказаніе начать атаку.

Надобно думать, что князь, находясь у лѣваго крыла, послалъ къ Реаду адъютанта прежде открытія артиллерійскаго огня и слѣдовательно имѣлъ только въ виду начать огонь. Это обстоятельство очень темное; мнѣ тоже кажется, что главнокомандующему слѣдовало бы, подкрѣпя 12-ю дивизію полками Вранкена, атаковать Гастфору гору, которая составляла ключъ непріятельской позиціи, но тѣмъ не менѣе, получа неопредѣленное приказаніе начинать, Реадъ, не смотря на возраженіе начальника корпуснаго штаба ген.-маіора Веймарна, что нельзя тремя колоннами атаковать крѣпкую непріятельскую позицію, приказалъ двинуть Одесскій полкъ на Федюхины горы.

Хотя одессцы подъ командой храбраго полковника Скюдери и овладѣли мостовымъ укрѣпленіемъ, перешли черезъ рѣку и каналъ, устроенный для проведенія воды въ севастопольскіе доки, опрокинули непріятеля на западномъ

---

[1]) Впослѣдствіи ген.-адъютантъ Коцебу сказалъ мнѣ, что онъ въ эти минуты послалъ уже по порученію главнокомандующаго полковника Бонтана къ Бельгарду съ приказаніемъ атаковать Гастфору гору; но какъ только Бонтанъ поѣхалъ, 12-я дивизія двинулась въ атаку противъ Федюхиныхъ высотъ, что крайне удивило главнокомандующаго, и онъ, считая невозможнымъ атаковать въ одно и то же время два пункта непріятельскихъ позицій, вернулъ Бонтана.

холмѣ высотъ и при этомъ овладѣли батареей въ 80 орудій, но тѣмъ не менѣе, какъ этотъ полкъ, такъ и два другіе (Украинскій и Азовскій), посланные вслѣдъ за нимъ, были всѣ скоро опрокинуты французскими генералами Фоше и Фальи. Части 7-ой дивизіи также перешли рѣку и овладѣли первымъ уступомъ средней Федюхпной горы, но и онѣ скоро принуждены были отступить, отбрешенныя французской дивизіей Каму[1]).

Когда 12-ая дивизія атаковала Федюхины высоты, главнокомандующій приказалъ Вранкену двинуть его дивизіи съ Телеграфной горы къ Каменному мосту и поступить въ распоряженіе Реада. Вранкенъ, подведя дивизію къ Каменному столбу (съ небольшимъ полверсты отъ моста), просилъ у Реада дозволеніе произвести атаку всею дивизіей, ручаясь за успѣхъ; но Реадъ приказалъ выстроить боевой порядокъ[2]) и послать на штурмъ одинъ передній полкъ.

Въ это время 12-ая дивизія была уже опрокинута, и остатки ея собирались внѣ пушечнаго выстрѣла.

Исполняя приказаніе корпуснаго командира, Вранкенъ двинулъ въ атаку одинъ полкъ, но не четвертый, а третій — Костромской; Реадъ остановилъ его подъ выстрѣлами и, держась устава (!), велѣлъ идти четвертому Галицкому полку. (Вотъ плоды маневровъ и военнаго образованія генераловъ минувшаго царствованія). Галицкій полкъ перешелъ рѣку и потѣснилъ непріятеля на высотахъ, но не могъ тамъ удержаться[1]), причемъ на-

---

[1]) Говорятъ, что Ушаковъ началъ атаку гораздо позже 12-ой дивизіи, и вообще дѣйствовалъ неохотно и нерѣшительно.

[2]) По распоряженію главнокомандующаго, дивизія имѣла слѣдующій боевой порядокъ: 1-ая линія—одинъ баталіонъ 4-го полка въ ротныхъ колоннахъ, 2-ая линія—остальные три баталіона того же полка въ колоннѣ къ атакѣ, 3-я линія—третій полкъ въ колоннахъ къ атакѣ и, наконецъ, въ резервѣ первые два полка.

[1]) Говорятъ, что французы подали русскій сигналъ «отступленіе».

ходившійся при этомъ ген.-маіоръ Проскуряковъ былъ сильно раненъ. Посланный уже вслѣдъ за Галицкимъ Костромской полкъ не могъ имѣть успѣха по причинѣ огромной убыли въ людяхъ отъ жестокаго непріятельскаго огня[1]). За этимъ полкомъ былъ посланъ вторично Галицкій полкъ, который опять перешелъ рѣку, но безполезно, ибо былъ опять отброшенъ; тогда послали Вологодскій полкъ съ полковникомъ Вронскимъ, который хотя произвелъ быструю атаку, но въ свою очередь принужденъ былъ ретироваться. Затѣмъ убили и самаго Реада, тѣло котораго осталось въ рукахъ непріятеля.

Разбитые три полка 5-ой дивизіи собрались за четвертымъ Архангелогородскимъ полкомъ, гдѣ ихъ устроилъ дивизіонный квартирмейстеръ Кузминъ, такъ какъ легко раненый Вранкенъ, равно раненые бригадные и полковые командиры, оставили всѣ поле сраженія. Затѣмъ къ дивизіи прибылъ и принялъ надъ нею начальство начальникъ Курскаго ополченія, ген.-маіоръ Бѣлевцевъ.

Въ то время, какъ полки 5-ой дивизіи водились безъ толку въ атаку на мѣстности противъ каменнаго моста, три полка 17-ой дивизіи съ Телеграфной горы также атаковали непріятеля на мѣстности влѣво отъ Каменнаго моста. Изъ донесенія видно, что они также переходили Чорную рѣчку, но потомъ вынуждены были отступить.

Впрочемъ, надобно полагать, что полки эти въ полномъ составѣ не были за рѣчкой, а лишь небольшая ихъ часть переходила, такъ какъ 17-ая дивизія не понесла большаго урона.

Главнокомандующій, видя полный неуспѣхъ всѣхъ отдѣльныхъ атакъ, приказалъ не возобновлять ихъ и собрать войска на разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла

---

[1]) При этой атакѣ убитъ ген.-маіоръ Веймарнъ и раненъ командиръ полка полковникъ Бедряга.

отъ рѣки, имѣя лѣвый флангъ на Телеграфной горѣ, правый же, составленный изъ кавалеріи, у подошвы послѣдняго уступа Мекензіевыхъ горъ.

Затѣмъ черезъ 4 часа войска наши возвратились на Мекензіеву гору и Королезское ущелье, потерявъ безъ всякой пользы огромное число людей.

А между тѣмъ, если бы главнокомандующій дѣйствовалъ рѣшительно, и по занятіи Телеграфной горы, немедленно двинулъ бы свои войска на Гастфору гору, и овладѣвъ ею, открылъ огонь во флангъ непріятельской позиціи на Федюхиныхъ высотахъ, то атака этихъ высотъ была бы легка и не стоила намъ такихъ потерь.

Французскій военный писатель Сентъ-Анжъ, разбирая дѣло на рѣчкѣ Черной, говоритъ, что двѣ резервныя дивизіи обсерваціоннаго корпуса не были введены въ дѣло [1]), слѣдовательно союзники не имѣли превосходства въ числѣ войскъ. Этотъ писатель между прочимъ выразился такъ: «Вмѣсто того, чтобы дѣлать диверсію на нашъ правый флангъ и атаковать рѣшительно корпусомъ Липранди деревню Чоргунъ и Гастрофу гору, гдѣ былъ ключъ позиціи, русскій главнокомандующій, неизвѣстно почему, ослабилъ свой лѣвый флангъ, послалъ,—впрочемъ, слишкомъ уже поздно,—одну изъ дивизій Липранди для поддержки атаки на центръ»...

Далѣе Сентъ-Анжъ говоритъ о князѣ Горчаковѣ: «Неблистательная компанія этого генерала въ Дунайскихъ княжествахъ противъ турокъ и его печальное дѣло на рѣкѣ Черной вовсе не дозволяютъ считать его на ряду съ тѣми предводителями армій, у которыхъ на самомъ полѣ битвы являются идеи могущественныхъ рѣшеній. Его можно поставить въ разрядъ ученыхъ тактиковъ, которые

---

1) Съ началомъ дѣла Пелисье привелъ съ собою дивизіи Левальяна, Дюлака и гвардію, но это войско не принимало непосредственнаго участія въ бою.

хорошо знаютъ военную шахматную игру, но которымъ природа отказала во внушеніи генія, то-есть, какъ изъясняетъ маршалъ Сультъ, способности сообразить и разсчитать въ одно мгновеніе»...

Въ донесеніи своемъ князь Горчаковъ говорилъ, что непріятель не осмѣлился атаковать его. Заявленіе странное, если не сказать, смѣшное! Отбросивъ русскую армію, непріятель исполнилъ свою задачу и не имѣлъ никакой надобности атаковатъ насъ на долинѣ праваго берега рѣчки Черной, ибо въ то время главная цѣль его была—взятіе Севастополя.

Вылазки изъ Севастополя въ этотъ день, 4-го августа, не состоялось, такъ какъ мы потерпѣли неудачу при главной атакѣ.

И такъ, вотъ какой былъ результатъ настоятельныхъ желаній Петербурга и самаго главнокомандующаго... Послѣ этого несчастнаго дѣла мы не могли уже болѣе помышлять о наступленіи. Впрочемъ, можетъ быть, неудача 4-го августа избавила насъ отъ большихъ бѣдъ, такъ какъ, если бы въ этотъ день мы имѣли успѣхъ, т.-е. заняли бы Федюхины высоты, то главнокомандующій атаковалъ бы *непремѣнно на слѣдующій день* неприступную позицію Сапунъ-горы, и тогда, конечно, французы разбили бы насъ на голову, и мы могли лишиться большей части артиллеріи.

Изъ двухъ большихъ дѣлъ, 24-го октября на Инкерманскихъ высотахъ и 4-го августа на рѣкѣ Черной, первое по идеѣ было превосходно, а по исполненію дурно; второе же, какъ по исполненію, такъ и по идеи было совершенно нелѣпо. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что князь Меньшиковъ не имѣлъ ни штаба, ни совѣтниковъ, а князь Горчаковъ имѣлъ и то, и другое.

Главнокомандующій однако былъ справедливъ къ войскамъ. Онъ благодарилъ ихъ за геройскую храбрость и

приписалъ неуспѣхъ дѣла причинамъ, независящимъ отъ ихъ боеваго достоинства.

Говорятъ, что изъ Петербурга требовали опредѣлительнаго объясненія, почему, вопреки диспозиціи, Реадъ началъ преждевременную атаку, и будто бы князь Горчаковъ отвѣтилъ: «Реадъ былъ совершенно потерянъ во время дѣла, ибо наканунѣ увидѣлъ молодой мѣсяцъ съ лѣвой стороны». Трудно вѣрить подобнымъ слухамъ.

Въ дѣлѣ 4-го августа у насъ убиты и смертельно ранены: ген.-адъютантъ Реадъ, ген.-маіоръ Веймарнъ (всѣми любимый и подававшій большія надежды, какъ весьма умный офицеръ генеральнаго штаба); командиры полковъ: полковникъ Бельгардъ и Скюдери и, кромѣ того, убитъ вблизи отъ главнокомандующаго ген.-адъютантъ баронъ Вревскій. Изъ числа старшихъ офицеровъ ранены: ген.-маіоръ Вранкенъ (легко), Тулубьевъ, Проскуряковъ, Огаревъ, Левуцкій, Гриббе и полковникъ князь Святополкъ-Мирскій; полковые командиры 5-ой дивизіи: Германъ, Вронскій, Бедряга и Челищевъ.

Всего у насъ выбыло изъ фронта отъ 9-ти до 10-ти тысячъ.

Полки 5-ой дивизіи: Вологодскій, Костромской и Галицкій, и 12-ой дивизіи полки: Одесскій, Украинскій и Азовскій, такъ какъ на нихъ легла вся тяжесть боя, понесли огромную потерю, которая объясняется отчасти и тѣмъ, что французскій полковникъ Форжо поставилъ на весьма выгодной позиціи семь артиллерійскихъ батарей и весь огонь обратилъ не на артиллерію, а на пѣхоту.

На другой день послѣ дѣла на рѣкѣ Черной непріятель открылъ бамбардировку по Корабельной части и отчасти по 4-му бастіону, по бастіонамъ же 1-го отдѣленія стрѣлялъ лишь по временамъ и особенно ночью. Съ 8-го числа канонада нѣсколько ослабѣла, но все-таки огонь

былъ столь силенъ, что на Малаховомъ курганѣ и на 2-мъ бастіонѣ не успѣвали исправлять поврежденія.

Съ своей стороны, не имѣя снарядовъ въ достаточномъ количествѣ, мы отвѣчали непріятелю слабо и ежедневно теряли много людей.

Съ 5-го по 9-ое число августа у насъ убывало ежедневно изъ строя до 1,000 человѣкъ, а въ послѣдующія двѣ недѣли до 23-го августа отъ 500 до 600 человѣкъ.

При этомъ, по настойчивости непріятеля въ производствѣ осадныхъ работъ и по множеству бросаемыхъ ежедневно въ городъ снарядовъ, можно было заключить, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ будетъ штурмовать Севастополь, а такъ какъ съ 4-го августа мы лишились всякой надежды удержать городъ за собой, то надобно было думать о переводѣ войскъ на сѣверную сторону, что было теперь очень возможно исполнить, такъ какъ Бухмейеръ окончилъ въ половинѣ августа постройку моста черезъ Сѣверную и Большую бухты. Самъ главнокомандующій признавалъ необходимымъ бросить городъ и 11-го числа отдалъ секретное предписаніе, чтобы приготовили все къ отступленію. Тотчасъ же приступлено къ перевозкѣ разнаго казеннаго имущества и всѣмъ торговцамъ велѣно выйти изъ города. Но, по своей нерѣшительности, князь Горчаковъ медлилъ отдать приказаніе о переправѣ войскъ.

Впрочемъ, можетъ быть, въ Петербургѣ были противъ этой мѣры.

Еще въ половинѣ іюля французы устроили новые ложементы противъ Малахова кургана и 2-го бастіона.

Вслѣдъ затѣмъ, соединивъ эти ложементы, они образовали противъ обоихъ бастіоновъ полупараллели, откуда повели подступы къ атакованнымъ веркамъ. Въ концѣ же іюля, соединивъ полупараллели, образовали 6-ю параллель

въ разстояніи отъ 130 до 200 шаговъ отъ кургана и 2-го бастіона [1]).

Какъ только эта параллель была окончена, французы приступили къ сооруженію на ней батарей и покушались приблизиться окраинами траншеи къ атакованному фронту, но въ теченіи недѣли успѣли подвинуться лишь на 40 шаговъ.

Вооруженіе этихъ батарей, равно и другихъ, построенныхъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нашихъ верковъ, было исполнено послѣ дѣла на рѣчкѣ Черной. Непріятель выставилъ на нихъ 800 орудій, въ числѣ которыхъ было 300 мортиръ большаго калибра, и сталъ громить Севастополь. У насъ, хотя, въ послѣднее время дѣйствовали 1,200 орудій, но въ дѣйствительности огня мы не могли состязаться съ противникомъ по недостатку снарядовъ, въ особенности разрывныхъ, и на каждый нашъ выстрѣлъ непріятель отвѣчалъ десятью.

9-го августа французы заложили на половинѣ разстоянія между 6-ой параллелью и 2-мъ бастіономъ новую полупараллель. Въ ночь на 12-ое число они овладѣли однимъ изъ нашихъ заваловъ передъ Малаховымъ курганомъ, обратили также его въ полупараллель и изъ обоихъ новыхъ полупараллелей поведены подступы. Во второй половинѣ августа головныя части этихъ подступовъ отстояли отъ рвовъ Корнилова и 2-хъ бастіоновъ не болѣе, какъ на 35 или 40 шаговъ.

Атака французовъ противъ 4-го и 5-го бастіоновъ, съ пособіемъ минъ, также значительно подвинулась: въ этомъ мѣстѣ, головные ложементы непріятеля дошли до нашихъ

---

[1]) Надо припомнить, что 3-я параллель была устроена близь южнаго склона холма, на которомъ былъ построенъ нами Камчатскій люнетъ, что французы изъ этой параллели атаковали 26-го мая нашъ люнетъ и по взятіи онаго вывели вправо и влѣво отъ люнета 4-ю параллель, которая служила имъ потомъ сборнымъ пунктомъ войскъ при штурмѣ 6-го іюня. 5-я параллель была французами заложена тотчасъ же по отбитіи этого штурма.

верковъ 4-го бастіона и редута Шварца въ разстояніи 40 шаговъ, тогда какъ работы англичанъ не имѣли того успѣха, ибо онѣ противъ 3-го бастіона во второй половинѣ августа со своими работами находились отъ нашихъ верковъ въ разстояніи 270 шаговъ.

17-го августа наша бомба взорвала пароховой погребъ близь бывшаго Камчатскаго люнета, причемъ французы потеряли до 40 человѣкъ убитыми и 140 ранеными.

Союзные главнокомандующіе рѣшили штурмовать Севастополь и съ этою цѣлью за нѣсколько дней положили усилить канонаду по всей линіи, такъ что имѣлось въ виду начать штурмъ, когда будетъ замѣчено ослабленіе огня съ нашей стороны.

Съ 24-го августа открыта сильнѣйшая канонада со всѣхъ 117-ти осадныхъ батарей, на которыхъ въ это время находилось 792 орудія. Изъ нихъ дѣйствовали противъ праваго фланга оборонительной линіи, именно: противъ 1-го отдѣленія 13 батарей—83 орудія, противъ 5-го бастіона 19 батарей—134 орудія, противъ 4-го бастіона 19 батарей—129 орудій. Противъ лѣваго фланга оборонительной линіи: французскихъ 34 батареи—267 орудій и англійскихъ 32 батареи — 179 орудій. Какъ 24-го числа, такъ и въ послѣдующіе дни непріятель открывалъ канонаду залпами и продолжалъ бѣглымъ огнемъ. По временамъ огонь ослабѣвалъ или вовсе прекращался и черезъ нѣсколько часовъ, по данному сигналу, снова возобновлялся съ прежнею силою. Наибольшее число снарядовъ ложилось на Малаховомъ курганѣ, куда, кромѣ обыкновенныхъ снарядовъ, непріятель бросалъ еще разрывныя бочки.

Въ одинъ день 24-го числа союзники выпустили 70,000 ядеръ, до 16,000 бомбъ и множество ракетъ. Въ этотъ день у насъ сгорѣлъ на рейдѣ отъ попавшей въ него бомбы транспортъ «Дунай»; въ слѣдующій день сгорѣлъ фрегатъ «Коварна»; а 26 числа ракета взорвала барказъ съ 140

пудами пороха, причемъ отъ того же взрыва затопило второй, рядомъ стоящій, барказъ. Въ городѣ же былъ постоянно пожаръ, такъ какъ городскія зданія загорались въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Въ это время было почти невозможно исправлять всѣ поврежденія на нашихъ укрѣпленіяхъ. Правая половина еще отвѣчала по временамъ непріятелю равносильнымъ огнемъ, но лѣвая была вынуждена замолчать почти совершенно. Мы теряли ежедневно въ эти дни до 2,000 человѣкъ.

XVIII.

ШТУРМЪ СЕВАСТОПОЛЯ

27-го августа 1855 г.

(Диспозиція непріятеля для штурма 27-го августа.—Расположеніе нашихъ войскъ въ Севастополѣ и окрестностяхъ 27-го августа.—Положеніе Малахова кургана и 2-го бастіона въ день штурма 27-го августа.—Отбитіе штурма отъ 2-го бастіона. — Взятіе французовъ Малахова кургана. — Отбитіе англичанъ отъ 3-го бастіона.—Отбитіе французовъ отъ 5-го бастіона, люнета Бѣлкина и редута Шварца).

Видя, наконецъ, замѣтное ослабленіе крѣпостнаго огня, союзники рѣшили произвести штурмъ всѣми силами въ полдень 27-го августа. Пелисье, по соглашенію съ главнокомандующими англійскихъ и сардинскихъ войскъ, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Для атаки правой половины оборонительной линіи назначены были подъ общей командой де-Саля первый корпусъ французскихъ войскъ и сардинскій корпусъ по слѣдующему росписанію:

Для атаки *5-го бастіона*:

	Бригады.	Полки.	Баталіоны.
Дивизія Левальяна.	Кустона.	21, 42.	9 стрѣлков.
	Трошю.	46, 48.	

Для атаки *горжи 4-го бастіона*:

	Бригады.	Полки.	Баталіоны.
Дивизія д'Отмара [1]	Ніоля.	19, 26.	5 стрѣлков.
	Бретона.	39, 74.	

Къ этимъ двумъ дивизіямъ былъ назначенъ сильный резервъ, состоящій изъ цѣлыхъ двухъ дивизій въ слѣдующемъ составѣ:

	Бригады.	Полки.	Баталіоны.
Дивизія Пате . .	Бере.	28, 98.	6 стрѣлков.
	Базена 1-й и 2-й иностран. лег.		
» Буату . .	Лефевра.	18, 79.	10 стрѣлков.
	Ларокетта.	14, 43.	

Противъ праваго фланга *4-го бастіона* былъ назначенъ Сардинскій корпусъ Чальдини.

Всѣми этими войсками противъ нашей правой оборонительной линіи назначенъ былъ командовать корпусный командиръ 1-го корпуса де-Саль, у котораго, кромѣ вышеупомянутыхъ войскъ, находилась еще въ распоряженіи бригада Соля (30-й и 35-й полки), только что прибывшая изъ Константинополя. Эта бригада назначена на крайній лѣвый флангъ непріятельской линіи.

Для атаки лѣвой половины оборонительной линіи назначены были войска 2-го французскаго корпуса и англійскія войска по слѣдующему росписанію:

Противъ *Малахова кургана*:

	Бригады.	Полки.	Баталіоны.
Дивизія Магъ-Магона	Декана.	7 и 1 зуавовъ.	
	Винуа.	20, 27.	1 стрѣлков.

Изъ дивизіи Каму Вимфера 50-й и 3-й зуавовъ Алжир. стрѣл.

Кромѣ этихъ войскъ, которыя всѣ состояли подъ спеціальной командой Магъ-Магона, къ нему назначено было

[1]) Эта дивизія должна была слѣдовать за дивизіей Левальяна.

еще два баталіона гвардіи и три баталіона зуавовъ полковника Жанена.

Для атаки *Куртины:*

	Бригады.	Полки.	Баталіоны.
Дивизія де-ла-Мотружа	Бурбаки.	86, 100.	4 стрѣлков.
	Пикара.	49, 91.	

Для атаки *2-го бастіона:*

	Бригады.	Полки.	Баталіоны.
Дивизія Дюлака .	Сентъ-Поля.	57, 85.	17 стрѣлков.
	Бокона.	10, 61.	

Въ резервѣ изъ этихъ двухъ дивизій находилась изъ дивизіи д'Ореля бригада Мороля—15-й и 96-ой полки.

Въ общій же резервъ противъ Корабельной была назначена дивизія Мелене, состоявшая изъ бригадъ Понтеза (два полка вольтижеровъ) и Фальи (два полка гвардейскихъ гренадеръ).

Общимъ начальникомъ войскъ, назначенныхъ для атаки Малахова кургана, Куртины и 2-го бастіона, былъ командиръ 2-го французскаго корпуса Боске.

Для *атаки 3-го бастіона* были назначены англійскія войска: въ 1-ю линію—дивизія Кодрингтона и Маркгама, всего до 4,000 человѣкъ [1]); во 2-ю же линію—дивизіи Кемпбеля и Эйра.

Всѣ непріятельскія войска, назначенныя для штурма нашей оборонительной линіи, были размѣщены въ ближайшихъ къ нашимъ веркамъ траншеяхъ, гдѣ заблаговременно были приготовлены плацдармы и выходы. При каждой колоннѣ находились команды артиллеристовъ и инженеровъ, и нѣсколько полевыхъ батарей было расположено такимъ

---

[1]) Изъ этихъ войскъ для первой атаки назначено было всего 1,000 человѣкъ, подъ командой полковника Виндгама, изъ опасенія, чтобы люди не запутались въ подступахъ.

образомъ, чтобы имѣть возможность при случаѣ быстро вступить въ дѣло.

Генералу Гербиліону, командующему войсками на позиціяхъ лѣваго берега рѣчки Черной, приказано быть въ полной готовности къ бою, а д'Алонвилю — сосредоточить свой отрядъ въ Байдарской долинѣ.

Подъ командой Гербиліона въ это время были слѣдующія войска: его дивизія, дивизія Фоше, одна бригада дивизіи Каму, одна бригада дивизіи д'Ореля, дивизія Африканскихъ конныхъ егерей Морриса и кирасирская бригада Фортона. А у Гастфоры горы сардинскія войска подъ командой Ламарморы состояли изъ четырехъ бригадъ пѣхоты, одного кавалерійскаго полка и пяти батарей. У д'Алонвиля, въ Байдарской долинѣ, было нѣсколько баталіоновъ пѣхоты, одна гусарская и одна драгунская бригады.

Вообще на позиціяхъ рѣчки Черной у Гербиліона, д'Алонвиля и Ламарморы было до 3-хъ тысячъ человѣкъ.

Въ общемъ резервѣ союзники имѣли: англійскія пѣхотныя дивизіи Рокеби и Бентинка и кавалерійскую дивизію Скерлета, всего до 8,000 человѣкъ, и турецкія войска Османъ-паши, въ числѣ до 20,000.

Утромъ 27-го августа наши войска занимали въ Севастополѣ слѣдующія мѣста:

Правая половина оборонительной линіи.

Начальникъ ген.-лейтенантъ Семякинъ, и помощникъ ген.-маіоръ Хрущовъ.

1-ое отдѣленіе.

Капит. 1-го ранга Зоринъ; начальникъ артиллеріи капит. 2-го ранга Данилевскій.

На редутѣ № 10 . . . 13-й резервной дивизіи баталіонъ Виленскаго полка.

На бастіонѣ № 5 . . . 5-й дивизіи Архангелогородскій полкъ; командиръ полков-

	никъ князь Лобановъ-Ростовскій.
Между 6-мъ и 7-мъ бастіонами и батареей Шемякина	14-й дивизіи Волынскій полкъ; командиръ полковникъ Де Сентъ-Лоранъ.
На бастіонѣ № 6 . . .	13-й резервной дивизіи одинъ баталіонъ Брестскаго полка.
Левѣе 6-го бастіона . .	14-й дивизіи Минскій полкъ; командиръ подполковникъ Матвѣевъ.
На Ростиславскомъ редутѣ	16-й дивизіи одинъ баталіонъ Углицкаго полка [1]); командиръ подполковникъ Поповъ.
На люнетѣ Бѣлкина и Чесменскомъ редутѣ . . .	14-й дивизіи Подольскій полкъ; полковникъ Аллениковъ.
На бастіонѣ № 5 . . .	13-й резервной дивизіи одинъ баталіонъ Бѣлостокскаго полка.
На редутѣ Шварца . .	14-й дивизія Житомірскій полкъ; командиръ полков. Де-Жерве.
За Ростиславскимъ редутомъ	7-й резервной дивизіи Смоленскій резервный полкъ [2]); командиръ полковникъ Оклобжіо.

Хотя на этомъ отдѣленіи были всѣ четыре полка 14-й дивизіи, но начальникъ оной ген.-маіоръ Моллеръ жилъ

---

[1]) Другой баталіонъ этого полка находился въ минахъ.

[2]) Поставленъ во время штурма изъ общаго резерва.

въ Николаевской батареѣ и никогда не показывался на бастіонахъ. Изъ бригадныхъ же командировъ ген. Бальцъ явился послѣ отбитія штурма, а князь Воронцовъ былъ раненъ еще 1-го августа.

2-ое отдѣленіе.

Начальникъ генер.-маіоръ Шульцъ. Начальникъ артиллеріи капитанъ-лейтенантъ Чебышевъ. Офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Вессель.

Въ траншеѣ отъ редута Шварца . . . . 10-й дивизіи Екатеринбургскій полкъ; командиръ полковникъ Веревкинъ.

На 4-мъ бастіонѣ . . . 10-й дивизіи Томскій полкъ, полковникъ Лисаевскій; Колыванскій, полковникъ Лидовъ, и Тобольскій—полковникъ Зеленый.

Лѣвая половина оборонительной линіи.

Начальникъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

3-е отдѣленіе.

Начальникъ капитанъ 1-го ранга Перелешинъ. Войсками же въ отдѣленіи командовалъ генер.-лейтенантъ Павловъ.

На 3-мъ бастіонѣ и прилегавшихъ батареяхъ . . . 16-й дивизіи Владимірскій полкъ—командиръ полк. Венцель; Суздальскій—полковникъ Дараганъ, и сводный резервный баталіонъ Минскаго и Волынскаго полковъ — полковникъ Масловъ.

Въ резервѣ за этимъ отдѣленіемъ: 11-й дивизіи полки Селенгинскій—полковникъ Мезенцовъ, Якутскій—полков-

никъ Велькъ и Охотскій—полковникъ Малевскій, и кромѣ того еще Камчатскій полкъ.

4-ое отдѣленіе.

Исправл. должность начальника капитанъ-лейтенантъ Карповъ; командовалъ войсками ген.-маіоръ Буссау.

На Малаховомъ курганѣ 15-й резервной дивизіи[1]) Модлинскій полкъ — полковникъ Аршеневскій; Прагскій — полковникъ Фрейндъ; Люблинскій — полковникъ Мазараки; Замостцкій—полковникъ Свиридовъ[2]).

На батареѣ Жерве—16 дивизіи Казанскій полкъ.

Въ резервѣ за этимъ отдѣленіемъ была 9-я дивизія ген. Лысенко; полки: Елецкій, Сѣвскій—маіоръ Новацкій; Брянскій—подполковникъ Домбровскій[3]) и Орловскій—подполковникъ Клокачевъ.

5-ое отдѣленіе.

Начальникъ капитанъ 1-го ранга Перелешинъ.

На Куртинѣ . . . . . 6-й дивизіи Муромскій полкъ; полковникъ Ничекъ.

За куртиной на 2-й оборонительной линіи . . . . 4-й дивизіи Бѣлозерскій полкъ.

На 2-мъ бастіонѣ . . . 4-й дивизіи Олонецкій полкъ.

На 1-мъ бастіонѣ и курганѣ между 1-мъ и 2-мъ бастіонами . . . . 8-й дивизіи Кременчугскій полкъ.

---

[1]) Командиръ этой дивизіи былъ въ отпуску.

[2]) Кромѣ того на Малаховомъ курганѣ на работахъ находилось нѣсколько ротъ Орловскаго полка.

[3]) Вмѣсто полковника Гана, раненаго.

Въ резервѣ за этимъ отдѣленіемъ остальные полки 8-й дивизіи, Забалканскій, Полтавскій и Алексопольскій, подъ начальствомъ генерала Собашинскаго.

Всего для обороны Корабельной имѣлось: 77 баталіоновъ, въ числѣ 35,000 человѣкъ и, кромѣ того, въ видѣ *главнаго резерва*, были собраны 4-й дивизіи полки Шлиссельбургскій и Ладожскій; 5-й дивизіи полки Костромской и Галицкій; 6-й дивизіи полки Низовскій и Симбирскій и нѣсколько дружинъ Курскаго ополченія, такъ что этотъ резервъ былъ въ составѣ 24-хъ баталіоновъ, численностью 10,000 человѣкъ, и нѣсколько дружинъ ополченія.

Затѣмъ уже во время самаго штурма переведены были на Корабельную еще три полка 12-ой дивизіи ген.-лейт. Мартинау—Азовскій, Украинскій и Одесскій.

Такимъ образомъ, въ день штурма 27-го августа находилось въ Севастополѣ три полка 4-й дивизіи ген.-лейтенанта Шепелева; четыре полка 5-й дивизіи ген.-маіора Вранкена (боленъ); три—6-й дивизіи ген.-лейтенан. Бельгарда (находился при своемъ четвертомъ полку); четыре—8-й дивизіи ген.-маіора Урусова (боленъ); четыре—9-й дивизіи ген.-лейнтен. Лысенко; четыре—10-й дивизіи ген.-лейтен. Семякина; четыре—11-й дивизіи ген.-лейтенант. Павлова; три—12-й дивизіи ген.-лейтенанта Мартинау; четыре—14 дивизіи ген.-лейтенант. Моллера (на Николаевской батареѣ); четыре—16-й дивизіи ген.-лейтенанта Рененкампфа; четыре—15-й резервной дивизіи ген.-маіора Липскаго (въ отпуску); одинъ Смоленскій резервный полкъ; четыре резервныхъ баталіона 13-й и 14-й дивизій и дружины Курскаго ополченія. Всего до 75,000 человѣкъ.

Въ окрестностяхъ же Севастополя находились: одинъ полкъ 4-й дивизіи, одинъ—6-й дивизіи съ ген.-лейтенантомъ Бельгардомъ, четыре—7-й дивизіи съ ген.-лейтенантомъ Ушаковымъ, одинъ—12-й дивизіи и четыре—17-й дивизіи съ генералъ-лейтенантомъ Веселитскимъ.

Въ то время, какъ союзники готовились штурмовать Севастополь, устремляя главную атаку на Малаховъ курганъ, бастіоны Корниловъ и № 2 находились въ слѣдующемъ положеніи: Малахова башня, устроенная для трехъярусной обороны, была разрушена до такой степени, что оставался лишь нижній этажъ съ бойницами для ружейной обороны. Первоначально эта башня обнесена была землянымъ валомъ, названнымъ бастіономъ Корнилова, къ которому французы подвели подступы на 35 шаговъ. Къ башнѣ съ обѣихъ сторонъ примыкалъ валъ, составлявшій горжу первоначальнаго Корнилова бастіона. Впослѣдствіи наши инженеры обратили ломанную горжевую линію первоначальнаго -бастіона въ фасы новаго бастіона, продолжали ихъ такъ, чтобы каждый изъ фасовъ былъ длиною въ 70 сажень, придѣлали къ нимъ фланги по 6 сажень и сомкнули ихъ землянымъ валомъ со рвомъ, обращеннымъ къ Корабельной слободкѣ. Всѣ насыпи возвышены до 20 футовъ, а рвы имѣли 23 фута въ ширину и 20 футовъ въ глубину. Чтобы въ этомъ фортѣ можно было держать значительное количество гарнизона, устроены были въ насыпяхъ блиндажи. Бастіонъ вооружили 62-мя орудіями большаго колибра.

2-й бастіонъ состоялъ въ октябрѣ 1854 года изъ флеши, обращенной уже впослѣдствіи въ бастіонъ; замкнутый съ горжи плечный уголъ этого бастіона былъ соединенъ съ первоначальнаго Корнилова бастіона куртиной. Она вооружена 16 орудіями и не имѣла рва достаточной глубины. Впослѣдствіи, сзади этой куртины построена другая, соединявшая горжи Малахова кургана и 2 го бастіона. Впрочемъ, задняя куртина въ день штурма 27-го августа была весьма въ неудовлетворительномъ состояніи. За всѣми валами Корнилова и 2-го бастіона устроены были траверсы.

Съ разсвѣтомъ 27-го августа непріятель возобновилъ

усиленную канонаду по всему протяженію нашей оборонительной линіи, и такъ какъ французы полагали, что мѣстность впереди Корнилова бастіона была минирована, то въ восемь часовъ утра взорвали впереди главной полупараллели три усиленныхъ подкопа, каждый заряженный 25-ю пудами пороха.

Нашимъ неоконченнымъ галлереямъ эти взрывы не сдѣлали вреда, но оказали дѣйствіе каменнометныхъ фугасовъ. Въ то же время передъ редутомъ Шварца были также взорваны два каменометныхъ фугаса, заряженный каждый 5-ю пудами пороха. Этими взрывами были еще болѣе обрушены бруствера и мерлоны Корнилова бастіона и редута Шварца.

Подобно прежнимъ днямъ, около 9-ти часовъ утра непріятель ослабилъ канонаду, а около полудня сдѣлалъ три залпа изъ всѣхъ батарей.

По этому сигналу густыя цѣпи стрѣлковъ, поддержанныхъ колоннами, бросились одновременно и стремительно на исходящіе углы бастіоновъ № 2-й и Корнилова.

Французы вскочили на 2-й бастіонъ, оттѣснили баталіонъ Олонецкаго полка и, заклепавъ часть орудій, достигли до второй оборонительной линіи; но оттуда маіоръ Ярошинскій съ баталіономъ Бѣлозерскаго полка прогналъ ихъ штыками.

Въ первую минуту непріятель прорвался также у *рогатки* (посреди куртины), близъ 12-й пушечной батареи, и опрокинулъ Муромскій полкъ, но подоспѣвшіе сѣвцы выбили его оттуда штыками.

Затѣмъ ген.-маіоръ Собашинскій съ тремя полками 8-й дивизіи: Забалканскимъ, Полтавскимъ и Алексопольскимъ подоспѣлъ ко 2-му бастіону, выбилъ непріятеля и отбилъ три послѣдующія атаки его на этотъ пунктъ.

Въ то же время три парохода, подойдя къ устью Киленъ-бухты, осыпали бомбами все пространство, пересѣ-

ченное непріятельскими апрошами, нанося жестокій уронъ наполнявшимъ ихъ войскамъ. Равно и батареи сѣверной стороны открыли усиленную стрѣльбу бомбами и гранатами по штурмовымъ колоннамъ и траншеямъ и тѣмъ остановили дальнѣйшее покушеніе непріятеля.

Противъ Корнилова бастіона во главѣ дивизіи Магъ-Магона шли дивизія Декана и 1-ый стрѣлковый баталіонъ, и, когда стрѣлки цѣпи переходили ровъ и влѣзали на валъ исходящаго угла, зуавы кинулись вправо и, набросавъ мостки у лѣваго плечеваго угла внутренней ограды бастіона, вскочили на валъ и отбросили Пронскій резервный полкъ. Ген.-маіоръ Буссау и командиръ Пронскаго полка полковникъ Фрейндъ были убиты, и французы заняли бастіонъ почти безъ сопротивленія, такъ какъ на банкетахъ никого не было. Французское знамя было водружено на лѣвомъ плечевомъ углѣ, гдѣ оно такъ и осталось.

Ген.-лейтенантъ Хрулевъ бросился съ Ладожскимъ полкомъ къ горжѣ бастіона, но былъ раненъ въ руку. Старшимъ послѣ него въ этой части Корабельной былъ ген.-лейтенантъ Лысенко; его также тяжело ранили, а вслѣдъ затѣмъ убитъ Юферовъ; начальство надъ толпою солдатъ около Малахова кургана принялъ, только что прибывшій на Корабельную съ тремя полками 12-й дивизіи, ген.-лейтенантъ Мартинау, но и у него оторвало руку.

Гарнизонъ кургана дрался нѣкоторое время за траверсами бастіона, а около двухъ часовъ пополудни отошелъ за горжу и тамъ часть его держалась до сумерокъ. Нѣсколько смѣльчаковъ, въ томъ числѣ офицеръ Юній, долго защищались въ башнѣ и нанесли значительный вредъ непріятелю. Они сдались, когда истощились всѣ средства защиты.

По случаю выбытія изъ строя старшихъ начальниковъ въ войскахъ, столпившихся у Малахова кургана, произошелъ большой безпорядокъ. Трудно было предпринять что-

либо серьезное съ этой толпой и попытаться отнять курганъ, къ тому же горжа представляла большое препятствіе для атаки. Поэтому мы потеряли Малаховъ курганъ безвозвратно.

Кромѣ главной атаки, на Корниловъ бастіонъ, Пелисье отрядилъ одинъ изъ полковъ бригады Винуа противъ праваго фланга этого бастіона и батареи Жерве. Французы ворвались на батарею и, дѣйствительно, оттѣснили Рязанскій полкъ къ 4-хъ пушечной батареѣ, обстрѣливавшей 3-й бастіонъ. Но направленный для поддержки рязанцевъ Хрулевымъ Костромской полкъ выстроился за второй оборонительной линіей и остановилъ дальнѣйшій успѣхъ непріятеля на этомъ пунктѣ.

Въ $12^1/_2$ часовъ по сигналу, данному Пелисье тремя ракетами, штурмовая колонна полковника Виндгама устремилась къ 3-му бастіону. Стрѣлки, прикрывавшіе рабочихъ и колонну, не взирая на картечный огонь, дошли до самаго рва, глубиною около 2-хъ сажень, спустились въ него и влѣзли на валъ противъ лѣваго плечнаго угла. Сначала Владимірскій полкъ былъ оттѣсненъ за траверсы, но потомъ, поддержанный ротами Якутскаго и Камчатскаго полковъ, выбилъ англичанъ штыками и англичане были принуждены ретироваться въ свои траншеи подъ картечнымъ огнемъ съ нашихъ батарей.

Между тѣмъ, генералъ Павловъ, въ ожиданіи новаго нападенія, усилилъ гарнизонъ бастіона Селенгинскимъ полкомъ изъ резерва.

Дѣйствительно, генералъ Кондрингтонъ, подкрѣпивъ Виндгама резервами изъ 2-ой и легкой дивизіи, отправилъ его вторично на приступъ 3-го бастіона, но эта атака, произведенная весьма растянутымъ фронтомъ не только противъ бастіона, но и противъ прилегавшихъ батарей, также не имѣла успѣха.

Войска, повторившія нападеніе на исходящій уголъ

бастіона, были отражены Селенгинскимъ полкомъ, причемъ командиръ полка, полковникъ Мезенцовъ, убитъ, а нападавщія на батарею Будищева и Яновскаго были отбиты Суздальскимъ и Якутскимъ полками и дружиной Курскаго ополченія въ тоже время, какъ сводный резервный баталіонъ Волынскаго и Минскаго полковъ удерживалъ непріятеля, пытавшагося овладѣть штурмовыми батареями Артюкова, Потемкина, Зубова и Никонова. Англичане принуждены были, наконецъ, отступить; но, оправившись нѣсколько, еще разъ возобновили атаку и снова пошли на приступъ; однако, бывъ встрѣчены этотъ разъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, убрались въ свои траншеи. Только одна часть англійскихъ войскъ засѣла во рву и производила оттуда пальбу до тѣхъ поръ, пока 48 охотниковъ Владимірскаго полка съ прапорщикомъ Дубровинымъ не выбили оттуда непріятеля штыками.

Такимъ образомъ, ко второму часу всѣ атаки англичанъ на 3-й бастіонъ были отбиты и укрѣпленіе обратило часть своихъ орудій противъ занятаго непріятелемъ Малахова кургана.

Еще въ часъ дня Пелисье подалъ сигналъ начать атаку противъ нашихъ укрѣпленій городской части, но де-Саль не замѣтилъ сигнала и повелъ атаку лишь въ $2^1/_2$ часа, когда привезъ ему приказаніе объ этомъ адъютантъ главнокомандующаго.

Въ $2^1/_2$ часа густая цѣпь охотниковъ изъ ближайшихъ къ намъ траншей двинулась на люнетъ Бѣлкина, а вслѣдъ за цѣпью двинулись и колонны, въ числѣ около 10,000 человѣкъ. Французы быстро спустились въ лощину, но, попавъ подъ сильный картечный огонь съ люнета Бѣлкина, батареи Будакова, 6-го бастіона и батареи Шемякина, свернули вправо, по направленію къ другимъ войскамъ, стрѣмившимся въ эту минуту на исходящій уголъ 5-го бастіона, которыя, не смотря на нашъ огонь, все-таки достигли рва

и начали уже взбираться на валъ бастіона; но командиръ Подольскаго полка, полковникъ Алепиковъ, двинулъ резервъ на встрѣчу атакующимъ и быстрымъ натискомъ не допустилъ непріятеля на гребень бруствера, сбросилъ его штыками въ ровъ и принудилъ къ отступленію.

Въ то время, когда непріятель, отброшенный отъ 5-го бастіона, отступалъ въ свои траншеи, новыя колонны бросились на редутъ Шварца. Французы стрѣмительно перешли ровъ и начали взбираться на брустверъ праваго фаса, который не могъ быть обстрѣленъ фланговымъ огнемъ, потому что непріятель предварительно сбилъ орудія. Это обстоятельство дало возможность непріятелю взобраться на валъ и онъ ворвался въ правую половину редута, между тѣмъ какъ атака на исходящій уголъ и лѣвый фасъ была отброшена нашимъ огнемъ, такъ что половина редута въ первое время была занята французами и наши войска (Житомирскій полкъ) удержали французовъ за траверсомъ, раздѣливши редутъ на двѣ части.

Видя успѣхъ непріятеля на правой половинѣ редута, я [1]) послалъ на помощь житомирцамъ два баталіона Минскаго полка; въ то же время командиръ Екатеринбургскаго полка полковникъ Веревникъ, занимавшій траншею между 4-мъ бастіономъ и редутомъ Шварца, бросился съ двумя ротами къ атакованному редуту. Совокупнымъ ударомъ житомирцевъ, минцевъ и екатеринбургцевъ непріятель, наконецъ, былъ прогнанъ изъ укрѣпленія съ огромнымъ урономъ, такъ что вся площадь редута была завалена тѣлами французовъ.

Французскія войска, атаковавшія 5-й бастіонъ и прилежащія укрѣпленія, сильно поражаемыя картечнымъ и ру-

---

[1]) Во время штурма, по порученію ген.-лейтенанта Семякина, я командовалъ атакованною частью 1-го отдѣленія съ полною отвѣтственностью за свои распоряженія.

жейнымъ огнемъ, отступили въ свои траншеи и не возобновляли нападенія.

Слѣдствія отбитія штурма отъ 5-го бастіона и редута Шварца были весьма важны: такъ какъ французскій главнокомандующій нашелся вынужденнымъ отказаться отъ своего рѣшенія атаковать 4-й бастіонъ, и благодаря этому, войска наши могли въ ту же ночь безпрепятственно перейти на сѣверную сторону, что было бы сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями, если бы непріятелю удалось овладѣть укрѣпленіями лѣваго фланга 1-го отдѣленія и утвердиться въ нихъ.

При атакѣ на эти верки непріятель понесъ огромную потерю, что доказываетъ убыль непріятельскихъ генераловъ: убиты начальникъ штаба 1-го корпуса Риве и бригадный командиръ Бретонъ; ранены бригадные командиры Кустонъ и Трошю; взятъ въ плѣнъ командиръ 46-го линейнаго полка Баннеръ.

XIX.

(Переходъ войскъ на сѣверную сторону.—Потеря на штурмѣ 27-го августа.—Общая убыль во время Крымской компаніи).

Главнокомандующій самъ былъ на Корабельной и лично убѣдился, что отнятіе у французовъ Малахова кургана потребовало бы огромныхъ жертвъ. И такъ, рѣшаясь оставить южную сторону Севастополя, князь Горчаковъ приказалъ ген.-лейтенанту Шепелеву, принявшему начальство надъ войсками Корабельной послѣ раненаго Мартинау, воспрепятствовать непріятелю дебушировать въ городъ, удерживая до ночи разоренныя строенія на сѣверной покатости кургана, что и было исполнено. Впрочемъ, непріятель и не думалъ спускаться изъ занятой имъ части Малахова кургана.

По возвращеніи князя съ Корабельной на Николаевскую батарею, составлена была краткая диспозиція къ пе-

реводу войскъ на сѣверную сторону. Приказано было оставить на бастіонахъ и батареяхъ по нѣсколько человѣкъ прислуги при орудіяхъ и охотниковъ для поддержанія перестрѣлки съ непріятелемъ; назначены часы, когда и какимъ войскамъ сходить съ бастіоновъ и куда слѣдовать и, наконецъ, названы полки для прикрытія отступленія.

На Корабельной для прикрытія отступленія назначены полки: Азовскій и Одесскій, а на Городской—полки: Тобольскій — полковникъ Зеленый, Волынскій — полковникъ Сентъ-Лоранъ, и Минскій—полковникъ Матвѣевъ. Начальство надъ послѣдними тремя полками было поручено мнѣ.

Сказанную диспозиціею привезъ къ намъ полковникъ Циммерманъ въ шестомъ часу вечера, вскорѣ послѣ возвращенія моего съ редута Шварца. Семякинъ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія первымъ двумъ отдѣленіямъ, а я приказалъ полкамъ, назначеннымъ въ арріергардъ, стать на баррикадахъ: Тобольскому полку на Екатерининской улицѣ, впереди поворота на мостъ Южной-бухты, Волынскому—на горѣ, близь Библіотеки и Волохова дома, и Минскому—на улицахъ, правѣе горы, до Артиллерійской бухты. Патрули всѣхъ трехъ полковъ доходили до оборонительной линіи. Полки эти [1]), краса и честь Крымской арміи, расположились на указанныхъ имъ мѣстахъ, съ твердой рѣшимостью скорѣе умереть, чѣмъ отступить до перехода всѣхъ войскъ черезъ мостъ.

Передъ сумерками началось отступленіе. Въ первое время былъ страшный безпорядокъ и неурядица у моста, но во второмъ часу ночи князю Васильчикову удалось возстановить возможный порядокъ.

Такъ какъ полевая артиллерія и полковые полуфурки, на которыхъ развозились по баталіонамъ снаряды, затруднили бы и замедлили переходъ войскъ черезъ мосты, то,

---

[1]) Въ весьма маломъ, двухъ-баталіонномъ, составѣ.

съ разрѣшенія главнокомандующаго. генералы Крыжановскій и Шейдеманъ потопили въ Южной бухтѣ до 80-ти орудій (лошадей отъ нихъ перевели), а полуфурки были сожжены.

Около полуночи на бастіонахъ не было уже войска; осталось лишь нѣсколько добросовѣстныхъ охотниковъ и моряковъ-артиллеристовъ.

По распоряженію начальства городъ былъ зажженъ во многихъ мѣстахъ; пороховые погреба слѣдовало взорвать передъ разсвѣтомъ. Но взрывы начались гораздо ранѣе. Говорятъ, что на Корабельной части былъ страшный безпорядокъ. Азовскій полкъ, не будучи вовсе безпокоимъ непріятелемъ, бросилъ свой постъ и присоединился толпами къ отступавшимъ войскамъ, а командиръ полка полковникъ Норденштренгъ не имѣлъ ни воли, ни энергіи удержать на мѣстѣ ввѣренную ему часть. Этому постыдному дѣлу не дано гласности, и хотя у Норденштренга взяли черезъ нѣсколько дней полкъ, но произвели въ генералъ-маіоры за сраженіе 4-го августа.

Переходъ на Сѣверную сторону продолжался до $7^1/_2$ часовъ утра 28-го августа. Во время переправы непріятель не тревожилъ насъ, и только изрѣдка бросалъ бомбы, которыя впрочемъ не попадали на мостъ. Мой арріергардъ началъ отступленіе около 8-ми часовъ утра, и я имѣлъ честь послѣднимъ переѣхать мостъ. Ген.-лейтенантъ Бухмейеръ, стоявшій все время на мосту, построеніе котораго по его мысли и подъ непосредственнымъ его распоряженіемъ обезпечило отступленіе гарнизона, увидя меня, сказалъ: «Вы заключаете шествіе, вы точка; я развожу мостъ».

Графъ Сакенъ и князь Васильчиковъ оставались до конца въ городѣ и переѣхали черезъ мостъ съ арріергардомъ.

Въ ночь на 28-ое августа были затоплены въ рейдѣ

корабли: «Парижъ», «Храбрый», «Константинъ», «Марія», «Чесма» и фрегатъ «Кулевча». Девять пароходовъ, по снятіи съ нихъ орудій, были затоплены 30-го числа.

Утромъ 28-го взорвали наши береговыя батареи 7-ю, 8-ю, 10-ю и Александровскую, а около двухъ часовъ пополудни взлѣтѣла на воздухъ Павловская батарея.

На штурмѣ 27-го августа убиты: ген.-маіоры Буссау и Юферовъ, командиры полковъ: полковники Мезенцовъ, Аршеневскій, Нейдгардъ и Фрейндъ, командиръ батареи Сѣверной стороны капитанъ 2-го ранга Коцебу, флигель-адъютантъ Воейковъ, генеральнаго штаба капитанъ Мейндорфъ и многіе другіе. Ранены генералы: Хрулевъ, Мартинау, Лысенко (вскорѣ умеръ) и Зуровъ. Всего убито: 2 генерала, 60 офицеровъ и 2,625 нижнихъ чиновъ. Контужено: 47 офицеромъ и 1,138 нижнихъ чиновъ. Пропало безъ вѣсти: 24 офицера и 1,739 нижнихъ чиновъ. Итого выбыло изъ строя 6 генераловъ, 40 штабъ-офицеровъ, 323 оберъ-офицера и 11,328 нижнихъ чиновъ. Всего 11,697 человѣкъ.

Союзники показали уронъ вообще въ 9,797 человѣкъ; въ томъ числѣ французовъ 7,309, англичанъ 2,447 и сардинцевъ 40 человѣкъ; но потеря должна была быть гораздо значительнѣй. Французскихъ генераловъ убито 5, ранено 4 и контужено 6. Боске раненъ осколкомъ бомбы. Вмѣсто него начальство надъ войсками въ дѣлѣ принялъ Дюлакъ.

Таковъ былъ послѣдній день 11½ мѣсячной обороны Севастополя.

Общая убыль во все время Крымской компаніи по 27-ое августа 1855 года состояла изъ слѣдующаго числа убитыхъ, раненыхъ и контуженыхъ.

Въ стѣнахъ Севастополя:

Съ 15-го сентября по 19-е ноября 1854 года 1,600 чел. (примѣрно).

Съ 19-го ноября по 1-е января 1855 года 1,629 человѣкъ.

1855	года	въ	январѣ	745	человѣкъ.
»	»	»	февралѣ	1,020	» [1])
»	»	»	мартѣ	7,330	» [2])
»	»	»	апрѣлѣ	8,700	» [3])
»	»	»	маѣ	13,927	» [4])
»	»	»	іюнѣ	9,207	» [1])
»	»	»	іюлѣ	7,581	»
»	»	»	августѣ	28,700	» [2])
			Итого	80,439	человѣкъ [3]).

Въ полевыхъ дѣлахъ:

1854 г.	8-го	сентября	на рѣкѣ Альмѣ	6,000	чел.
» »	13-го	октября	у Балаклавы	200	»
» »	24-го	»	на Инкерманѣ и вылазкѣ Тимофѣева	9,000	»

---

[1]) Въ томъ числѣ въ дѣлѣ 12-го февраля убито 69, ранено 236, пропало безъ вѣсти 3 человѣка. Итого 7 офицеровъ, 301 нижнихъ чиновъ.

[2]) Въ томъ числѣ 3-го и 5-го марта передъ Камчатскимъ люнетомъ убито 42 чел., ранено 535 челов., безъ вѣсти пропало 18. Итого: 14 офицеровъ, 581 нижнихъ чиновъ.

10-го и 11-го марта при вылазкѣ Хрулева убито 179, ранено 1,356, пропало безъ вѣсти 225 чел. Итого: 37 офиц., 1,723 ниж. чиновъ.

[3]) Въ томъ числѣ 12-го апрѣля передъ редутомъ Шварца убито 58, ранено 326, пропало безъ вѣсти 6 чел. Итого: 18 офиц., 342 ниж. чиновъ.

[4]) Въ томъ числѣ 10-го и 11-го мая передъ кладбищемъ убито 1,080 чел., ранено 2,224, пропало безъ вѣсти 88. Итого: 82 офиц., 3,311 ниж. чиновъ.

Съ 25-го по 30-ое мая убито 1,539 человѣкъ, ранено 5,948, пропало безъ вѣсти 924. Итого: 265 офицеровъ и 8,146 ниж. чиновъ.

[1]) Въ томъ числѣ 5-го и 6-го іюня. Во время штурма убито 797, ранено 4,026, пропало безъ вѣсти 17. Итого: 95 офицеровъ и 4,745 ниж. чиновъ.

[2]) Въ томъ числѣ во время штурма 27-го августа убито 2,687 чел., ранено 6,062, контужено 1,185, безъ вѣсти пропало 1,762. Итого: 369 офицеровъ и 11,328 ниж. чиновъ.

[3]) Изъ этого числа		убито	14,000,	въ	томъ	числѣ	300 офиц.
»	»	» ранено	49,000,	»	»	»	900 »
»	»	» контужено	14,000,	»	»	»	150 »
»	»	» безъ вѣсти пропало	3,000,	»	»	»	40 »

1856 »	5-го февраля при Евпаторіи . . .	800	»
» »	въ августѣ на рѣчкѣ Черной. . .	8,000	»
	Итого . . .	24,000	чел.

Слѣдовательно, всѣхъ выбывшихъ изъ строя по 25-е августа, можно считать 104,000 человѣкъ.

Что касается убыли во французскихъ войскахъ, то изъ рапорта французскаго военнаго министра отъ 8-го сентября 1856 года видно, что изъ отправленныхъ на востокъ 309,268-ми человѣкъ, всего, по свѣдѣніямъ, умерло 67,056, пропало безъ вѣсти, за исключеніемъ вернувшихся изъ плѣна, 1,781 и погибло въ моряхъ—392. Итого, общая потеря французскихъ войскъ должна быть 69,229 человѣкъ, такъ что если эту потерю вычесть изъ общаго количества 309,628, должно бы остаться на лицо 240,039 человѣкъ, а между тѣмъ 1) извѣстно, что по заключеніи мира возвратилось во Францію выздоровѣвшихъ и отпускныхъ 65,069, отозваны полки въ составѣ 20,390 и осталось къ 30-му марта 1856 года въ восточной арміи на лицо: въ Крыму — 120,476 человѣкъ, въ Турціи подъ ружьемъ—15,316 и въ госпиталяхъ—10,448, т.-е. всего 146,240, такъ что численность французской арміи съ 30-го марта 1856 года до заключенія мира представляла собою цифру 231,699 человѣкъ; затѣмъ, изъ этого числа умерло послѣ заключенія мира 4,564 человѣка и, слѣдовательно, возвратилось во Францію 227,135 человѣкъ; 2) если сравнить эту послѣднюю цифру съ предъидущею, то разница окажется въ 12,904 человѣкъ; эту разницу также нужно причислить къ убыли, выведенной въ рапортѣ военнаго министра въ 69,229 человѣкъ, такъ что общая убыль во французскихъ войскахъ выразится цифрой 82,133 человѣкъ [1]).

[1]) Въ запискахъ А. П. Хрущова нѣтъ свѣдѣній о потеряхъ въ англійскихъ,

Изъ приведенныхъ 41,974-хъ лошадей прибыло обратно во Францію 9,000; слѣдовательно, пало до 33,000 лошадей.

XX.

(Свѣдѣнія о выпущенныхъ снарядахъ и проч.—Приказъ Государя россійскимъ войскамъ.—Награды.—Нападенія на Корфа и потеря имъ шести орудій.—Взятіе непріятелемъ Кинбурнъ.—Октябрь).

Во время севастопольской обороны мы выпустили снарядовъ разныхъ калибровъ 1.386,600 штукъ, въ томъ числѣ разрывныхъ 571,500. Пуль выпущено болѣе 25.000,000 штукъ. Пороху употреблено до 205,800 пудовъ [1]).

Непріятель выпустилъ съ флота 150,000 снарядовъ, а съ батарей въ течeніи осады до 1.600,000.

24-го августа въ одни сутки брошено въ городъ до 70,000 ядеръ и до 16,000 разрывныхъ снарядовъ. 15-го іюля въ два съ половиной часа брошено на одинъ 4-й бастіонъ 1,300 бомбъ и гранатъ [1]).

Траншеи союзниковъ простирались на 110,000 шаговъ или 75 верстъ, между тѣмъ какъ при прежнихъ осадахъ наибольшее протяженіе траншей не превышало никогда 20,000 шаговъ.

Мы бросили въ Севастополѣ 27-го августа: 3,967 чугунныхъ орудій, 80 полевыхъ (затоплено въ бухтѣ), 294,000 ядеръ, 24,000 картечей и 14,700 пудовъ пороху. (По свѣдѣніямъ же непріятеля, союзники нашли въ Севастополѣ 407,000 ядеръ и 107,000 разрывныхъ снарядовъ).

сардинскихъ и турецкихъ войскахъ. Въ исторіи же восточной войны М. И. Богдановича потери союзниковъ во время осады Севастополя исчислены слѣдующимъ образомъ: французы потеряли вообще выбывшихъ изъ строя, не считая умершихъ отъ болѣзни, до 46,000 человѣкъ. Англичане во время осады потеряли одними убитыми до 5,000 человѣкъ, слѣдовательно, вообще не менѣе 25,000 человѣкъ. Уронъ турокъ и сардинцевъ въ точности не извѣстенъ.

Ред.

[1]) Сюда не включены снаряды полевой артиллеріи, бывшей въ Севастополѣ, и вообще то, что было потреблено внѣ оборонительной линіи. Прим. авт.

[1]) При осадѣ Гибралтара съ 1781 по 1783 годъ выпущено только 270,000 снарядовъ.

Изъ рапорта французскаго военнаго министра 8-го сентября 1856 года видно:

1) Перевезено въ Крымъ пушекъ и гаубицъ 279, мортиръ 365. Дано флотомъ въ распоряженіе осаднаго парка 650 пушекъ и гаубицъ и 140 турецкихъ орудій. Всего было въ употребленіи 1,434 орудія; кромѣ того, полевой артиллеріи 287 орудій.

2) Перевезено: ядеръ 283,520, гранатъ 285,000, ручныхъ гранатъ 75,000, бомбъ 512,700, картечи 3,100. Всего: снарядовъ 1.159,320, зарядовъ съ ядрами, гранатами и картечью 321,736, патроновъ 65.638,118 и пороху въ бочкахъ 2.474,600 килограммовъ. Всего въ распоряженіи французской арміи было: 1,721 орудіе, 2,083 лафета, 2,740 повозокъ, 2.128,000 снарядовъ, 4.000,000 килограммовъ (244,000 пудовъ) пороху, 90,000 килограммовъ пороховой мякоти и до 8,000 ракетъ большаго колибра, полетъ которыхъ былъ отъ 5 до 7 тысячъ метровъ.

3) Инструментовъ: землекопныхъ 72,000, каменоломныхъ 7,500 штукъ; для рубки лѣса болѣе 6,000, минныхъ до 2,000, мѣшковъ для подноски земли 920 штукъ, бревенъ для палисадовъ 8,000, бараковъ офицерскихъ и салдатскихъ 2,900 и чугунныхъ печей 2,800.

4) Сухарей было 12.500,000 килограммовъ, муки 22.000,000, сухихъ овощей 193,000, рису 3.500,000, сахару 2.500,000, кофе 2.500,000, солонины 518,000. Заготовлено въ прокъ говядины 3.000,000 килограммовъ, рогатаго скота 10,000 головъ, вина 116,000 гектолитровъ, водки и рому 13,500 гектолитровъ. Дровъ 2.000,000 килограммовъ, каменнаго угля 15.500,000, сѣна 7.700,000, овса 43.500,000 килограммовъ. Одежда и госпитальныя вещи въ большомъ количествѣ.

Государь, получивъ извѣстіе объ оставленіи Севастополя, отдалъ 30-го августа 1855 года слѣдующій приказъ россійскимъ арміямъ:

«Долговременная, едва-ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество.

«Въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастополя оспаривалъ у сильнаго непріятеля каждый шагъ родной, окружавшей городъ земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четырекратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ, или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ. 27-го числа августа мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловымъ бастіономъ. Главнокомандующій крымской арміи, щадя драгоцѣнную кровь своихъ сподвижниковъ, которая при семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины.

«Скорбя душою о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, коему неугодно было наградить подвиги полнымъ успѣхомъ, Я признаю святою для себя обязанностью изъявить, и въ семъ случаѣ, отъ Имени Моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей, почти годъ продолжавшейся, защитѣ сооруженныхъ имъ въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, снова ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія

своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей.

«Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ всѣ наши войска, съ тою же пламенною безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же любовію ко Мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость отечества; а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имя защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ совокупно съ именами героевъ, сражавщихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ».

Александръ.

За отбитіе штурмовъ отъ нѣкоторыхъ пунктовъ оборонительной линіи и вообще за послѣднее время обороны получили награды: генералъ-адъютантъ Коцебу, ген.-лейтенантъ Павловъ и ген.-маіоръ Собашинскій—Георгія 3-го класса; я—бриллiантовую саблю, къ которой былъ представленъ раньше, за отбитіе нападенія отъ ложементовъ 12-го апрѣля; ген.-лейтенанты Хрулевъ и Семякинъ—аренды; князь Васильчиковъ и Тотлебенъ—званіе ген-адъютантовъ.

Впослѣдствіи, въ началѣ слѣдующаго года, пожалованы орденомъ Георгія 3-го класса бывшіе начальники отдѣленій въ послѣдніе дни Севастополя, капитаны 1-го ранга: Микрюковъ, Перелешины 1-й и 2-й и Кернъ, а потомъ (14-го мая) я и ген.-маіоръ Шейдеманъ.

Войска Севастопольскаго гарнизона при переходѣ на Сѣверную сторону были направлены: 2-го и 3-го корпусовъ—на рѣки Бельбекъ и Качи, полки же 4-го корпуса оставлены на Сѣверной сторонѣ и Инкерманской позиціи, какъ равно временно и 14-я дивизія; полки 16-й дивизіи

отправлены на Мекензіеву гору, гдѣ находился штабъ 6-го корпуса съ 17-ю дивизіей.

Въ это время командовали корпусами: 2-мъ, за неприбытіемъ генерала Офросимова — ген.-лейтенантъ Шепелевъ; 3-мъ, назначенный вмѣсто убитаго Реада, ген.-лейтенантъ Сухозанетъ [1]), который имѣлъ корпусную квартиру въ Орто-Королезѣ; 4-мъ командовалъ графъ Остенъ-Сакенъ на Инкерманской позиціи, гдѣ временно оставался и главный штабъ арміи; 6-мъ корпусомъ командовалъ ген.-лейтенантъ Липранди на Мекензіевой горѣ.

Перейдя на Сѣверную сторону утромъ 28-го августа, я на другой день поѣхалъ къ своей бригадѣ, т.-е. къ первой 16-й дивизіи на Мекензіеву гору; но въ главной квартирѣ объявили мнѣ, что я назначенъ приказомъ главнокомандующаго командовать 16-ю дивизіей. И въ то же время поручены дивизіи: 8-я ген.-маіору Тетеревникову (онъ все лѣто былъ начальникомъ отрядовъ на Сѣверной сторонѣ), вмѣсто князя Урусова, назначеннаго командиромъ 2-й резервной гвардейской дивизіи; 9-я дивизія — ген.-маіооу Бабкину, вмѣсто смертельно ранего Лысенко. Въ прочихъ же дивизіяхъ оставлены прежніе командиры.

Вслѣдъ затѣмъ 1-го сентября, главнокомандующій лично приказалъ мнѣ сдать команду 16-й дивизіи генералу Шульцу, самому же вступить въ командованіе 12-й дивизіей вмѣсто раненаго Мартинау, и принять начальство надъ всѣми войсками, расположенными на Сѣверной сторонѣ Севастополя.

Прибывъ на Сѣверную сторону, я нашелъ тамъ, кромѣ 12-й дивизіи, еще 10-ю, которой командовалъ, вмѣсто заболѣвшаго Семякина, ген.-маіоръ Голевъ, и 14-ю, которой командовалъ ген.-лейтенантъ Моллеръ [1]) по увольаеніи ко-

---

[1]) Онъ брибылъ въ концѣ августа.

[1]) Генерала Моллера, жившаго безвыходно на Николаевской батареѣ, чуть

тораго дивизію передали начальнику Курскаго ополченія Бѣлевцеву и перевели въ началѣ сентября на Бельбекъ, у меня же на Сѣверной сторонѣ остались 10-я и 12-я дивизіи и два саперныхъ баталіона.

Главнымъ начальникомъ Сѣверной стороны былъ вице-адмиралъ Панфиловъ.

Въ половинѣ сентября, по выздоровленіи Семякина, 10-ю дивизію перевели на Бельбекъ, а на Сѣверную сторону поставили 15-ю резервную ген.-маіора Линскаго.

Мы тотчасъ же приступили къ постройкѣ новыхъ батарей по бухтѣ и по берегу моря. Непріятель сильно стрѣлялъ по Сѣверному укрѣпленію.

Нѣкоторое время главнокомандующій былъ въ нерѣшимости: оставаться-ли на Сѣверной сторонѣ и другихъ позиціяхъ или отойти назадъ и сосредоточить всю армію около Бахчисарая, или Симферополя. Въ пользу того и другаго можно сказать многое; но такъ какъ непріятель не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Евпаторіи, то вышло лучше, что мы не бросили Сѣверную сторону.

Противъ нашего лѣваго фланга французы по взятіи Севастополя приступили къ разработкѣ дороги отъ селенія Уркусты черезъ перевалъ по направленію къ Еникале, гдѣ стоялъ отрядъ подъ командой генерала Миттона, непосредственно подчиненнаго въ это время, равно какъ и войска лѣваго фланга и главнаго резерва на Бельбекѣ, генер. Сухазанету.

10-го сентября непріятель отправилъ часть войскъ на десяти корабляхъ и высадилъ ихъ въ Евпаторіи и около Кинбурна.

16-го числа главная квартира перешла въ Орта-Кородезъ.

не забыли въ Севастополѣ 27-го августа. Вскорѣ по переходѣ нашихъ войскъ на Сѣверную сторону, его уволили въ отпускъ, а потомъ въ отставку.

Около этого же времени Государь прибылъ въ Николаевъ съ великими князьями, своими братьями. Его Величество отправилъ къ намъ генералъ-квартирмейстера барона Ливена для осмотра нашихъ позицій и для узнанія намѣреній князя Горчакова.

18-го сентября непріятельскій корпусъ вышелъ изъ Евпаторіи и напалъ въ расплохъ на отрядъ ген.-лейтенанта барона Корфа, причемъ взято у насъ 6 орудій, брошенныхъ кавалеріей. Корфа исключили изъ службы, но его слѣдовало предать военному суду. Въ это время вся кавалерія, расположенная близь Евпаторіи, состояла подъ главнымъ начальствомъ командира драгунскаго корпуса ген. Шабельскаго.

Были слухи, за достовѣрность которыхъ впрочемъ не ручаюсь, что главнокомандующій послѣ неудачи подъ Евпаторіей рѣшился бросить Сѣверную сторону Севастополя и сосредоточить всѣ войска у Бахчисарая, но на другой день измѣнилъ свое рѣшеніе, чему способствовалъ будто бы ген. Сухазанетъ. Были немедленно приняты мѣры на случай наступленія непріятеля и сдѣлано распоряженіе, что въ случаѣ высадки у Качи, мнѣ идти немедленно съ 12-й дивизіей къ Мамашаю для первой встрѣчи непріятеля, а генералу Линскому съ 15-й резервной дивизіей оставаться на Сѣверной сторонѣ и въ ожиданіи послѣдующихъ распоряженій стать фронтомъ къ рѣкѣ Бельбеку.

По желанію генералъ-адмирала, велѣно отправить въ Николаевъ большую часть флотскихъ экипажей. На Сѣверной сторонѣ (на батареяхъ) они были смѣнены пѣхотными солдами изъ всѣхъ полковъ и дружинами Орловскаго ополченія.

25-го сентября непріятельскій флотъ, въ числѣ 54-хъ винтовыхъ судовъ съ десантомъ, направился сначала къ Евпаторіи, а потомъ мимо мыса Тарханъ-Кульскаго къ Кинбурну, гдѣ высадивъ десантъ, овладѣлъ безъ труда

этою крѣпостью. Комендантъ генералъ-маіоръ Кохановскій взятъ въ плѣнъ. По освобожденіи изъ плѣна его предали суду. Главнокомандующій, предполагая, что непріятель имѣетъ намѣреніе высадиться у Перекопа, направилъ туда генерала Плаутина съ двумя гренадерскими дивизіями и генерала Офросимова съ 4-ю и 5-ю пѣхотными дивизіями отъ селенія Алма-Кирмень.

27-го сентября командуемая мною 12-я дивизія переведена на промежуточную позицію между Инкерманской и Мекензіевой горою.

Въ первыхъ числахъ октября непріятель подходилъ къ Еникале, но потомъ отодвинулся обратно къ перевалу. Главнокомандующій предложилъ тогда Липранди пройти *незамѣтно* (!) съ тремя дивизіами на высоты между Езенбашикомъ и Айтадоромъ, чтобы отбросить непріятеля съ перевала; но Липранди доказалъ невозможность этого предпріятія. Онъ утвердительно говорилъ, что за нашъ лѣвый флангъ нечего было опасаться, потому непріятелю нѣтъ никакого разсчета предпринимать что-либо серьезное съ съ этого фланга,

4-го октября на военномъ совѣтѣ въ Орто-Королезѣ было рѣшено, чтобы, въ случаѣ если непріятель будетъ наступать въ большихъ силахъ отъ Евпаторіи, графу Сакену, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго, идти на встрѣчу непріятелю съ 9-ю дивизіями, а именно: 2-й и 3-й гренадерскими и 4-й, 5-й, 7-й, 9-й, 10-й, 12-й и 14-й пѣхотными; для обороны же Сѣверной стороны долженъ былъ оставаться Липранди съ 11-й, 16-й, 17-й и 15-ю резервными дивизіями. Защита лѣваго фланга возложена на генерала Сухазанета съ 6-й, 8-й и съ частью 7-й резервной дивизіи.

10-го октября получено было донесеніе отъ Шабельскаго, что непріятель, въ числѣ около 50 тысячъ, вышелъ изъ Евпаторіи, и главнокомандующій немедленно стянулъ

къ Бахчисараю 7-ю, 9-ю, 10-ю, 12-ю и 14-ю дивизіи, но по полученіи 12-го числа новаго донесенія, что непріятель возвратился въ Евпаторію, сдѣлано было другое распоряженіе, и 7-я и 9-я дивизіи отведены было обратно на рѣку Бельбекъ.

18-го октября 12-я дивизія была направлена къ Евпаторійскому отряду въ деревню Илезъ, гдѣ 20-го числа я передалъ эту дивизію генералъ-маіору Химшееву и возвратился къ 1-й бригадѣ 16-й дивизіи на Мекензію.

Назначеніе Химшеева послѣдовало вслѣдствіе старшинства въ чинѣ, хотя въ самое опасное время и, такъ сказать, на носу у непріятеля мнѣ поручили командонаніе болѣе двухъ дивизій, не смотря ни на какое старшинство, ибо я былъ одинъ изъ младшихъ бригадныхъ каманди ровъ. По поводу просьбы корпуснаго командира графа Сакена о томъ, чтобы меня оставили во главѣ 12-й дивизіи, ген.-адъютантъ Коцебу сказалъ начальнику штаба 4-го корпуса Козлянинову: «не одинъ графъ Сакенъ, мы всѣ знаемъ достоинства Хрущова, но если мы будемъ его такъ форсировать, то онъ наживетъ себѣ враговъ». Графъ Сакенъ въ приказѣ по корпусу отъ 21-го октября, между прочимъ, выразился «... мнѣ пріятно выразить мою искреннюю признательность командовавшему этою девизіей ген.-маіору Хрущову, который знаніемъ дѣла, распорядительностью и попечительностью о начальствуемой имъ дивизіи въ короткое время своего командованія привелъ въ возможно лучшій порядокъ и устройство часть, понесшую передъ тѣмъ тяжкія потери, и заслужилъ единогласное довѣріе подчиненныхъ».

Къ концу октября, войска наши занимали слѣдующія позиціи:

Ген. Шабельскій, съ кавалеріей и 12-й пѣхотной дивизіей, въ селеніи Илезѣ и въ 30-ти верстахъ отъ Евпаторіи.

Ген. Плаутинъ, со 2-ю и 3-ю гренадерскими дивизіями, между Перекопомъ, Симферополемъ и Евпаторіей.

Ген. Офросимовъ, съ 4-ю и 5-ю дивизіями, на рѣкѣ Альмѣ, между Симферополемъ и Бахчисараемъ.

Ген. Семякинъ, съ 10-ю дивизіей, на рѣкѣ Качи, въ трехъ верстахъ отъ Бахчисарая[1]).

Ген. Ушаковъ, съ 7-й, 9-й и 14-й дивизіями, на рѣкѣ Бельбекѣ, у деревни Зеленкой. Онъ былъ подчиненъ Сухозанету и составлялъ его резервъ.

Ген. Сухозанетъ, съ 6-ю и 8-ю дивизіями и Смоленскимъ резервнымъ полкомъ, на передовыхъ позиціяхъ лѣваго фланга. Корпусная квартира въ Орто-Королезѣ. У Сухозанета сверхъ поименованныхъ войскъ было подъ командой нѣсколько кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ.

Генералъ Липранди, съ 16-й и 17-й дивизіями, на Мекензіи.

Ген. Павловъ, съ 11-й дивизіей, на Инкерманской позиціи.

Ген. Фрейтагъ, съ 15-й резервной дивизіей, на Сѣверной сторонѣ Севастополя.

XXI.

(Пріѣздъ Государя въ Бахчисарай.—Выходъ изъ Крыма 2-го и 6-го корпусовъ и 14-ой дивизіи.—Отозваніе князя Горчакова и назначеніе генерала Лидерса главнокомандующимъ крымской арміей.

28-го октября Государь пріѣхалъ въ Бахчисарай. Его сопровождали великіе князья Николай и Михаилъ, графъ Орловъ и графъ Адлербергъ, баронъ Ливенъ, князь Барятинскій и другіе. Его Величество объѣзжалъ позиціи и осматривалъ войска: 29-го числа на Сѣверной сторонѣ, Инкерманѣ и Мекензіи, кромѣ авангардной позиціи; 30-го числа на Бельбекѣ и лѣвомъ флангѣ, а 31-го числа на рѣкѣ Качѣ. и въ тотъ же день уѣхалъ въ Симферополь. Во время

1) Въ это время въ этомъ городѣ находилась главная квартира.

этого объѣзда Государь оказалъ особенное вниманіе войскамъ, бывшимъ въ Севастополѣ во время осады, и изволилъ пожаловать имъ особенную медаль. Всѣмъ нижнимъ чинамъ дано по рублю. Меня Государь осчастливилъ, поцѣловавъ и сказавъ при этомъ: «благодарю за все».

Въ половинѣ ноября 2-й и 6-й корпуса выведены изъ Крыма въ кадровомъ составѣ и поступили въ вѣдѣніе командовавшаго южною арміей генерала Лидерса. Вскорѣ потомъ выведена 14-я, а вслѣдъ затѣмъ и 15-я резервная дивизія. Всѣхъ нижнихъ чиновъ этихъ дивизій, за исключеніемъ кадровъ, передали въ полки 3-го и 4-го корпусовъ.

Главнокомандующій, жалая оставить ген.-лейтенанта Веселитскаго и меня въ Крыму, далъ первому 11-ю пѣхотную дивизію, вмѣсто ген.-лейтенанта Павлова, назначеннаго начальникомъ 17-и дивизіи, а мнѣ далъ вторую бригаду 9-й дивизіи; 1-й же бригады назначенъ командиромъ генералъ-маіоръ Шейдеманъ. Вслѣдъ за симъ, по случаю назначенія генералъ-маіора Бабкина командиромъ 6-й резервной дивизіи, мнѣ поручена 9-я дивизія, которою я командовалъ до заключенія мира.

9-я дивизія стала по бригадно на Сѣверной сторонѣ и на Инкерманѣ, 11-я на Мекензіевой горѣ, 8-я заняла Королезское ущелье, а Смоленскій полкъ передовую позицію лѣваго фланга у Еникале, 7-я дивизія осталась на рѣкѣ Бельбекѣ и дер. Зеленкой, 10-я на Качѣ близь Бахчисарая, 12-я въ Евпаторійскомъ отрядѣ, двѣ Гренадерскихъ на рѣкѣ Альмѣ и въ Симферополѣ и три полка 7-й резервной дивизіи въ восточной части Крыма.

Сѣверная сторони поручена ген.-маіору Шейдеману.

Инкерманская позиція—мнѣ.

Микензіева—ген.-лейтенанту Веселитскому.

Первый отрядъ у Еникале—полковнику Оклобжіо.

Главный начальникъ передовыхъ позицій назначенъ Су-

хозанетъ. Его корпусная квартира оставалась по прежнему въ Орта-Королезѣ. Корпусная квартира 4-го корпуса въ Бахчисараѣ.

25-го октября полковникъ Оклобжіо съ нѣсколькими сотнями стрѣлковъ и казаками сдѣлалъ нападеніе на французскій отрядъ, занимавшій перевалъ, причемъ взялъ въ плѣнъ 18 человѣкъ; самъ же потерялъ: 60 человѣкъ убитыми, 55 ранеными и 25 безъ вѣсти пропавшими.

Изъ этого можно заключить, что предпріятіе было не совсѣмъ удачно.

Работы на Сѣверной сторонѣ продолжались до весны, т.-е. до заключенія перемирія. Кромѣ береговыхъ батарей, отъ селенія Учкуя до Инкермана, приступили къ постройкѣ редутовъ для обороны Сѣверной стороны противъ нападенія съ рѣки Бельбека и Инкермана; работы совершенно безполезныя, такъ какъ нельзя было защищать Сѣверную сторону, если бы непріятель занялъ высоты Бельбека и Инкермана.

Понапрасну только изнуряли людей.

Начальникъ Сѣверной стороны, генералъ Шейдеманъ, весьма часто, безъ всякой надобности, открывалъ пальбу по городу, но непріятель не отвѣчалъ на нашъ огонь. Шейдеманъ имѣлъ странную идею, что непріятель можетъ атаковать Сѣверную сторону съ бухты. Кажется, онъ успѣлъ въ этомъ увѣрить и Сухозанета.

На ввѣренной мнѣ Инкерманской позиціи никогда не было перестрѣлки между батареями и аванпостами, выставляемыми на ночь на Черной рѣчкѣ; но мы всегда готовы были встрѣтить непріятеля, если бы онъ рѣшился атаковать нашу позицію. Обыкновенно, съ наступленіемъ темноты, спускался съ горъ дежурный баталіонъ и занималъ цѣпью правый берегъ рѣки. Одинъ только разъ, а именно въ день заключенія перемирія (въ февралѣ 1856 года), французы открыли огонь по мнѣ и моей свитѣ, когда мы ѣхали

на Генуэзскую башню, чтобы посмотрѣть оттуда на съѣздъ уполномоченныхъ близъ каменнаго моста (съ нашей стороны былъ Тимашевъ). Обстоятельство это вслѣдъ затѣмъ объяснилось: аванпостъ отъ войскъ, охранявшихъ Мекензіеву позицію, выставленный лѣвѣе Генуэзской башни (эта башня была крѣпкимъ пунктомъ моей позиціи), не зная о приказаніи не стрѣлять въ это утро, открылъ пальбу по вышедшимъ изъ заваловъ французамъ, что ихъ удивило. Увидя же нашу кавалькаду, они открыли по насъ сильный огонь, въ чемъ послѣ извинялись. Никто изъ моей свиты не былъ раненъ. При полкахъ моей дивизіи находились дружины Калужскаго ополченія. Они были въ грустномъ положеніи и не принесли бы пользы въ полевомъ сраженіи [1]).

Въ исходѣ декабря, по случаю тяжкой болѣзни фельдмаршала князя Варшавскаго, главнокомандующій князь Горчаковъ отозванъ въ Петербургъ, а крымская армія поручена генералу Лидерсу, мѣсто котораго въ южной арміи заступилъ Сухозанетъ. Командовать же 3-мъ корпусомъ и передовыми позиціями лѣваго фланга въ Крыму назначенъ командиръ 7-ой дивизіи, ген.-лейтенантъ Ушаковъ.

Въ послѣднихъ числахъ 1855 года бывшій и новый главнокомандующіе вмѣстѣ объѣхали передовыя позиціи, а 1-го января 1856 года князь Горчаковъ уѣхалъ въ Пепербургъ.

Графъ Сакенъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а ген.-адъютантъ Коцебу—командиромъ 5-го корпуса.

Весь главный штабъ перемѣнился; назначены начальникомъ главнаго штаба арміи: ген.-лейтенантъ Непокой-

---

[1]) Въ Крымъ прибыли, кромѣ Курскаго ополченія, Тульское, Калужское и нѣсколько дружинъ Орловскаго ополченія. Всѣ они были прикомандированы къ полкамъ и составляли четвертые баталіоны. Изъ начальниковъ ополченія генералъ Бѣлевцевъ, какъ сказано выше, получилъ командованіе 14-ой дивизіей, прочихъ же отпустили домой.

чицкій, ген.-квартирмейстеромъ—ген.-маіоръ Глѣбовъ. дежурнымъ генераломъ — ген.-маіоръ Черкинскій. Затѣмъ остался только генералъ-интендантъ Затлеръ. Командиромъ 4-го корпуса назначенъ генералъ Гельфрейгъ, а начальникомъ штаба южной арміи—князь Васильчиковъ.

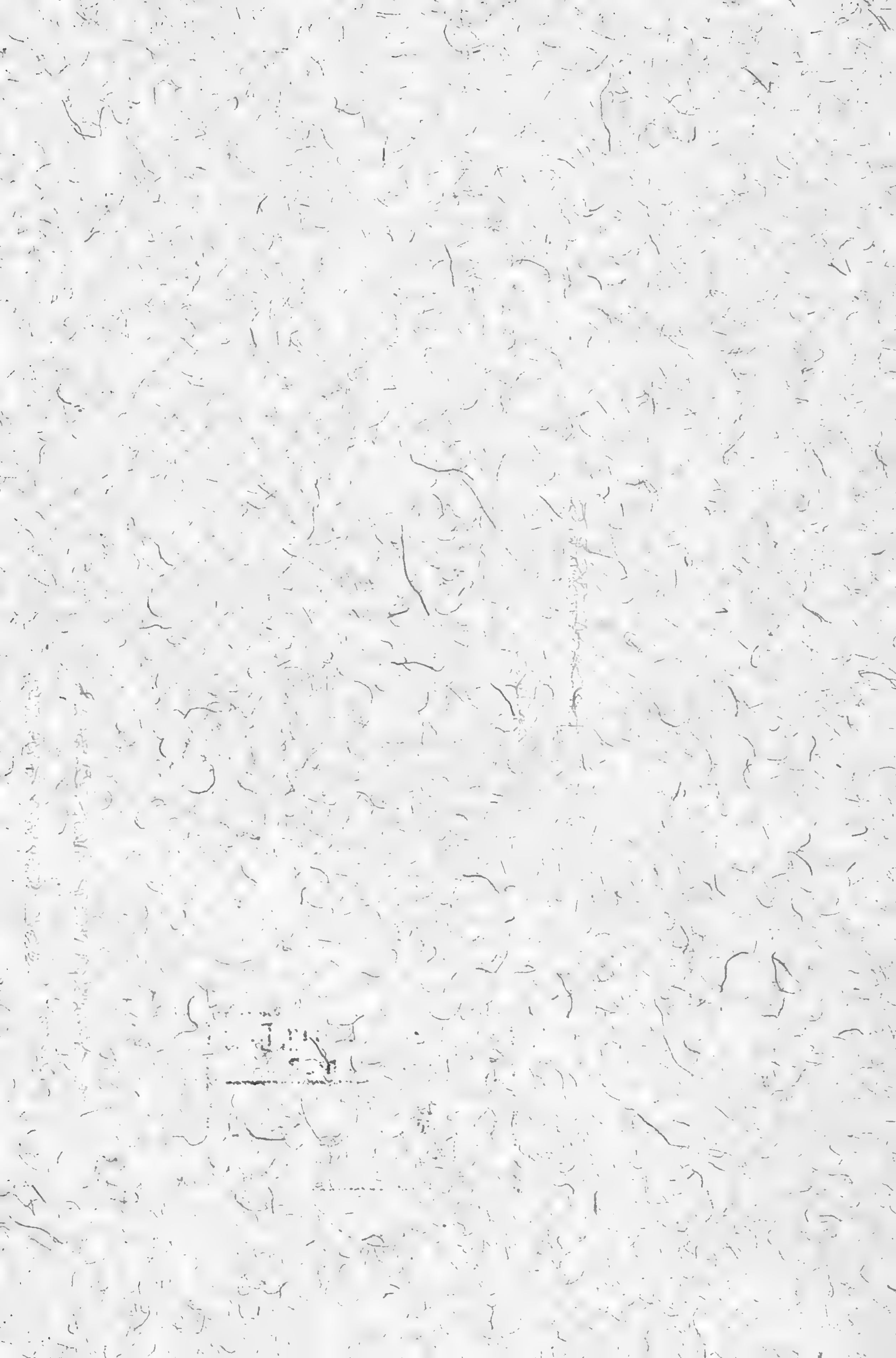
Во второй половинѣ января генералъ Лидерсъ осматривалъ полки командуемой мною дивизіи.

Въ февралѣ было заключено перемиріе, а въ мартѣ заключенъ въ Парижѣ и миръ. Я передалъ 9-ю дивизію ген.-лейтенанту Дейтриху, назначенному Высочайшимъ приказомъ, и штабъ дивизіи переведенъ въ Симферополь, а я со 2-ю бригадою расположился въ окрестностяхъ Евпаторіи, которая вскорѣ была передана намъ.

Генералъ Лидерсъ уѣхалъ въ Одессу, а старшимъ начальникомъ въ Крыму остался новый командиръ 3-го корпуса баронъ Врангель.

Въ іюлѣ наша дивизія выступила изъ Крыма и, простоявъ въ Мелитополѣ около двухъ недѣль, была направлена въ Орловскую губернію.

Цѣна 1 руб.

